

Национальная Академия наук Республики Таджикистан

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша

На правах рукописи

Кобилова Мастона Пирумшоевна

**ТРАДИЦИИ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В
ИСТОРИЧЕСКОЙ ОДЕЖДЕ ТАДЖИКОВ**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор Саидов А.

Душанбе – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень сокращений и условных обозначений	3
Введение	4 - 23
Глава 1. Традиции и их нарушение в оформлении и ношении народной одежды (конец XIV - начало XX вв.)	23 – 79
1.1. Сложение традиционной одежды таджиков как составляющей национальной культуры.	23 - 54
1.2. Формирование нетрадиционализма в узорах вышитых платьев	54 - 67
1.3. Генезис мужских брюк в таджикской одежде как развитие нетрадиционного подхода к ношению верхней одежды	67 - 79
Глава 2. Распространение нетрадиционных форм и видов в исторической и традиционной одежде и их социокультурное значение	80 - 144
2.1. Появление платья с прозрачным передом и его трансформация	75 - 107
2.2. Внедрение распашной нательной одежды в женский костюм	107 - 122
2.3. Сложение моды на платья с рукавами разной длины	123- 144
Заключение	145 - 148
Список использованной литературы	149 - 170
Приложение 1. Терминологический словарь по исторической одежде таджиков	171 - 179
Приложение 2. Альбом иллюстраций	180- 192

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АН	- Академия наук
в.	- век
вв.	- века
г.	- год
гг.	- годы
до н.э.	- до нашей эры
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
кн.	- книга
колл.	- коллекция
МАЭ	- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН РФ
р.	- река
РТ	- Республика Таджикистан
РФ	- Российская Федерация
погр.	- погребение
тыс.	- тысячелетие

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Известно, что народный костюм служит одним из наиболее ярких проявлений национальной идентичности. Его главным составляющим является традиционная одежда. Состав одежды, ее стиль влияют на выбор других костюмных атрибутов – головного убора, обуви, украшений, аксессуаров. С учетом этого, изучение истории сложения традиционной одежды народа позволяет, с одной стороны, выявить элементы преемственности традиций в национальной культуре одежды, с другой - дать в той или иной мере объективности оценку уровню развития общества в конкретные исторические эпохи.

Народная одежда таджиков как категория, выражающая специфичность материальной культуры этноса, формировалась в течение многих столетий. Она, подобно другим явлениям национальной культуры и быта, в процессе своего сложения и эволюции подвергалась разным изменениям под влиянием процессов, протекавших в этнической истории, социальных отношениях, смене идеологии, а также эстетических нормах (изменчивость моды). Многовековое развитие одежды, естественно, породило множество видов и типов. Их выявление позволяет разработать типологию исторической одежды и на этой основе расширить наши знания в области эволюции портновских традиций народа.

Знакомство с описательными и наглядными материалами источников по исторической одежде таджиков позволяет выявить факты существования и даже в некоторой степени распространения в прошлом образцов одежды неестественной формы или непривычного оформления, а также примеров необычной манеры в ее носке. Эти случаи можно трактовать как примеры нарушения традиционализма в покрое и изготовлении одежды или в ее использовании.

Разумеется, некоторые из таких зафиксированных примеров могут быть связаны с проявлением фактора случайности, заключающегося в непреднамеренном нарушении закономерности - в форме, размерах отдельных деталей, оформлении или в обычае носки одежды. Допустим, что персонаж картины средневекового художника изображен в заурядном для того времени предмете одежды, однако вследствие реализованного художественного стиля возникает мнение, будто представленная одежда необычного покроя. В данном конкретном примере перед нами типичный образец распространенного в тот период одежного предмета, а мнимая его странность порождена манерой надевания. При всем том, без тщательного анализа нельзя исключить и обратного: такая неестественность могла быть достигнута и за счет своеобразного конструктивного решения предмета одежды. Вероятность справедливости второй версии повышается, когда один и тот же пример встречается неоднократно.

Повторяемость подобных случаев дает основание считать, что оригинальность покроя одежды, характера оформления или способа ее ношения отнюдь не случайны. Другими словами, мы становимся свидетелями проявления своеобразных течений в стиле и моде исторической и традиционной национальной одежды, имевших место в конкретных регионах и в определенные эпохи.

Отметим, что современная типология национального портновского дела составлена на основе тщательного и всестороннего изучения предметов исторической и традиционной одежды. В этих условиях выявление применявшихся предметов одежды с нетрадиционными характеристиками позволяет разработать более точную и более усовершенствованную типологию и таким образом дополнить наши знания по материальной культуре народа и ее истории. Это является одним из признаков актуальности выбранной темы исследования.

Актуальность настоящей темы выражается и в том, что ее разработка открывает новые страницы в изучении исторического костюма, позволяет обнаружить новые, редкие, и потому, малоизвестные в научном мире, виды покроев одежды, нехарактерные подходы к ношению отдельных видов предметов одежды. Кроме того, работа над данной темой дает возможность выявить истоки появления, как некоторых новых видов предметов одежды, так и отдельных направлений моды, получивших господство в более поздние исторические периоды.

Степень изученности проблемы. Историческая одежда таджикского народа для периода, рассматриваемого в данной диссертации, становилась предметом значительного числа исследований, выполненных с использованием источников разного вида. Опубликованная литература, которая освещает отдельные аспекты настоящей темы, может быть сгруппирована следующим образом:

В первую группу входят монографии и научные статьи известных ученых в области материальной культуры народов Центральной Азии, которые изучали одежду XIV–XVII веков с привлечением книжной миниатюры: Г. А. Пугаченкова¹, О. И. Галеркина², В. Г. Долинская³, М. В. Горелик⁴, Н. В. Дьяконова⁵, М. М. Ашрафи¹, З. И. Рахимова² и др.

¹ Пугаченкова Г.А. К истории паранджи / Советская этнография. – М., 1952. – № 3. – С. 191-195; Она же. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI в. // Труды Среднеазиатского госуниверситета. – Ташкент, 1956. – Т. XXXI. – С. 85-119; Она же. Миниатюры Средней Азии. В избранных образцах. Из советских и зарубежных собраний. – М.: Изобразительное искусство, 1979; Она же. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. – М.: Искусство, 1982 и др.

² Галеркина О. И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV –XVI вв. по данным миниатюр ленинградских собраний: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.-Л., 1951; Она же. Миниатюры Мавераннахра. – Л.: Аврора, 1980 и др.

³ Долинская В. Г. Очерк миниатюрной живописи Средней Азии XVI в. // Искусство таджикского народа. – Сталинабад, 1960. – Т. 29. – С. 173-203; Она же. Миниатюрная живопись Средней Азии / Звезда Востока. Ташкент, 1958. – № 7. – С. 152-159 и др.

⁴ Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII-XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма) // Советская этнография. – М., 1972. – № 2. – С.37-51; Он же. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 49-69.

⁵ Дьяконова Н. В. К истории одежды в Восточном Туркестане // Страны и народы Востока. – М. Наука, 1980. – Вып. 22. –Кн. 2. – С. 174-195.

Ко второй группе мы относим научные статьи, написанные по результатам изучения большого количества подлинных образцов старинной одежды и архивных фотоснимков конца XIX – начала XX века, а также привлечения материалов по этнографии таджиков и других народов региона. Особенно содержательными являются публикации научных сотрудников Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамеры) - Е. М. Пещеревой³, М. В. Сазоновой⁴, А. К. Писарчик⁵, Н. А. Кислякова⁶, Ф. Д. Люшкевич⁷, Р. А. Рассудовой⁸ и др.

¹ Ашрафи М. М. Миниатюры XVI в. в списках Джами из собраний СССР. - М.: Сов. художник, 1966; Она же. Бухарская школа миниатюрной живописи 40-70 гг. XVI в. - Душанбе, 1974; Она же. Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XIV-XVII вв. из собраний СССР. - Душанбе: Ирфон, 1974; Она же. Из истории развития миниатюры Ирана XVI в. - Душанбе: Дониш, 1978; Она же. Таджикская миниатюра. Бухарская школа XIV-XVII веков. – Душанбе, 2011; Она же. От Бехзада до Риза-йи Аббаси. Развитие миниатюры XVI – начала XVII веков. – Душанбе, 2011; Она же. Средневековой костюм таджиков XIV-XVII веков (по данным миниатюры). – Душанбе, 2002.

² Рахимова З. И. Суфийская концепция одежды в костюме шейков и дервишей (по данным позднегератской миниатюры) [Электронный ресурс]; Она же. Бухарский костюм XVI - XVII вв. в миниатюрах Мовароуннахра [Электронный ресурс]; Она же. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись XVI-XVII вв. как источник по истории костюма: Автореф. дис. ... канд. иск. – Ташкент, 1984; Полякова Е.А. Миниатюра и литература Востока: Эволюция образа человека (альбом) / Е. А. Полякова, З. И. Рахимова. – Ташкент: Изд. лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1987 и др.

³ Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе: Дониш, 1976.

⁴ Сазонова М. В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 90-106.

⁵ Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 113-122.

⁶ Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджиков // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. 15. – С. 291-316; Ершов Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства / Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева. – М.-Л., 1954. – 231 с.

⁷ Люшкевич Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. // Сб. МАЭ. – 1970. – Т. XXVI. – С. 283–312; Она же. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Ленинград, 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 123-144; Она же. Одежда как источник изучения этнической истории Бухарской области // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981 г. - Л., 1981. - С. 13-14; Она же. К истории костюма населения Бухарской области в конце XIX - начале XX в. // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. – Л., 1983. – С. 64-65; Она же. Типы женских головных уборов в Бухарском оазисе и прилегающих районах как один из этноопределяющих признаков (первая половина XX в.) // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений: Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Казахстана. Ноябрь 1983 г. - Л., 1983. - С. 4-5; Она же. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 107-138 и др.

⁸ Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. - Т. 26. - С. 16-51; Она же. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. - Т. 34. – С. 154-174; Она же. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. – М., 1983. – С. 164-178; Она же. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX – начало XX в.) Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980. – М., 1984. – С. 196-206; Она же. К истории одежды среднеазиатского духовенства

Третью группу составляют научные статьи и монографии этнографического содержания ученых, специально изучавших традиционный костюм таджиков. Их авторами являются З. А. Широкова¹, О. А. Сухарева², С. П. Русяйкина³, Бахтоваршоева⁴, Г. М. Майтдинова⁵ и др.

Четвертая группа охватывает монографии, написанные на основе комплексного этнографического изучения разных районов с таджикским населением. В этих работах своеобразие традиционной одежды местного образца является лишь одним из направлений исследования всего образа

// Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. - Л., 1989. – Вып. 43. – С. 170-179; Она же. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX-XX в.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 139-156 и др.

¹ Широкова З. А. Архаические детали в женской одежде горных районов Кулябской области. – Изв. Отд-ния общественных наук АН ТаджССР. – Сталинабад, 1953. - № 3. – С. 99-107; Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков / Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. - Душанбе: АН ТаджССР, Ин-т истории им. Ахмада Дониша, 1969; Она же. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976; Она же. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1989. - С. 182-203; Она же. Мужская и женская поясная одежда таджиков // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989; Широкова З.А. Таджикиский костюм конца XIX – XX вв. – Душанбе: Дониш, 1993.

² Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. - М., 1954. - Вып. 1. Новая серия. - Т. 21. - С.111-157; Она же. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии.- Л.: Наука, 1970. - С.101-112; Она же. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. - С. 77-102; Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 3-13; Она же. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). - М.: Наука, 1982 и др.

³ Русяйкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1959. - С. 132-214; Махова Е.И. Программа сбора материала по народной одежде народов Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа / Е. И. Махова, С. П. Русяйкина // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 94-109..

⁴ Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») // Сов.этнография. - М., 1973. – № 3. - С. 110-118; Она же. Платья традиционного покрова таджичек Памира // Памироведение: Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 145-152. – (АН ТаджССР. Комиссия Памироведения); Бабаева Н. Саван / Н. Бабаева, Л. Бахтоваршоева // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 127-132.

⁵ Майтдинова Г. М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53; Она же. История таджикского костюма. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм; Она же. Костюм раннесредневекового Кумед // Мероси ниёгон. – Душанбе, 1992. – Вып. 1. – С. 55-58; Она же. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. – Душанбе: Дониш, 1992; Она же. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987. – С. 114-132; Она же. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей / Г. М. Майтдинова, А. К. Елкина // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1994. – Вып. 25. – С. 74-78.

жизни и быта. К этой группе относятся труды Р. Л. Неменовой¹, М. А. Хамиджановой² и ряда других ученых.

Пятую группу составляют публикации русских и других зарубежных исследователей, в которых освещаются вопросы, связанные с взаимовлиянием костюма кочевников и оседлых народов Центральной Азии. Речь идет об отдельных исследованиях М. В. Горелика³, З. В. Доде⁴, Т. В. Сидоровой⁵, Э. Р. Кнауэр⁶, Дж. Вогельсанг-Иствуда⁷, Н. В. Хрипунова⁸, В. Прокопенко⁹ и др. Материалы этих работ посвящены отдельным аспектам

¹ Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. - Душанбе, 1998.

² Хамиджанова А. Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. - Душанбе: Дониш, 1974.

³ Горелик М. В. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII – XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. - Вып. 11. - Армавир, 2010. - С. 207–231; Он же. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма) // Батыр. - № 3. - Казань: Издательский дом Марджани, 2011. - С. 59-91; Он же. Погребение знатного золотоордынца у хутора Тормосин в Волгоградской области / М. В. Горелик, Л. В. Яворская // Батыр. - № 3. - Казань: Издательский дом Марджани, 2011. - С. 39-47.

⁴ Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: очерки истории. - М.: Восточная литература, 2001. - 136 с.; Она же. «Иранский» кафтан Хосрова и «адыгская струя» // Российский археологический ежегодник. - № 3, 2013. - СПб: «Университетский издательский консорциум», 2013. - С. 642-653; Она же. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. - Вып. 2. Археология, антропология, палеоклиматология. - М., 2001. - С. 117–127; Она же. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. - Вып. 6. - М.: Памятники исторической мысли, 2006. - С. 77-125; Dode Z. «Djutha», Necropole de la periode de la Horde d'Or dans Le village Caucasiens de Djuhti, Region de Stavropol / Z. Dode // Archeologie Medievale. - № 37. - Universite de Caen, 2007. - P. 67 – 90; Dode Z. Juhta Burial Chinese Fabrics of the Mongolian Period in 13th–14th Centuries in North Caucasus / Z. Dode // СИЕТА. - Bulletin 82, 2005. - P. 75–93; Dode Z. On the Issue of Silk Weaving in Genoese Kaffa and Textiles from the Belorechenskaia Kurgans / Z. Dode // Silkroad Foundation's journal, The Silk Road. - Vol. 11 for 2013. - P. 113-122.

⁵ Сидорова Т. В. Мужская одежда. Маячный бугор: что носили жители Золотой Орды? // Родина. - 2011. - № 11. - С. 52-54; Она же. Мужской золотоордынский костюм по материалам текстильного комплекса из могильника Маячный Бугор // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. - Казань, Астрахань, 2011. - С. 260-266; Она же. Мужской костюм золотоордынского времени из курганной группы Тормосин (Волгоградская область) // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2010». - Т. 1. - Нальчик, 2010. - С. 211-215; Она же. Мужской костюм золотоордынского времени из курганной группы Тормосин-83 (Волгоградская область) // Батыр. - № 3. - Казань: Издательский дом Марджани, 2011. - С. 48-55.

⁶ Knauer E. R. A Quest for the Origin of the Persian Riding Coats: Sleeved Garments with Underarm Openings / E. R. Knauer // Riding costume in Egypt: origin and appearance. - Brill. Leiden-Boston, 2004. - P. 7-28; Knauer E. R. Towards a history of the sleeved coat. A study of the impact of an ancient eastern garment on the West / E. R. Knauer // Expedition, The University Museum Magazine of Archaeology/Anthropology. - University of Pennsylvania 21.1, 1978. - P. 18-36.

⁷ Vogelsang-Eastwood G. Sasanian 'riding-coats': the Iranian evidence / G. Vogelsang-Eastwood // Riding costume in Egypt: origin and appearance. - Brill. Leiden-Boston, 2004. - P. 209-229.

⁸ Хрипунов Н. В. **Одежда с откидывающимися рукавами в Золотой Орде. - С. 84-95.**

⁹ Прокопенко В. Обзор предметов поясной одежды исламского мира (XVI - XVIII вв.) [Электронный ресурс].

настоящей темы, в частности, генезису, географии распространения, типологическим особенностям предметов нетрадиционной одежды и т.п.

В шестую группу входят статьи, составленные на основе использования сведений письменных источников периода до присоединения Средней Азии к России. Нужно признать, что таких публикаций пока еще мало. В числе этих работ можно указать на краткую статью Р. Г. Мукминовой для периода XVI века¹, а также диссертационное исследование и ряд статей Д. К. Раджабовой с обширными хронологическими границами (IX - XX века), посвященное исторической трансформации предметов верхней одежды таджиков².

К этой группе в какой-то степени имеют отношение и труды М. Ф. Иброхимова, в которых, по большей мере на основе памятников письменности, исследуются как историческая и традиционная одежда таджиков, так и национальные ткани этого народа³.

В целом, исследователями уже проделана очень большая работа, которая позволила разработать достаточно стройную теорию генезиса и эволюции народной одежды таджиков. Вместе с тем, каждое новое исследование в этом направлении в той или иной мере обогащает наши знания о своеобразии национальной одежды, раскрывает еще не известные науке грани этого вопроса. В публикациях по истории регионального костюма встречается немало спорных утверждений, продиктованных

¹ Мукминова Р. Г. Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 70-77.

² Раджабова Д. К. Кабо – одежда аристократов // Матер. Республ. научно-практической конфер. по теме «Наука и инновационная среда в условиях вступления Республики Таджикистан в ВТО» (25-26 апреля 2014 г.). – Душанбе, Технологический университет Таджикистана, 2014. – С. 212-215; Она же. Историческая эволюция народного костюма таджиков (трансформация верхней одежды). – Дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2016; Она же. От джуббы до чалана. Историческая типология и трансформация национального стеганого халата // Матер. Межд. научно-практической конфер. «Роль интеграции науки, инноваций и технологий в экономическом развитии стран» (27-29 мая 2016 г.). – Куляб: Институт инновационных технологий и менеджмента в г. Куляб, 2016. – С. 655-658 и др.

³ Иброхимов М. Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - Душанбе: Ирфон, 2006; Он же. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 2013; Он же. Одежда и костюм // Искусство эпохи Мир Сайид Али Хамадани. – Душанбе, 2015. – С. 197-212; Он же. Национальная одежда таджиков: История и традиции (на тадж. яз.) // Мероси ниёгон («Наследие предков») – Душанбе, 2016. - № 18. - С. 103-105 и др.

предметом изучения и установленными задачами исследования. Кроме того, исследователями ставится целый ряд требующих своего решения проблем, которые касаются, в частности, вопросов, связанных с генезисом разных видов одежды, особенностями ее эволюционного развития в аспекте взаимовлияния культур и т.д. Весьма красноречиво по этому поводу выразился известный специалист в области народного костюма таджиков О. А. Сухарева: «Совершенно недостаточно разработана история среднеазиатского костюма прошлых веков и даже первой половины XIX века»¹. Настоящее исследование призвано внести свою лепту в решение еще не изученной проблемы, связанной с эволюцией и типологией таджикской национальной одежды.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках реализации перспективного плана научно-исследовательской работы Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН РТ на 2016-2020 гг. на тему «История взаимоотношений оседлого и кочевого населения Средней Азии в средневековье и новое время (политика, экономика, культура)».

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является изучение исторической одежды таджиков в аспекте выявления видов нетрадиционной одежды и неестественных стилей их использования.

В число задач исследования входят:

¹ Сухарева О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии. - С. 7.

- изучение эволюционного развития одежды таджиков в конце XIV – начале XX веков с привлечением материалов письменных, художественных, этнографических и музейных источников;

- сбор материала о сложившихся традициях в области изготовления и ношения одежды и о предметах одежды с отклонениями от традиционности по размерным, декоративным и потребительским признакам;

- изучение истоков появления нетрадиционных предметов одежды или неестественной манеры ее ношения, а также связанных с этим причинно-следственных связей;

- изучение трудов исследователей, затрагивающих отдельные аспекты настоящей темы и критический анализ их материалов и заключений;

- отслеживание эволюции предметов одежды нетрадиционного характера и их трансформацию в составе традиционной одежды таджиков;

- составление словаря терминов по теме;

- составление иллюстративного альбома тематического содержания.

Источниковедческая база работы. Весь перечень источников, привлеченных в настоящей диссертации, может быть разделен на следующие категории:

1) мемуары отдельных путешественников, посетивших Среднюю Азию, дневники и научные труды русских ученых, военных и чиновников, работавших и служивших здесь сразу после присоединения края к России. Так, побудительным мотивом для разработки раздела о женских платьях с прозрачным передом послужила заметка о них в записках русского путешественника XVIII века Филиппа Ефремова¹. Дополнительный материал для написания, как этого, так и других разделов работы, получен благодаря

¹ Ефремов Ф. Десятилетнее странствие. - М.: География, 1950.

трусам Г. Бурнашева¹, Ф. Назарова², Е.К. Мейендорфа³, И.В. Виткевича⁴, А. Вамбери⁵, П.И. Пашино⁶, А.С. Татарина⁷, М.Н. Галкина⁸, Л.Ф. Костенко⁹, Д. Долгорукова¹⁰, Н.П. Стремоухова¹¹, М. Терентьева¹², А.П. Хорошхина¹³, А. Л. Кун¹⁴, П. Веселовского¹⁵, В. В. Радлова¹⁶, В. и М. Наливкиных¹⁷, В. В. Крестовского¹⁸, Н. П. Остроумова¹⁹, П. Шубинского²⁰, В. И. Кушелевского²¹, А. А. Бобринского²², М. Алибекова²³, Б. Литвинова²⁴, Э. С. Вульфсона²⁵, М. А. Варыгина²⁶, И. И. Зарубина²⁷, М. С. Андреева¹, А. А. Семенова² и др. С

¹ Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. – 1818. – Ч. 2, отд. 2. – С. 37 – 74 (247 - 284); Ч. 3. – С. 75 - 110 (95 - 130).

² Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. – М.: Наука, 1968.

³ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975.

⁴ Записка И. В. Виткевича // Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 84-129.

⁵ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. – М., 1865.

⁶ Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. – СПб., 1866. – 179 с.

⁷ Татарин А. С. Семимесячный плен в Бухарии. – М.-СПб., 1867.

⁸ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. – СПб., 1868.

⁹ Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С подробным маршрутом от Ташкента до Бухары. – СПб., 1871.

¹⁰ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане // Русский вестник. – 1871. - № 1. - Т. 91. – С. 244-318.

¹¹ Стремоухов Н. П. Поездка в Бухару (извлечения из дневника) // Русский вестник. – 1875. - № 6. – С. 630-695.

¹² Терентьев М. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. – М., 1875. - Ч. 1. - № 9. – С. 5-112; Ч. 2. - № 10. – С. 499-529; Ч. 3. - № 11. - С. 142-172.

¹³ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – СПб., 1876.

¹⁴ Кун А. Л. Очерк Коканского ханства. – СПб., 1976.

¹⁵ Веселовский П. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. – СПб., 1877.

¹⁶ Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника (перев. с нем.). – М.: Гл. ред. вост. литературы, 1989.

¹⁷ Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы / В. Наливкин, М. Наливкина. – Казань, 1886; Он же. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент, 1913.

¹⁸ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. – СПб., 1887.

¹⁹ Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. – Вып. 1. – Ташкент, 1890.

²⁰ Шубинский П. Очерки Бухары // Исторический вестник. - № 10. – 1892. – С. 118-142.

²¹ Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. – Т. 2. - Новый Маргелан, 1891.

²² Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – М., 1900; Он же. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишканимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908.

²³ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаяр-хана // Ежегодник Ферганской области. – Т. 2. – Новый Маргелан, 1903. – С. 79-118.

²⁴ Литвинов Б. Через Бухару на Памиры // Исторический вестник. – № 12. – М., 1904. – С. 297-1087.

²⁵ Вульфсон Э. С. Как живут сарты. – М., 1908.

²⁶ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства // Известия Императорского Русского географического общества. – Т. 52. - Вып 10. – Петроград: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1916.

²⁷ Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сборник МАЭ. – Петроград, 1916. – Т. 3. - С. 89-93.; Он же. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. – Петроград, 1917. - С. 97-149; Он же. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги // Сборник в честь В. В. Бартольда. – Ташкент, 1927. – С. 361-374.

учетом схожести быта того времени, в работе использованы и некоторые полезные сведения, зафиксированные в сочинении А. Гамильтона, посвященной Афганистану³.

2) произведения средневековой таджикско-персидской миниатюры, изучение которых позволяет обнаружить множество вариантов предметов исторической (с XIV века) одежды самого разнообразного назначения, использования в прошлом разных стилей их ношения, а также другие аспекты, связанные с одежным комплексом. При составлении данной диссертации полезными оказались произведения таких художников-миниатюристов, как Джунейд, Реза Аббаси, Камалетдин Бехзад, Али-Наки, Мухаммад Садики, Мир Афзал Туни, Муин Мусаввир, Шейхзаде, Абдулхай и некоторых других представителей разных таджикско-персидских школ миниатюры⁴.

3) выполненные в Средней Азии фотоиллюстрации конца XIX – начала XX века, позволяющие получить наглядное представление, как об одежде массового применения того периода, так и о предметах одежды нетипичных образцов. Это - фотоснимки С. М. Прокудина-Горского, П. Надара, Н. Н. Нехорошева, А. В. Комарова, И. Введенского, Ф. Ордэ, С. М. Дудина, В. А. Жуковского, В. Ф. Козловского, Г. А. Панкратьева, Т. М. Девель, А. Б. Якубовского и ряда других известных дореволюционных фотографов⁵.

¹ Андреев М. С. Арк Бухары / М. С. Андреев, О. Д. Чехович. – Душанбе, 1972; Он же. Таджики долины Хуф. – Вып. 1-2. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953-1958.

² Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.) // Исторический вестник. - Т. 87. - 1902. – Ч. 1. Куляб. - № 3. — С. 961-992; Ч. 2. От Куляба до Сарая. – № 4. - С. 98-122; Он же. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - М., 1903.

³ Гамильтон А. Афганистан. – СПб., 1908. – 334 с.

⁴ Дело в том, что знакомство с эволюцией видов и названий предметов одежды жителей Центральной Азии в течение многовекового периода развитого и позднего средневековья показывает, что в ней традиционализм и консерватизм значительно превалируют над инновацией.

⁵ Длужневская Г. В. Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане // Туркестан в старых фотографиях и керамике. – М.: Государственный музей Востока. - С. 9-26.

Ценный для исследователя источниковый материал представляют фотографии к этнографической части знаменитого «Туркестанского альбома»¹.

4) предметы старинной одежды и детали их декора (например, вышитые тесемки), сохранившиеся в музейных коллекциях. В этом аспекте особо отметим коллекцию Кунсткамеры, собранную Г. Г. Гульбиным и А. Л. Троицкой в верховьях Зеравшана в рамках Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР в 1926 и 1927 годах. Большую ценность для исследователя составляют многочисленные одежные предметы, приобретенные в те годы для Музея антропологии и этнографии России у населения, в том числе таджикского, в Самарканде Пенджикенте, Истаравшане, Ташкенте и других населенных пунктах Средней Азии².

Во время работы над настоящей темой полезно использованы некоторые образцы своеобразной, исходя из оформления, одежды из фондов Этнографического музея Таджикистана имени М. С. Андреева и некоторых других музеев республики.

Специально отметим, что попытка тематического поиска в материалах памятников письменности Востока, в том числе на таджикско-персидском языке, не дало желаемого результата, что обусловлено их не этнографическим содержанием.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

- изучена эволюция исторической одежды таджиков для широкого хронологического интервала, включающего более шести столетий, на основе

¹ Туркестанский альбом. Часть этнографическая. 1871-1872 гг. – Ташкент: Изд. Туркестанского генерал-губернатора, 1872.

² Курылев Ф. П. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана / Ф. П. Курылев, Ф. Д. Люшкевич, М. В. Сазонова. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана. – Сборник Музея антропологии и этнографии. – СПб., 1980. – Т. 35. – С. 39; Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.

совместного использования письменных, художественных, этнографических и музейных источников;

- в аспекте изучения истории материальной культуры таджиков выполнено тщательное исследование предметов исторической одежды нетрадиционного характера;

- выявлены истоки и причины возникновения нетрадиционных предметов одежды с привязкой к культурно-бытовым и социальным условиям жизни населения;

- изучены труды исследователей в аспекте разрабатываемой темы и выполнен критический анализ их материалов и заключений;

- отслежена эволюция предметов одежды нетрадиционного характера и их трансформация в составе традиционной одежды таджиков;

- составлен словарь терминов по теме;

- составлен иллюстративный альбом тематического содержания.

Методологическая основа исследования. При работе над диссертацией использованы следующие методы исследования: историко-типологический, структурно-функциональный, сравнительно-ретроспективно-аналитический, семантический.

Применение историко-типологического метода позволило проследить за ходом эволюционного развития исторической одежды таджиков, выявить ее типологическое разнообразие и зафиксировать результаты в иллюстративных материалах.

Структурно-функциональный метод дал возможность рассмотреть предметы комплекса одежды как систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых имеет собственное функциональное значение.

Благодаря использованию сравнительного метода ретроспективного анализа удалось установить взаимосвязь между прототипами одежды и их

видоизменениями в исторической хронологии, на этой основе выявлены элементы формирования и преемственности традиций в изготовлении и ношении одежды и зафиксированы примеры проявления отклонений от них.

Реализация семантического метода определила необходимость выбора подхода к народной одежде таджиков как к специфической сигнально-знаковой системе.

Хронологические рамки диссертационной работы. Основной материал диссертации охватывает период с конца XIV по начало XX века, хотя временные пределы строго не регламентированы. Выбор нижней границы обусловлен тем фактором, что в конце XIV столетия в Средней Азии начинается очередной период динамичного развития искусства и ремесел, включая портновское дело. К этому времени имеют отношение наиболее ранние образцы миниатюрной живописи, в которых запечатлены новые и самые разные формы, виды, материалы и манеры ношения одежды. Верхняя граница исследования ограничена началом XX столетия, а именно временем вхождения региона в состав Союза Советских Социалистических Республик, после чего под влиянием русско-европейской культуры одежды и огромных перемен в образе жизни, происходят коренные изменения в народном костюме таджиков. При всем том, временные границы строго не регламентированы, так как для каждого объекта исследования среди прочего освещаются вопросы, связанные с его генезисом и последующей трансформацией.

Географические границы исследования. Границы исследования включают территории современных среднеазиатских государств Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркмении, а также Южный Казахстан, Восточный Иран и Северный Афганистан. Основанием для такого решения послужил тот факт, что в рассматриваемый период указанные пределы являлись районами компактного проживания таджикского народа.

Предметом исследования являются вопросы, связанные с изготовлением и ношением исторической и традиционной одежды таджиков, установившимися в этой области традициями и отклонениями от них, которые происходили под влиянием модных течений, функциональных потребностей и т.п.

Объект исследования составляют предметы исторической одежды, прежде всего, с отклонениями от традиционных признаков. В рамках настоящего исследования изучаются следующие виды одежды:

- платье с нарушением симметричности орнамента вышивки;
- платье с прозрачным передом;
- платье распашное;
- бюстгальтер с рукавами;
- платье с разной длиной правого и левого рукавов.
- традиционные халат и штаны в аспекте неестественного стиля их ношения.

Исторический и традиционный костюм таджиков отличается своеобразием, обусловленным национальной культурой, природой и климатом региона. Одежда является лишь частью костюмного комплекса, следовательно, в диссертации приводится описание исключительно мужской и женской одежды разных видов (платьев, поясной и верхней одежды). Характеристика других костюмных принадлежностей (головные уборы, обувь, украшения и т.д.), используемых в традиционном быту народа, выходит за рамки поставленных задач, поэтому затрагивается вскользь, по мере необходимости.

Основные положения, выносимые на защиту:

- В Центральной Азии традиция оформления одежды вышивкой (бисером) зародилась уже в энеолите – эпохе бронзы. В древности и раннем средневековье вышивали хлопчатобумажными, шерстяными, шелковыми,

металлическими нитями, реализуя реалистические мотивы растительного, зооморфного, орнитоморфного характера, а также с отражением мифологических образов. В таджикской вышивке традиционного образца долинных районов характерным признаком является наличие мотивов растительного характера, а в горных районах преобладают геометрические мотивы.

- Характерной чертой традиционной национальной вышивки при построении композиции орнамента является соблюдение принципа максимальной симметричности. Вместе с тем, исследование позволило выделить отдельные образцы вышитых изделий с намеренным нарушением симметрии реализованного узора, что можно рассматривать как пример нетрадиционного подхода к вышивке.

- Генезис мужских брюк как предмета верхней одежды в Центральной Азии имеет местные истоки, традиция их ношения сформировалась в результате эволюции имевших применение верхних штанов. Вместе с тем, активизации процесса их распространения значительно способствовало усиление влияния здесь в конце XIX – XX веках русско-европейской культуры костюма.

- Нетрадиционный стиль ношения мужской одежды получил очевидное воплощение в практике заправки подола верхнего халата в поясную одежду. Использование этого стиля послужило одним из факторов появления верхней поясной одежды – прообраза мужских брюк.

- Одним из направлений совершенствования существующей типологии исторического и традиционного национального портновского дела является выявление предметов одежды нетрадиционного вида, малоизвестных науке и практически оказавшихся вне поля зрения специалистов в области материальной культуры народа. Так, бытование в равнинных районах среди таджиков в XVIII – начале XIX веках платья с прозрачным передом служит

одним из наиболее ярких примеров отклонения от норм традиционности в культуре национальной женской одежды.

- В типологию исторической женской одежды таджиков должно быть включено и распашное платье, факты бытования которого зафиксированы книжной миниатюре XVI – XVIII веков.

- Элементы нетрадиционного подхода к крою и ношению исторической одежды обнаруживаются и в исполнении ее рукавов. Творческое отношение к национальному портновскому делу обусловило появление в одежде таджиков таких видов плечевой одежды, как халаты с рукавами разной длины, со сверхдлинными свободно свисающими декоративными рукавами, со сверхдлинными зафиксированными на спинке декоративными рукавами, с зафиксированными на спинке декоративными рукавами умеренной длины, со сверхдлинными функциональными рукавами. При этом пошив и ношение платья, на котором правый и левый рукава отличаются по длине, представляет собой очевидное отклонение от установившейся традиционной женской одежды таджиков.

Личный вклад соискателя заключается:

- в выявлении и изучении новых предметов одежды, позволяющей расширить типологию национальной исторической одежды;

- в выявлении и глубоком изучении неестественной манеры ношения исторической одежды и раскрытии ее роли в зарождении нового предмета исторической одежды;

- в апробации результатов проведенного исследования на различных конференциях и подготовке основных публикаций по отдельным вопросам выполненной работы.

Научное и практическое значение работы. Материалы работы и выводы по ней могут быть использованы при изучении истории материальной культуры таджиков и других народов, проживающих с ними в

одних и тех же историко-культурных районах; при подготовке обобщающих трудов по истории, истории материальной и художественной культуры и искусства; при разработке учебного материала для вузов соответствующего профиля; при составлении общих и отраслевых словарей для уточнения значений отдельных специальных терминов; в практике современных модельеров народной одежды.

Изложенные в работе материалы могут оказать существенную помощь в научно-исследовательской практике историков, этнографов, культурологов, археологов, в частности, в их деятельности по идентификации предметов исторической одежды отдельных видов.

Апробация и внедрение. Материалы работы изложены в виде докладов и сообщений на международных научно-практических конференциях, проходивших в Республике Таджикистан. Отдельные части исследования были апробированы в учебном процессе и научных работах кафедры дизайна костюма и искусства моды Технологического университета Таджикистана.

Диссертация обсуждена на заседании отдела Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной Академии наук Республики Таджикистан Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН РТ (протокол № 7 от 16 октября 2020 г.).

Апробация диссертации. Основные положения диссертации отражены в 10 публикациях автора в научных журналах, сборниках научных трудов и материалах международных и республиканских научно-практических конференций, из них 4 - в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура, состав и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав по три параграфа в каждой, заключения, списка использованной

литературы, терминологического словаря по исторической одежде таджиков (приложение 1) и альбома иллюстраций по теме (приложение 2). Общий объем диссертации с учетом приложений составляет 192 страницы.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИИ И ИХ НАРУШЕНИЕ В ОФОРМЛЕНИИ И НОШЕНИИ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ (КОНЕЦ XIV - НАЧАЛО XX ВВ.)

1.1. Сложение традиционной одежды таджиков как составляющей национальной культуры

Мужская одежда. Полный комплект костюма у таджиков называется сарупо. Для мужчин в старину его составляли в равнинных районах рубаха и штаны, легкий халат без подкладки, поясной платок, головной убор и обувь. В одежный комплекс могли входить стеганный халат джома / чапон или халат чакман на основе домотканины из верблюжьей шерсти, а также, с конца XIX века, камзул со стоячим воротом и застежкой на пуговицы с петлями. Головной убор – тюбетейка или шапка сферической формы на вате, поверх которых наворачивали чалму. Старинная обувь, преимущественно, - ичиги из мягкой кожи, поверх них носили резиновые галоши¹.

Традиционная мужская одежда таджиков – выходцев из горных районов Средней Азии (верховья Зеравшана, Припамирье, долина Ферганы) по сравнению с одеждой равнинных районов имела, как общие, так и некоторые отличительные особенности. В частности, комплект одежды горца также состоял из нательной рубахи, шаровар и надеваемого сверху халата. Однако здесь более распространенной была нательная рубаха со сплошным разрезом спереди, по сути, нательный халат. Предметы одежды горцев были более узкими, чем бытовавшие в равнинных районах. Кроме того, в условиях гор в изготовлении одежды большое значение приобретает шерсть.

Так, мужская одежда горца из Западного Памира включала шерстяной халат - чакман, хлопчатобумажную или шерстяную рубаху без воротника и широкие шаровары, штанины которых книзу суживались. На ногах носили,

¹ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 123.

как правило, по две - по три пары шерстяных чулок ручной вязки. Поверх них на ногу надевали сапоги из мягкой кожи, с короткими или длинными, до колен, голенищами. Штанины заправляли в чулки, которые затягивали своим шнурком. Чекмень обыкновенно опоясывали кушаком. На голове носили плоский, вязаный из хлопка или шерсти (для холодной погоды) колпак. Зимой поверх чекмени надевали меховой нагольный халат.

Комплект летней мужской одежды жителей верховьев Зеравшана состоял из рубахи или легкого нательного халата, штанов, шапочки или тюбетейки, обмотанных чалмой или без него. Обувались в сапоги или башмаки, нередко ходили босиком. Зимой носили ватный - джома или шерстяной - чакман халат, на ноги надевали шерстяные чулки джураб, которые заматывали портянками¹.

Для пошива одежды из хлопчатобумажных тканей в равнинных районах большое значение имели карбос / баъз / суф и полосатая калами, из которых шили мужские рубахи и штаны. Для верха халатов употреблялись более нарядные шелковые ткани, полушелковые адрас и бекасаб.

В горных районах большее значение имели шерстяные ткани. Шерстяную домотканину производили двух видов – рагза и басма. Первую ткали женщины, из овечьей и козьей шерсти. Из такой ткани шили мужские и детские штаны – эзори шорагза, делали портянки и др. Материя басма употреблялась на пошив самой лучшей одежды – зимних халатов чакман и штанов. Ее вырабатывали из тонкой овечьей шерстяной пряжи с некоторым содержанием козьего пуха. После ткань басму подвергали валке, делая водонепроницаемой. Этим занимались мужчины. Из басмы шили халаты без подклада – чакман, штаны. Рагзу и басму красили иногда в табачный, зеленый и желтоватый цвета².

¹ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 22.

² Там же. – С. 20.

Старинные мужские рубахи шили с горизонтальным полукруглым разрезом ворота. Для надевания через голову, рубаху оснащали дополнительным горизонтальным или вертикальным разрезом. Если этот разрез проходил вдоль одного из плеч, рубаху называли куртаи китфак. В Средней Азии она имели повсеместное распространение. В Бухаре носили только такие рубахи. Мужская и женская рубахи были одного и того же покроя, но отличались по форме и длине. Так, мужская рубаха была короче (до бедер) и с более короткими рукавами. Как правило, рукава были скошенными, т.е. суживались книзу. На горловине рубахи другого типа делали вертикальный вырез для надевания через голову. Края ворота обшивали плетеной тесьмой зех или кантом магзи.

К стану от нижней линии соединения рукавов подшивали боковины трапецевидной формы для расширения рубахи книзу. По длине рубаха обычно доходила до середины бедра, хотя прежде ее делали еще длиннее – до колен и даже ниже¹. Старинные рубахи были более широкими, они могли быть к тому же с прямым станом, например, в Самарканде².

Рубаху носили поверх штанов и опоясывали платком миёнбанд, сложенным по диагонали. Распашную одежду опоясывали с целью сведения вместе бортов. Что касается пояса, завязываемого поверх нераспашной рубахи, то его наличие обуславливалось условиями труда земледельца. Пояс служил, прежде всего, в качестве набрюшника – защищал от сырости, развивающейся от частой поливки земли³.

Глухие рубахи с горизонтальным воротом, как отмечалось, были распространены повсюду – в Бухаре, Самарканде, Гиссаре, Кулябе, горном Таджикистане и др. В отличие от этих районов, в горах и предгорьях более распространенными были распашные рубахи или так называемые нательные

¹ Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. – Ташкент, 1901. – С. 13.

² Колл. № 1476, ба Музея антропологии и этнографии РАН.

³ Крубер А. Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник. - С. 175.

халаты. Их носили жители Памира, верховьев Зеравшана, Ферганской долины¹. Такая одежда широко бытовала и в некоторых равнинных территориях, например, в Ташкентском оазисе, но в долине Зеравшана (Бухарско-Самаркандский оазисы) она вовсе не встречалась². Более обстоятельно вопрос о нательных халатах рассмотрен в одном из разделов настоящей работы, специальном посвященном данной теме.

Мужской поясной одеждой равнинных таджиков повсеместно служили штаны эзор, которые делали, как и женские, на вздержке. Они были широкими сверху и суживающимися книзу, но более короткими, чем женские. Штаны шили из хлопчатобумажной ткани.

Мужские штаны были обязательным элементом и в традиционной мужской одежде горцев. Как правило, они закрывали икры и спускались чуть ниже. Хлопчатобумажные штаны обычно шили из той же ткани, что и рубаха или нательный халат. Зимой их обязательно заправляли в чулки и обувались в сапоги. Однако в горных районах наиболее характерной мужской поясной одеждой в холодное время служили широкие шерстяные шаровары эзори шорагза. Шерстяные штаны (из рагзы) были короче, поэтому их штанины опускали поверх сапог³. На Памире носили чрезвычайно широкие штаны – шаволяк. Их ширина на талии в распрямленном состоянии превышала 2 м. В них можно было заправить полы халата и даже шубы⁴.

Поверх рубахи в теплое время надевали легкий халат яктах из ткани темной расцветки в мелкий рисунок или полосатой материи алоча. Рукава кроили из поперечно сложенной ткани, они становились уже к концу примерно в два раза. Расширение халата книзу достигалось за счет нескольких боковин, пришиваемых с двух сторон. Общая разница в ширине

¹ Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. – С. 170.

² Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. – С. 158.

³ Там же. – С. 25.

⁴ Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 135.

верхней и нижней части боковин составляла 2,5. Ворот халата широкий, почти прямоугольный сзади, спереди продолжался прямыми линиями до передних пол. Для образования запаха к передним полам пришивали клинья в виде прямоугольных треугольников, основания которых внизу вместе с полами образовывали подол.

В зимний период обычно носили стеганный на вате халат джома. Для пожилых мужчин его шили из однотонной или с мелким рисунком ткани темной расцветки, например черного или синего сатина. Молодые носили алочаджому – стеганный халат из полосатой полушелковой ткани. Подкладкой служил ситец. Халат по всей своей площади простегивается крупными вертикальными стежками, рукава простегиваются поперек. Крой джомы и яктаха практически не отличается.

Такого же кроя был чакман – распространенный в прошлом в горных районах запахивающийся халат с очень длинными рукавами из домотканого сукна. Его шили без подклада, несколько шире и длиннее яктаха и джомы. Чакман и эзори шорагза надевали обычно в стужу или в дальнюю дорогу, при этом в шорагза заправляли и надетый под чакманом легкий халат.

В конце XIX – начале XX вв. в среде административных чиновников получил распространение прилегающий камзуд. По крою он отличается от традиционных халатов, рассмотренных выше. Камзол шьется из сатина или другой более плотной хлопчатобумажной ткани. Его спинка и перед соединяются плечевым швом, рукава вшиты в вырезную пройму, к вырезу ворота вшивается воротник-стойка. Полы застегиваются на пуговицы и петли (прежде воздушные, затем вырезные). Камзол шили на подкладе, иногда стеганным на вате. Интересно, что поверх камзола носили яктах, тем самым отдавая дань традиции.

На Памире верхней одеждой служил шерстяной халат гилем, хотя в старину многие мужчины надевали его прямо на голое тело, без нижней

одежды. Для одежды верха здесь употреблялись и стеганные халаты, которые завозились на Памир из равнинных районов Бухарского эмирата и Ферганской долины. Зимой обыкновенный костюм горца дополнял овчинная шуба пустин того же покроя, что и халат. На спину шубы нашивали орнамент, вырезанный из кожи¹.

В горах и предгорьях также применялся халат чакман из домотканого сукна, чаще из верблюжьей шерсти. Не отличаясь по покрою, он был шире и длиннее стеганого халата. Его шили без подкладки. Концы рукавов на чакмане были более узкими, чем в других видах халатов².

В верховьях Зеравшана верхние халаты чаще шили из хлопчатобумажной ткани (ситца) с крупными и яркими цветами на ярком фоне.

Женская одежда. Традиционный женский одежный комплекс включает одно или несколько надетых вместе платьев, штаны, верхнюю одежду и головной убор. В холодный период года к этому добавляется стеганный халат. Число надеваемых одно на другое платьев составляло, как правило, три. Состоятельные замужние женщины надевали и большее число платьев. Обуславливалось это желанием продемонстрировать свое благополучие и состояние. Еще больше платьев (до семи) включал праздничный костюм семейных женщин и невест³. Для сравнения, местные еврейские женщины ограничивались ношением лишь двух платьев⁴.

В формировании состава и стиля одежного комплекса Бухары решающее значение оказала таджикская культура одежды. Известный этнограф Ф. Д. Люшкевич, наиболее глубоко изучившая традиционный бухарский костюм, заключает, что “в комплексе традиционного костюма, сложившемся среди исконного оседлого населения Бухарского оазиса,

¹ Там же. – С. 134-135.

² Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 127.

³ Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. – С. 7.

⁴ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 296.

преобладающими оказались элементы одежды древнего ираноязычного населения”. Проведенный ею сопоставительный анализ показал, что, например, традиционная плечевая одежда населения Бухарского оазиса отличается от одежды жителей северо-восточных районов (Хорезма, Ферганы, Ташкента) и сходится с одеждой горных таджиков¹.

Характерная черта женских платьев Бухары - их значительная ширина. Для стана она составляет в среднем 55-65 см. Широкие платья *куртаи остин коло* имели такие же широкие рукава (до 45 см). Их покрой туникообразный, но выполнялся в двух вариантах – с боковыми клиньями и без них. В первом случае боковые клинья трапецевидной формы вместе имели ширину вверху 30-40 см, внизу от 70 до 100 см. По этой причине создается впечатление зауженности платья в талии и его расширения книзу. В парадных платьях ширина стана достигала 80-90 сантиметров². Для сравнения, в Припамирье средняя ширина стана платьев принималась в два раза меньше и составляла лишь 30-45 см.

Второй вариант покроя, без боковых клиньев, применялся в Бухаре и других городах оазиса при пошиве широких платьев из шелковых материй. Под каждым рукавом от стана срезали клин, обращенный острым концом вниз, который переворачивали и пришивали к боку подола³. Понятно, что в этом случае ширина стана по всей длине становилась практически одинаковой.

Платья приобрели прямой стан и прямые же рукава по мере распространения здесь шелковых тканей. В конце XVIII - начале XX века узорные и безузорные *бахмалы* и чисто шелковые *шойи* становятся любимыми тканями придворных модников и модниц. Их фактура, требующая свободных линий и драпировок, повлияла на фасоны верхней

¹ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 143-144.

² Там же. – С. 131.

³ Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков. – Табл. 41(5).

одежды населения столицы. В рубахах и халатах горожан стали доминировать формы с прямыми широкими станами и рукавами, с богатой отделкой шелковой и золотной вышивкой.

Большая ширина стана и рукавов бухарских платьев имело, прежде всего, значение функциональное: чтобы была возможность надеть сразу несколько платьев. Зауженность рукавов, если ее делали, от основания до конца рукавов не превышала 10 см.

Согласно художественным источникам, формирование традиции шить очень широкие рубахи происходит, начиная с конца XIX в. Прежде господствовавшая в Бухарском эмирате мода на приталенные фасоны постепенно вытеснялась, сохранившись лишь в селениях и горных районах (например, в Дарвазе). Причины укоренения широких платьев, требующих значительного расхода материй, заключаются, с одной стороны, в большей состоятельности жителей Бухары, с другой – использованием шелковых тканей, наиболее эффектно выглядящих при наличии свободных линий и драпировок.

В женской одежде жителей Средней Азии платья с просторными рукавами появились со второй половины XIX века¹. До того на платьях делали длинные, широкие у основания и сильно суженные к концу, рукава. Такой фасон платьев был распространен и в Бухаре.

Под верхний халат обычно надевали вместе, как уже отмечалось, три платья. Их кроили с таким расчетом, чтобы через горловину и рукава обнаруживалось наличие каждого из надеваемых платьев.

Другими словами, нижние платья вносили свою лепту в общее декоративное решение костюма. Для этого, во-первых, разрез ворота платья, надеваемого последним, делали V-образным. Промежуточное платье, как правило, имело вертикальный разрез ворота, а нательное платье –

¹ Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы. – С. 117.

горизонтальный ворот или воротник-стойку. Во вторых, надеваемые вместе платья имели разную длину рукавов: самые длинные рукава были на нательном платье, наиболее короткие – на самом верхнем.

Стремление придать декоративность каждому элементу – одно из особенностей, которые были присущи именно таджикскому женскому костюму. Другие народы, проживающие бок о бок с таджикским населением, этой традиции не придерживались. В частности, бухарские еврейки, в отличие от таджичек, детали своего нижнего платья никогда не выставляли напоказ. Для них в этом предмете одежды первостепенное значение имело его практичность¹. Таджички же в каждом элементе своего костюма использовали и практичность и декоративность.

Для пошива исподнего платья применяли исключительно хлопчатобумажные материи светлого тона, преимущественно, белого цвета. Наиболее желаемыми для этого были кисейные ткани, белый ситец в мелький цветочек. Светлый оттенок платья служил символом счастливого будущего, нравственной безупречности, целомудрия. О. А. Сухарева отмечает, что таджики относились к хлопку как к материалу священному и безупречному. Они считали безвредным контакт тела с хлопком. По этой же причине вошло в обыкновение делать одежду новорожденных только из хлопчатобумажной материи².

Очень длинные рукава нательного платья выступали концами из-под рукавов верхнего платья, и эти концы отворачивались вверх. Их украшали вышивкой, нередко к ним с изнаночной стороны подшивали вышитые надставки. Иногда надставку делали очень длинной - до 0,8 метров, в этом случае суммарная длина рукава превышала 1 метра. Орнаментом покрывали половину длины надставки. Занимательно, но нередко к рукаву нижнего

¹ Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 296-297.

² Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). – С. 22.

платья подшивали до трех надставок, пришивая концами вторую к первой, третью ко второй. Очевидно, в таком случае при опущенном положении руки нижний конец последней надставки буквально доходила до земли.

Использование надставок к рукавам обуславливалось двумя причинами. С одной стороны, они естественным образом обогащали украшение костюма, с другой – создавалось впечатление, что, к примеру, на женщине не два платья (нижнее и верхнее), а три (еще и промежуточное, среднее)¹.

Другая особенность бухарских традиционных нарядных платьев – богатая отделка золотой шитьем и вышивкой шелковыми нитями. В одежде таджичек отделка имела более привилегированное значение по сравнению с качеством материала. За счет вышивки или золотого шитья им удавалось преобразить, сделать нарядной даже одежду из относительно дешевых тканей так, чтобы недостатки материала не были заметны. В отличие от этого, бухарские еврейки первостепенное значение придавали тканям. Так, они иногда выполняли вертикальные разрезы ворота и на груди и на спине платья, сшитого, из дорогой материи. Это позволяло периодически надевать задом наперед и за счет этого продлить срок их носки. Но бухарские таджички к этому способу никогда не прибегали, считая надевание нарядных платьев задом наперед недопустимым². Правда, такой обычай в таджикской культуре тоже существовал. В частности, такие платья носили некоторые женщины, имеющие грудных детей, в верховьях Зеравшана.

Вот типичное описание платьев в составе традиционной одежды бухарской женщины. Нижнее платье хлопчатобумажное, с отделанным вышивкой воротом, к изнанке рукавов пришиты оформленные вышивкой концы *саростин*. Второе платье шелковое, из узорчатой материи *шойи*, с

¹ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 132, рис. 8.

² Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 305.

золотошвейными концами рукавов. Третье платье, верхнее, – из тяжелой орнаментированной шелковой ткани, богато украшенное золотым шитьем и бархатной золотошвейной тесьмой *пешкурта*.

Декоративная тесьма *пешкурта* нашивалась длинной полосой, доходившей до колен и ниже, иногда до самого подола. У низа горловины платья *пешкурта* расходилась на две полосы, которые проходили вдоль границ выреза ворота. *Пешкурта* нашивалась на рубахи *пешияла* с вертикальным разрезом ворота.

Пешкурта оформлялась золотым шитьем в дворцовых мастерских Бухары или вышивалась разноцветным шелком. Нашивки, вышитые шелками, доставлялись в Бухару, как правило, из Шахрисабза.

Стоячие воротники на рубахах в Бухаре появились в 1920-х годах, отложные – в 1930-х. Одновременно с отложными воротниками в национальных платьях стали делать кокетку. Покрой таких платьев со сборками на груди называли *бурма*¹.

Хотя в среднеазиатских городах, присоединенных к царской России, на платья стоячие воротники появились еще в конце XIX в. В Ташкенте, например, они распространились в 1880-х гг. Там воротник-стойку называли *нугой-ёка* («татарский воротник») или *ит-ёка* («собачий воротник, ошейник»).

Одновременно среди ташкенток распространилась мода делать платья с отрезной талией, со сборками, с вырезной проймой и вшивными рукавами. Делать платья с кокеткой и сборками на груди здесь начали в 1900-х гг.²

Платья с кокеткой и стоячим воротником после их появления в горном Таджикистане получили название *куртаи узбаки* («узбекское платье»), в Северном Таджикистане – *куртаи нугаи* («татарское платье»), а собственно

¹ Емельяненко Т. Г. Там же. – С. 292.

² Бикжанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. – С. 134.

воротник–стойка – *гиребони казоки*. В противоположность этому, в Бухаре местные евреи называли такие рубахи *куртаи сорти* («сартовское платье»)¹. Сартами в конце XIX – начале XX века русские и узбеки называли коренное, преимущественно таджикское, население крупных городов Средней Азии. Бухарские таджики, в свою очередь, называли этот вид платья *куртаи фаргонаги* («ферганское платье») и *куртаи уруси* («русское платье»)². Название *куртаи фаргонача* бытовало для него и в Ташкентском оазисе, а *куртаи уруси* - в Самарканде³. Получается, что в названии типа платья указывали народ, который раньше заимствовал, а не изобрел этот, по сути европейский, фасон одежды. В частности, последние названия указывают на то, что этот фасон проник в Бухару из долины Ферганы, которая на тот момент уже находилась в составе Российской империи.

В Бухаре, как и в других областях, в старину незамужние девушки носили рубахи с горизонтальным разрезом ворота. На одной стороне горловины делали дополнительный вертикальный надрез для продевания головы и завязки. Это значит, что разрез ворота был не очень широкий. Этим платья таджичек отличались от рубах бухарских евреек, которые делали очень длинную горловину, что глубоко открывало шею и плечи⁴. Наличие дополнительного вертикального надреза на горловине платья с горизонтальным разрезом ворота было характерно только для одежды мусульманского населения. Отсюда название таких платьев – *куртаи муллои /муллоча* («рубаха для мулл»).

Традиционное платье самаркандских и бухарских женщин во многих чертах были схожи и отличались лишь по ширине рукава. В Самарканде рукав платья к концу суживался примерно в два раза. Большая ширина

¹ Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 301-302.

² Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 135.

³ Рассудова Р. Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. – С. 164.

⁴ Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 294.

рукавов бухарских платьев имело, прежде всего, значение функциональное: здесь было принято носить сразу несколько платьев. Широкий рукав верхнего платья позволял женщине надеть под него ещё несколько рубах.

Одним из типов традиционных платьев женщин из Бухары и Самарканда была рубаха *куртаи нешкучо*. Ее особенностью было наличие длинного продольного разреза ворота, достигавшего до пояса. Края разреза на участке ниже груди сводились пуговицей или соединялись тесемками. Ношение такого платья означало переход от девичества в возраст деторождения.

Со временем на платьях стали делать стоячие и отложные воротники, кокетку.

В Гиссарской и Сурхандарьинской областях, как в Бухаре женские платья шили с очень широким станом и рукавами и относительно короткими (по сравнению с ташкентскими, ферганскими и самаркандскими) длиной¹. Широкие туникообразные платья длиной до икр, которые носили в Каратаге, были известны как заимствованные из Бухары².

Нижнее платье шили из белой хлопчатобумажной ткани, ворот оформляли фестонами или крупным рюшем – *гауга*. Концы рукавов на нижнем платье вышивали тамбуром.

Поверх надевали нарядные платья, которые по материалу и декору делились на следующие виды:

- из абровых тканей;
- из однотонных тканей с вышивкой.

В атласных платьях по контуру ворота пришивали узкую или широкую тесьму, отделанную машинной строчкой. Однако чаще такое платье оформляли нашивным вышитым передом – *нешкурта*, который вверху

¹ Узбеки. - С. 268-269.

² Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 131-132.

охватывал разрез вертикального ворота, а внизу достигал подола. В зажиточных семьях на платье нашивали *пеишкурту* с золотым шитьем.

Вышивка на платьях была традицией таджичек. Проживающие здесь другие этнические группы одежду не вышивали. Распространение здесь этой традиции связывается с влиянием культуры женской одежды Кулябского оазиса и Раштской долины.

На вышитых платьях рассматриваемой территории узор по сравнению с кулябским *чаканом* более простой и менее богатый. Вышивку производили по красному сатину.

В гардеробе городских женщин, обычно более зажиточных, имелись и платья, ворот и перед которых были обшиты вышитой тесьмой. Тесьма, украшающая перед платья, была очень широкой. Такие приемы отделки платья были более характерны для таджичек из других районов - долины Зеравшана (Бухара, Самарканд), Ферганы, Раштско-Дарвазской зоны.

В подол платьев молодых женщин и маленьких детей не подшивали, опасаясь, что череда рождений может прекратиться¹.

Современное национальное таджикское женское платье представляет собой платье на кокетке *куртаи бурма*, в таком виде сформировавшееся в Средней Азии в конце XIX века. Оно состоит из прилегающей части – кокетки и нижней свободной части – *доман*. Вверху свободная часть присборивается и пришивается к кокетке. Этот покрой принят за основу национальных платьев и других народов, проживающих по соседству с таджиками.

Ширину стана туникообразного платья в Кулябе в конце XIX – XX века принимали 60-65 см, такой же длины делали рукава. Рукава платья, как правило, были сравнительно широкими (25-30 см) и почти прямыми. Скошенность рукава к концу составляла лишь 5 см.

¹ Резван М., Резван Е. Чтобы проклятия остались снаружи или «платье-оберег». – С. 78.

На нижнем платье, надеваемое под верхнее вышитое, вышивали концы рукавов. На отдельных образцах к концам рукавов пришивали вышитые концы - нарукавники. В этом случае общая длина рукава достигала до 75 см.

Однако широкий покрой женского платья был характерен прежде всего для самого города Куляба, как административного центра одноименного бекства. Здесь жили бухарские чиновники со своими семьями и именно они диктовали моду на одежду. Другими словами, традиция пошива широких платьев была привнесена в Куляб из Бухары. Однако в окружающих город селениях, особенно горных, были распространены платья со скошенными рукавами, узкими к концам. Например, сохранилось платье от 1895 года, ширина рукава которого у основания составляет 38 см, а на конце - лишь 15 см. Здесь бытовали также платья с узким станом (около 50 см)¹.

Следовательно, в старину в Кулябском оазисе, как и в других районах Средней Азии, носили женские прилегающие платья, с узким станом и с узкими же рукавами. Затем появились широкие платья с прямыми рукавами, сначала в крупных городах и постепенно новый фасон платьев распространился на другие области. Узкие платья сохранились в более консервативных отдаленных селениях и горных местностях.

В Кулябе после появления широкой одежды в парадных случаях надевали несколько платьев, одно на другое. Обычно платьев надевали не менее двух. Нижнее платье было светлым, верхнее – цветным. Молодые женщины носили до четырех, а иногда и более платьев. Рукава нижних платьев были значительно длинее, чем у верхних, и были всегда видны².

Верхнее нарядное платье шили с вертикальным разрезом ворота. Их называли *куртаи пеичокак*, *куртаи пеикушо*. На нижнем платье делали стоячий воротник с обшитой по краю оборкой *пар-пар*. Во второй половине XIX века вместо нижнего платья стали носить короткие кофты *куртача*, на

¹ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. - С. 29-30.

² Там же. - С. 40-41.

которых сохранился прежний вид воротника. Постепенно распотранились вариации воротника по цвету. Их стали делать цветными – красными и черными при белой ткани самой кофточки¹.

Горловина платьев по краю оформлялась плетеной или вышитой тканой тесьмой *шероз*, *зияк* шириной 1-2 см. Бытовала также вышитая широкая и длинная нашивная тесьма *пеши курта*. Она состояла из двух полос шириной 4-5 см и длиной 80-100 см каждая. Их нашивали по краю вертикального ворота, у основания ворота эти полосы соединялись вместе и спускались почти до подола. Иногда нашивную тесьму не вышивали. Вместо этого на ее черном фоне нашивали серебряные пластинки *ситора* с нанесенным штампованным узором².

Особую известность приобрели кулябские платья с вышивкой на самой ткани платья. На нижних платьях вышивали только концы рукавов. Для вышитых верхних платьев было характерно оформлять перед сплошь и рукава (по всей длине или широкой полосой на концах). В старину вышитые платья были из *карбоса*, позже их шили из *сатина*. Наибольшее распространение получила вышивка по красному сатину. Вертикальный ворот обрамляли узором так, что композиционно образуется фигура прямоугольной или трапецевидной формы узкой стороной вниз. Ниже этой фигуры композиция строилась самой разнообразной. В ее образовании участвуют розетки и полурозетки, кустики, миндалевидные фигуры, а также полоски из двулистиков. Многие из этих фигур внутри тщательно прорабатывались. В образовании красочного узора применялись вышивальные нити пяти-семи цветов. Встречаются образцы на которых две полосы с цепочкой двулистиков имитируют широкие и длинные тесемки *пеши курта*. Они также идут по краям разреза ворота, внизу разреза соединяются вместе и далее следуют вниз, где примыкают к большой розетке

¹ Там же. - С. 47.

² Там же. - С. 49-50.

на подоле. Тем самым образуется композиция, напоминающая национальный струнный инструмент *рубоб*. Большая якоробразная фигура, которым заканчивается внизу узор чакана местные жители называют *мохтоб* (луна), *пари товус* (перо павлина), *панджа* (ладонь).

В Кулябе если вышивка заполняла весь стан, включая боковые клинья, ее называли *чакан*, если же только переднее полотнище – *нешкур*. Позднее появилась традиция дополнять узор платьев вышитой каймой, проходящей по подолу¹. Характерная особенность вышивки на рукавах – сочетание разноцветных розеток, примыкающих друг к другу поперек рукава. С двух сторон они обрамляются прямыми или зигзагообразными линиями или их сочетанием. Иногда добавляют вышивку и после этих линий, например изображая отходящие от них кустики и бутоны.

Узоры растительного характера, украшающие кулябский *чакан*, символизируют идею плодородия. Не случайно, наиболее богато они представлены в передней части платья, вокруг живота. Они призваны охранить эту часть женского тела, столь важную для воспроизведения рода².

В отличие от равнинных районов, в Дарвазе женщины, обычно молодые, зачастую носили узкие, обтягивающие фигуру, платья. Среднее значение ширины стана женского платья в Дарвазе составляло всего лишь 35-40 см. Встречались платья, в которых ширина стана составляет 30 см и даже чуть меньше. К узкому стану пришивали с двух сторон боковые клинья узкие вверху и очень широкие у подола. Тем самым достигалась большая расклешенность платья книзу. Рукава также отличались значительной скошенностью. Они были очень широкими у основания и очень узкими у кисти³.

¹ Там же. - С. 56.

² Ишбулдина К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии. – С. 239.

³ Широкова З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 144.

Однако в Раште женщины надевали платья широкие, как на равнинах. Стан платья имел около 60 см ширины, т.е. в 1,5-2 раза больше, чем в Дарвазе. Такое значение ширины стана платья гораздо превышало ширину плеч его хозяйки.

Повседневные национальные платья шили из гладких и узорчатых тканей. Среди гладких тканей особым спросом пользовались материи разных оттенков красного, розового, бордо и желтого цветов. Узорчатые материи (сатины и ситцы) подбирались так, чтобы в узоре сочетались яркие цвета на ярком же фоне.

Большой популярностью пользовались дарвазские платья из белой ткани *куртачи*. На такие платья нашивали нагрудник *шоинак* – фигурно вырезанный кусок *карбоса*, орнаментированный вышивкой. Размер вытянутого по вертикали прямоугольного куска *карбоса* - примерно 30 x 45 см. Внизу *шоинак* заканчивается треугольником или половиной шестигранника. На платье делали полукруглый вырез для шеи, соответственно которому делалась и форма верхней части нагрудника. От этого выреза слева вниз или вдоль плеча делают вертикальный разрез для надевания и снятия платья. Разрез обшивают кантом из цветного материала и оснащают завязками или застежкой на пуговицу.

В платьях с нашивным передом *шоинак* нашивали вышитые полосы и на концы рукавов. Ширина нашиваемого обшлага *сари остин* составляла 4-6 см. Кроме того, на участке между локтем и конца рукава нашивают поперечные вышитые полосы *чобик*. Изначально в этих местах, на расстоянии 20-25 см от конца рукава выполняли поперечный разрез, украшенный вышивкой. Через эти прорезы, также называемые *чобик*, девушка продевала руки во время домашней работы. В последующем разрезы перестали делать, но сохранилась традиция украшать эти места вышивкой.

Нашивные передами украшают также платья с вертикальным разрезом ворота. Этот вид нагрудника называется *пешак* и имеет треугольную форму. Он состоит из двух полосок вышитого *карбоса*, размеры каждой полоски примерно 45 x 8 см. Внизу полосы сшиваются вместе и заканчиваются кисточкой.

Большее распространение в Раште и Дарвазе для отделки вертикального разреза ворота получила нашивная узорная тесьма *шероза*, *зияк*. Она представляет собой две параллельно идущие полосы тесьмы длиной 80-100 см и шириной 4-5 см каждая. Внизу эти полосы сшиты вместе на расстоянии примерно 40-50 см, после чего они разъединяются и идут вместе вверх, вдоль вертикального разреза ворота платья.

Среди замужних женщин существовала также традиция вместо *шерозы* нашивать две полосы черной ткани такого же размера с пришитыми на них серебряными круглыми бляшками *ситора* и полумесяцами *кажак*, иногда в их сочетании с монетами. Стремление к ношению таких украшений на платье было вызвано тем, что в них находила отражение вера в оплодотворяющую силу небесных светил¹.

Шелковые платья шили из очень тонкой материи *казин*, затем уже сшитое платье орнаментировали окрашиванием способом перевязки – *гулбаст*.

В Раште и Дарвазе повсеместно были распространены, кроме того, праздничные платья, украшенные вышивкой непосредственно на ткани платья. Материю под вышиваемое платье подбирали хлопчатобумажную, яркого красного или розового цвета. В Раште, кроме того, можно было встретить платья из желтого сатина с вышивкой. Вышивали шелком.

Украшали вышивкой, как правило, только рукава или их концы *саростин*, иногда вышивку наносили на концы рукавов и подол. Реже

¹ Ишбулдина К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии. - С. 239.

вышивали узор на передке платья. Вышитая полоса на конке рукава могла иметь различную ширину – от 12 то 30 см. Когда вышивали весь рукав, ширина вышивки составляла до 60 см и доходила до основания рукава. Когда вышивали концы рукавов и подол, ширина вышивки на обоих участках платья принималась одинаковой – около 30 см.

Платья со сплошь вышитым передом были наиболее эффектными, их надевали в праздники и торжественные дни, например на свадьбах. Такие платья в обязательном порядке имели в своем свадебном гардеробе невесты.

Иногда вышивку на перед платья наносили не сплошь, а только на его верхнюю часть. В этом случае платье напоминало рубаху с нашивным нагрудником *шоинак*.

В Раште на платьях, перед которых оформлялся вышитым узором, подол не вышивали. В отличие от этого, в Дарвазе образцы платьев, украшенных таким образом, встречались часто. Более того, здесь вышивка на подоле платья выполнялась не только в его передней части, а могла захватить и боковые клинья.

Однако и в Раште и в Дарвазе изредка можно было встретить платья, украшенные вышивкой, как впереди, так и задней части.

В Дарвазе, как и в соседнем Раште, вышитый узор платья мог быть, как растительным, так и геометрическим. Более того, в узорах преобладали геометрические мотивы. Например, главными композиционными элементами в нагруднике платья *шоинак*, были крупные ромбы, сплошь заполненные внутри одним цветом или с размещением там других фигур. Встречаются образцы местных вышитых платьев *чакан*, на которых перед, концы рукавов и подол оформлены цепочками крупных разноцветных ромбов с внутренней проработкой каждого из них. Ромб символизирует женское начало. Его

изображение, как и растительных узоров, символизирует идею плодородия. Эти орнаменты несут охранную функцию и служат оберегом¹.

На многих платьях внизу, вдоль подола, делали складки шириной в 2-3 см. Такие платья называют *дудомана*, хотя число таких складок могло дойти до 5-6. Изначально их делали как запас на случай усадки ткани, но со временем традиция делать складки приобрела характер моды. Значительное число складок собирали на платьях из *карбоса*, достигая так эффекта гофре. Их получали путем механической и влажно-тепловой обработки, без закрепления швом. Складки располагались на стане, на участке от груди до подола, а также по всей длине рукавов. После стирки приходилось делать складки заново².

Нижнее платье *куртаи тагнуши*, надеваемое под вышитое, шили из белой хлопчатобумажной ткани. Материал платья был гладким или с мелкими цветочками. Оно оснащалось преимущественно стоячим воротом, выступающим через вертикальный разрез ворота верхнего платья *куртаи пешчокак*. К концам рукавов нижнего платья пришивали концы *саростин* – кусок другой ткани, оформленные вышивкой. Рукав нижнего платья с *саростином* закрывал всю кисть руки. Перед стиркой *саростин* отсоединяли от рукава с целью предохранения линьки шелковых вышивальных нитей.

Рукава верхнего платья были короче рукавов нижнего платья. В старину женщины носили нижнее платье *куртаи китфак*, без воротника. В них от выреза для шеи шел горизонтальный разрез вдоль правого плеча. По краям такой разрез ворота обшивался каймой *магзи* и завязывался на нитяные завязки.

Одновременно с распространением нижних платьев со стоячим воротником с оборкой и без него стали распространяться и отложные воротники - *лабгардон*. К разрезу ворота верхнего платья воротник, как

¹ Там же. – С. 239.

² Широкова З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину – С. 146.

правило, не пришивали. Вместо этого, по краям разреза ворота подшивали снизу вставку из другой ткани.

После присоединения Дарваза к Бухарскому эмирату в 1878 году и появления в Калаи-Хумбе бухарского бека в центральных дарвазских селениях начали распространяться платья широкого покроя. Платья на кокетке здесь начали шить в 1950-х годах.

В Дарвазе на невесту надевали 4-6 платья, иногда до 8 платьев вместе. Цель заключалась в том, чтобы она весь свой гардероб везла в новый дом на себе. Они были белого и красного цветов и украшены вышивкой. Из этих платьев два были с горизонтальным воротом *китфак*, другие с вертикальным разрезом *пешчокак*. Начиная с середины XX века для невесты стали шить до 15 платьев. Часть из них она везла в дом жениха в сундуке¹.

В Верховьях Зеравшана Как правило, женщины надевали только одно платье. Лишь в Пенджикенте и некоторых крупных селениях, и то изредка, носили по два платья, причем нижнее платье было белым.

При изготовлении женских платьев здесь первостепенное значение придавали не оформлению, а подбору расцветки тканей. Большое распространение в одежде получили узорчатые ткани, хлопчатобумажные (ситцы, сатины) и, начиная с советских времен, нарядные шелковые. Распространение традиции использования узорчатых тканей в одежде местного населения, как женщин, так и мужчин, связывают с появлением здесь в конце XIX века узорчатых фабричных тканей. Не имея возможности покупать нарядные шелковые ткани, местные жители стали охотно шить одежду из дешевых ситцев, которые имитировали шелка, *атлас*, *парчу*².

Вышивку на ткани платья здесь не выполняли вовсе. Для оформления использовали лишь машинную строчку или широкую нашивную тесьму *джияк* или *кокму* из хлопчатобумажных или шерстяных нитей.

¹ Там же. – С. 145, 147.

² Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 21.

Использование шерстяной тесьмы было особенно характерно для Горной Матчи. Вышитую хлопчатобумажную тесьму привозили из городов.

Тесьму нашивали по краям вертикального разреза ворота платья. Внизу разреза обе тесемки соединялись и далее следовали вниз, соприкасаясь между собой, до талии и даже до колен. Такие платья называли *пешкушо* или *пешчок* (с треугольным вырезом). Их носили через 4-6 лет после замужества.

Незамужние девушки в старину носили платья *куртаи китфаки* - с горизонтальным разрезом. По крою оно не отличается от таких рубаш детей и мужчин. Края ворота таких платьев обшивали черным кантом *кува*. Наибольшее распространение платья *куртаи китфаки* получили в Матче¹.

Местные женщины, имеющие грудных детей, иногда делали платья с разрезом ворота и спереди и сзади. Это позволяло надеть такое платье поочередно той или другой стороной, во избежание загрязнения.

Вертикальный разрез ворота делали очень глубоким – до талии, вверху делали полукруг для шеи. По этому признаку платья из верховьев Зеравшана приближались к рубашам Северного Таджикистана.

Одновременно с кокеткой в платьях молодых женщин получил распространение воротник–стойка. Такие платья известны как *куртаи бугак* / *куртаи ит-ёка*.

Платья здесь шили длинные, достигающие до щиколотки. Они были значительно длиннее платьев из Куляба, Каратегина, Дарваза. В местном масштабе более короткими были матчинские женские рубашки. Ширина стана женских платьев была умеренной – 40-50 см, что на 10-15 см было меньше, чем в Варзобе и Каратаге и Кулябе. Рукава платья были длинные, на четверть длиннее руки. Постепенное укорочение длины рукавов стало наблюдаться, начиная с первой половины XX века. Ширина рукава, как правило, была равной по всей ее длине и составляла от 22 до 26 см. Вместе с тем,

¹ Там же. – С. 28.

встречались отдельные образцы с суживающимся концом рукава – 26-32 см у стана и 22-24 см на конце. Были и рубахи (из *карбоса*) с рукавами «дарвазского» стандарта, концы рукавов которых суживались довольно резко - до 15-17 см. В целом, здесь на платьях ширину рукава делали по «самаркандскому» образцу. Он был уже, чем в Кулябе, Гиссаре, Бухаре, Фергане.

Традиционные женские платья называли *гилеминкурта*, по названию используемой материи. В Средней Азии пошив женских платьев из шерстяной ткани было характерен только для таджиков Памира.

Рукав платья полностью закрывал кисть руки или был длиннее на 10-15 см. Рукава на конце были узкими. Разрез ворота на всех платьях был вертикальным - *ростовгиребон*.

Особенность платьев местного, например образца, сильная расклешенность книзу. С этой целью боковые клинья сильно раскашивали. Например, ширина боковины вверху могла быть 25, внизу – 70 сантиметров¹. Столь значительное расширение памирских женских платьев книзу связывают с влиянием культуры одежды Северной Индии².

На рукавах платьев для замужних женщин на расстоянии 15-20 см от конца делали поперечные разрезы *куроб*. Через эти разрезы продевали руки во время домашних работ.

Заслуживает внимания тот факт, что традиция выполнения отверстия на боковой стороне рукава в пределах Средней Азии существовала лишь в Дарвазе и Припамирье. Зато, что странно, она бытовала также за тысячи километров от Памира - в женской народной одежде на Руси. Любопытно выяснить связь, которая сблизило по этому принципу русскую и памирскую женскую одежду.

¹ Бахтоваршоева Л. Платья традиционного покроя таджичек Памира. – С. 145.

² Царева Е. У подножия Крыши мира. – С. 196.

Также были распространены платья *чагчин*, содержащие поперечные складки по всей длине рукавов. Их делали, используя специальную форму, после чего рукава смазывали изнутри мучным клейстером. Такие мелкие складки делали и внизу, на подоле. Очевидно, расход ткани на пошив рубаш со складками был значительный.

В конце XIX – начале XX века появились платья *миёнчин* со складками у подмышки. Для этого боковые клинья вверху делали более широкими, чем обычно. При зашивании их к стану образовывались складки, которые сшивали несколькими строчками. В результате платье получалось узким в верхней части и широкой у подола.

В Средней Азии платья со складками у подмышки шили только таджики Памира.

До 1940-х годов эти платья носили только молодые женщины, после (до 1960-х годов) ими стали пользоваться и пожилые женщины.

В Ишкашима шерстяные или хлопчатобумажные платья со сборками под мышками называли *шави*. Праздничные и свадебные платья *шави* украшали вышитыми тесемками по краям вертикального разреза ворота и на концах рукавов.

Женские штаны - *пойджома*, *эзор*, *лозими* здесь традиционно шили из шелковых и хлопчатобумажных (сатин, ситец и др.) тканей. Молодые предпочитали ткани с ярким и крупным набивным узором, женщины старшего возраста – материи темных расцветок с мелким рисунком. В зависимости от возраста отличались также фасон и длина штанов. Верхнюю часть штанов – *нифа* шили из более дешевой материи. Концы штанин обшивали плетеной тесьмой с кисточками на концах¹. Наличие этих декоративных тесемок специально демонстрировали из-под платья. Этим и отличалась манера ношения поясной одежды бухарскими и таджичками и

¹ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 135.

еврейками, у которых штанины всегда были заправлены в чулки, ичиги или сапоги, т.е. были скрыты от постороннего взгляда¹.

Шаровары *эзор*, *лозими*, *танбон* шили, используя два вида ткани – для верха и низа. Низ делали из материи темной, темно-синей или черной в цветочки, а для молодых – из ярких тканей желтого или красного цвета. Для верха шаровар – *лифа* использовалась более дешевая ткань. Поясную одежду шили очень длинной, концы штанин обшивали косо й тканью другого цвета – *магзи*.

В старину шаровары шили из разных сортов кустарных хлопчатобумажных тканей. Со временем штанины стали делать из цветастого фабричного ситца или шелковых материй. Штанины стали делать более узкими, их концы начали оформлять узорной тесьмой. Длина традиционных шаровар почти достигает щиколотки.

Заметим, что географически редкое для Таджикистана название шаровар (распространено только в Горном Бадахшане) - *танбон* - в Иране употребляется повсеместно².

Женские шаровары *танбон*, как правило, сшивали из цветных тканей. Штаны были широкими вверху и книзу суживались. Их шили более длинными, чем у мужчин, спускаясь ниже щиколотки.

Для теплого периода года верхней одеждой служил распашной халат *мунисак* без воротника. Его длина доходила до щиколоток. Укороченный *мунисак* называли *калтача*³. К полам халата пришивались передние клинья треугольной формы, острием вверх, основанием вниз. Из-за этого внизу (от колен, иногда – от талии) полы халата перекрещивались. Основание рукава *мунисака* было широким, книзу рукав сужался почти в 2 раза. Линия низа оснований рукавов проходил в области груди. На этой линии располагалась

¹ Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 296-297.

² Люшкевич Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. – С. 299.

³ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 135.

вершины передних клиньев, поэтому отсюда вниз происходило расширение одежды, ее расклёшивание. По этой причине наиболее узким местом халата вдоль стана был участок груди, следовательно, прилегание мунисака к телу происходило выше линии талии. Подмышками пришивались шнурки, привязыванием которых здесь боковины собирались в складки.

Мунисак впервые надевался в 12-летнем возрасте. Считалось, что теперь она переходила в следующую возрастную группу и могла выходить замуж. По этому поводу устраивался специальный обряд – *калтачанушон*¹.

Мунисак являлся, как повседневной, так и нарядной, праздничной одеждой, однако прежде чем исчезнуть из гардероба среднеазиатских женщин из равнинных районов, он стал похоронной одеждой. Прежде он был распространен во всех равнинных районах - в Хорезме, Ташкенте, Ферганской долине, Худжанде, Самарканде, Бухарском оазисе.

Ее шили из дорогих шелковых тканей (*кимхо, адрас, шойши бухори, бахмал*). Предпочитались материи яркие и нарядных тонов, среди однотонных лучшими считались материи глубокого лилового или зеленого цвета. Среди узоров тканей предпочтение отдавалось абровым рисункам. *Калтачу* шили на подкладке из красного ситца, иногда простегивали тонким слоем ваты. Полы, концы рукавов и подол обшивали плетеной тесьмой.

Поверх рубах в 1920-х годах распространилась традиция носить безрукавки *камзулча* длиной до талии, застегивающиеся впереди на пуговицы. Ее шили из разных тканей – сатина, вельвета, бархата, плюша. Предпочитались материи темных расцветок. Теплые безрукавки простегивали на вате. Носили их все, с младенческого возраста до глубокой старости².

¹ Там же. – С. 136; Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). – С. 39.

² Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 135.

В позднее средневековье обязательным предметом верхней одежды бухарских женщин при выходе на улицу была головная накидка *фаранджи*, которая укутывала фигуру с ног до головы. При входе в свой или другой дом нужно было снять ее, так как это действие означало пожелание смерти. Составной деталью *фаранджи* была волосяная сетка *чаимбанд*, которая опускалась на лицо. Причину, по которой *чаимбанд* ткали из конского волоса, связывают с тем, что этот материал, будто, отпугивал злых духов. Этой сеткой укрывали новорожденного, ею ударяли по колыбели при обряде первого положения в нее младенца¹.

Головная накидка такого вида получила распространение в Бухаре и других городах Средней Азии в XVIII веке. Ношение ее вместе с лицевым покрывалом в Бухаре в 1770-х годах зафиксировал Ф. Ефремов². В 1813-1814 годах о ее ношении всеми женщинами, но уже в Ташкенте, писал Ф. Назаров³. В горных районах *фаранджу* не носили.

В качестве верхней одежды применялись *мунисак*, *фаранджи*, халат. Одним из своеобразных видов верхней одежды был *мунисак* или *калтача*. Он пользовался большой популярностью у женщин, хотя был распространен только в равнинных районах, преимущественно в городах.

Его характерными чертами были отсутствие воротника и собранные под рукавами в складки, боковины. Из-за наличия складок *мунисак* в области груди становился узким и плотно прилегал к телу, что придавало женской фигуре стройность. Наибольшее число складок под рукавами делали в Самарканде. В *мунисаке* местного изготовления складки заполняли и часть спинки халата. Они переходили также и на часть спинки, вследствие чего халат плотно обхватывал тело чуть выше талии.

¹ Резван М. Чтобы проклятия остались снаружи или «платье-оберег». – С. 76.

² Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. – С. 77.

³ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. – С. 35.

Халат *калтача* в Самарканде и сегодня все еще не вышла из употребления. Она применяется в качестве траурной одежды, а также, что любопытно, присутствует в свадебном гардеробе невесты. В составе приданого невесты числятся, как правило, штук 30 платьев национального покроя, 1-2 *калтачи* сине-голубых расцветок, а также современные виды женской одежды. Все это родные невесты должны продемонстрировать в комнате, где затем состоится обряд *никох* (бракосочетание)¹.

Распространение в среднеазиатских городах выкройных камзолов (кафтанов, бешметов), облегающих грудь и талию, с вшивным коротким (до локтя) рукавом, невысоким стоячим воротником, происходило еще до революции, под влиянием русской культуры. Одновременно с распространением камзолов, писал в 1916 г Н.С. Лыкошин, местное население взамен непрочных козлиных ичигов начало обуваться в сапоги из американской лакированной кожи². Некоторые экземпляры камзолов делали отрезными по талии. На участке подмышек делали сборки. Камзол оснащали прорезными карманами на бедрах и правой стороне груди. Полы застегивались на пуговицы. Камзол считался одеждой праздничной, его шили из узорчатого бархата или абровой шелковой ткани с ярким орнаментом³.

Фаранджи было обязательным атрибутом уличной одежды, прежде всего в городских условиях. В сельских местностях равнинных районов его задачу выполнял обычный халат, который накидывали на голову проймой одного из рукавов. Однако сельские женщины также имели *фаранджи*, в него укутывались, когда собирались в дальнюю поездку.

В старину в административном центре и крупных селениях Гиссарского бекства, включая Каратаг, женщине носили на улице головную

¹ Емельяненко Т. Г. Современная свадьба таджиков Самарканда. – С. 261.

² Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – С. 14.

³ Старостина О. В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.). – С. 377.

накидку *фаранджи* с волосяной сеткой *чаимбанд*. Ее шили местные мастерицы, продукцией которых пользовались также жены бухарских чиновников в Кулябском и Каратегинском бекствах. Пожилые женщины Гиссара носили и другой тип головной накидки – *фарисар*, также с ложными рукавами, но без подкладки, а потому более легкие и без *чаимбанда*¹.

В регионе (Рашт и Дарваз) женщины в старину специфической верхней одежды не имели. Только в состоятельных семьях могли позволить себе шить стеганую верхнюю женскую одежду *джома* наподобие мужского теплого халата. Ее делали с боковинами, передними клиньями, без вырезной проймы. Во второй половине XX века утепленная верхняя женская одежда стала массовой.

Специальной зимней шерстяной одежды женщины, в отличие от мужчин, не имели. В качестве верхней одежды у женщин использовался стеганный халат *джома*, летом - халат *мунисак* на подкладке или без нее или легкий халат *яктах*. В Матче зимой носили *мунисак* на вате, на западе - без ваты.

Джому шили с широкой талией и узкими плечами. Такую одежду носили преимущественно девушки и девочки. По покрою женская *джома* не отличалась от мужской. Разница заключалась лишь в более ярком цвете ткани. Для верха употребляли, в основном, ситец с крупным цветочным узором. Длина стеганого халата доходила до икр. Под мышкой ластовиц не вшивали. Вместо этого, здесь делали сборки *чингак* или *чин-чин*. На некоторых образцах верх складок украшали цветной вышивкой *савлати зери багал* («пышность подмышек»). Орнамент вышивки представляет собой стилизованные рога горного козла – *шохи бузи кухи*.

По бокам на полах *джомы* делались разрезы *чоксар* или *гулчок*.

¹ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. - С. 82.

Зимой женщины надевали *джому* и легкий халат *яктах* вместе, причем *яктах* надевали поверх стеганого халата.

В условиях гор *мунисак* служил повседневной одеждой, поэтому его шили из полосатой х-б. *алочи*. При использовании такого халата в качестве выходной одежды, для пошива употребляли нарядные ткани – бархат, *бекасаб*, шелк.

До революции 1920 года в Пенджикенте и селах, расположенных близ этого города, а также некоторых крупных селениях Горного Зеравшана носили головную накидку *фаранджи* с волосяной сеткой *чаимбанд*.

В центральных кишлаках верховьев Зеравшана (в пределах современного Айнинского района) роль *фаранджи* играл обычный халат *яктах* или другой предмет верхней одежды, который накидывался одним рукавом на голову. Нередко для этой цели *яктах* специально шили покороче (около 1 м) и называли *саргирак*¹.

Головные накидки в костюме таджичек фигурировали только в крупных равнинных селениях, где они проживали в тюркском окружении. Для коренных жителей Горного Таджикистана этот предмет одежды не был нехарактерен.

В холодное время поверх платья, обычно шерстяного, носили халат *гилем* из белого или серого домотканого сукна *катма*. Халаты шили из материи естественной окраски шерсти. Как правило, они были одноцветными, но встречались и полосатые². Полы, подол и рукава халата обшивали шнуром из шерстяных ниток темного цвета. Иногда эти места халата дополнительно оформляли вышивкой теми же нитками.

После появления фабричных тканей получил распространение стеганый халат *чапон*.

¹ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. - С. 82-83.

² Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 134.

Специальной зимней одежды памирские женщины не имели, так как большую часть времени они проводили у себя дома. При совершении более или менее длительных походов, они надевали две-три рубахи и тщательно укутывались платком¹.

Таким образом, в народной одежде таджиков удастся легко выявить наличие устойчивых элементов и проявлений, что позволяет сформулировать ее основные особенности и составить целостную характеристику. Истоки формирования этих элементов скрываются в глубине тысячелетий, а их преемственность, обусловившая сложение устойчивых традиций, имело место на всем протяжении исторического развития таджикского народа. Портновские традиции таджикского народа складывались под влиянием природно-климатических условий исторического проживания этого народа, его культуры и мироощущения, религиозного фактора. Самобытность народной одежды, ее практичность – производные от традиционного образа жизни и результат непрерывного развития состава одежного комплекса, формы и силуэта, цвета и покроя, размеров и материалов. Многообразие видов и форм предметов народной одежды, а также способов ее ношения позволяет вести речь о феномене таджикского национальной одежды – явления, в разные исторические эпохи породившего и развивавшего многие новые модные течения.

1.2. Формирование нетрадиционализма в узорах вышитых платьев

Таджикская вышивка как способ декоративной отделки одежды зародилась многие столетия назад. Реконструкция женского костюма верховьев Зеравшана, исходя из местонахождения украшений относительно тел погребенных в Саразме (костюм «Принцессы Саразма») и Дашти-Кози, показала, что здесь уже в энеолите платья отделявали вышивкой бисером и

¹ Там же. – С. 137.

бронзовыми бусинами – вокруг горловины и зигзагообразно по подолу. Бисером и бусинами вышивали также обувь¹.

Материи конца II – начала I тысячелетий до н.э., декорированные вышивкой, встречаются среди загунлукской (Восточный Синьцзян) коллекции шерстяных тканей². Бронзовым веком датируются также ноговицы из полосатой ткани с вышивкой из Кумула и вышитая материя полотняного переплетения из Корла (Западный Китай)³.

Истоки золотошвейного искусства теряются в глубине эпохи среднеазиатской античности. Свидетельством тому являются, например, остатки одежды III века до н.э., декорированной золотым шитьем, из храма Окса на городище Тахти Сангин⁴. Фрагменты шелковой и льняной тканей с золотошвейным орнаментом, вместе с остатками златотканой материи I века до н.э., найдены при раскопках могильника безымянных царей в Тиллятепе (Северный Афганистан)⁵.

Вышитый орнамент широко использовался в бактрийской одежде кушанского периода. Остатки хлопчатобумажной ткани II-III веков в виде многочисленных мелких фрагментов из могильника «Иттифок» (на территории Фархорского района Таджикистана) демонстрируют вышитый узор растительно-орнитоморфного характера. Материя орнаментирована повторяющимися «древами жизни» в сочетании с облаками и птицами, изображенными по обеим сторонам растений (илл. 1.2.1). Вышивка произведена латунной проволокой и пурпурным шелком⁶. Эта находка в какой-то мере проливает свет на истоки сложения традиции декора

¹ Раззоков А. Р. Древнеземледельческое поселение Саразм. – С. 200, илл. на с. 204-205; Потемкина Т. М. Реконструкция костюма из могильника Дашти-Кози. – С. 73-78.

² Лубо-Лесниченко Е. И. Ткачество. – С. 37; Майтдинова Г. М. История таджикского костюма. – Т. 1. – С. 27-28.

³ Майтдинова Г. М. Раннесредневековые ткани Средней Азии. – С. 5.

⁴ Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). – Т. 3. – С. 448-449.

⁵ Писарев С. А. Комплексное исследование археологических материалов из раскопок Тиллятепе. – С. 235-236.

⁶ Майтдинова Г. М., Елкина А. К. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей. – С. 75-78.

знаменитых таджикских вышитых платьев – чаканов: она зародилась, по крайней мере, 1600 лет тому назад.

На распространение в конце эпохи среднеазиатской античности вышивального дела в других районах проживания предков таджиков указывает находка двух вышитых фрагментов шерстяных тканей III-IV веков из Карабулакского могильника в Юго-Западной Фергане¹.

Эти факты конечно еще не служат основанием считать Бактрию, тем более его конкретные пределы (правобережье Амударьи в среднем ее течении) родиной среднеазиатской вышивки. Еще слишком мало археологических данных, проливающих свет на особенности генезиса данной сферы народного искусства таджиков.

Н. П. Лобачева, обстоятельно исследовавшая на основе росписей среднеазиатских архитектурных памятников (Пенджикент, Афрасиаб, Балалыктепе и др.) местные костюмы эпохи раннего средневековья, не исключает, что отдельные узорчатые ткани в одежде мужских персонажей могли быть вышитыми. Для подтверждения своего мнения она ссылается на китайские источники. В частности, в хрониках Бейши и Суйшу при описании костюма правителя Самаркандского Согда сообщается, что его одеяние было из вышитых шелковых тканей, камки и белой материи. Другие мужчины здесь одевали, скорее всего, не вышитые кафтаны. В указанном источнике отмечено, что их одежда была из камки.

В Средней Азии мужчины носили вышитую одежду и в монгольское время. Сообщение об этом применительно к жителям Согдийского региона содержится в китайской энциклопедии Ма Дуан-линя от XIV века².

Если согласиться с приведенным, в целом обоснованным, мнением Н. П. Лобачевой, можно легко восстановить характер размещения вышивки на одежде, например, пенджикенцев (илл. 1.2.2). Вышивка могла быть

¹ Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник. – С. 43-82.

² Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи. – С. 28-29.

выполнена как по самой ткани одежды, так и по другой, отделочной, ткани, которую затем полосками нашивали на некоторые части верхнего одеяния. Узорная нашивка располагалась по краям горизонтального ворота, шла вертикальной полосой посередине переда, по нижнему краю подола. Более широкой полосой она использована для манжет. По бокам на подоле имеются длинные разрезы, которые также обрамлены полосами из отделочной материи.

Конечно, вышитая одежда находила широкое применение в мужском и женском костюмах Средней Азии эпохи господства арабов, а также во времена правления первых местных династий. Без такой одежды трудно представить наряды правящей верхушки господства Саманидов. Без сомнения, вышивка находила применение в тот период и в одежде, прежде всего, женской, рядовых жителей этого могущественного государства. В эпоху Саманидов вышитая декоративная надпись тироз украшала полушелковую материю мулхам местной выделки. Ее выработывали из шелковой основы и хлопчатобумажного или льняного утка в знаменитой мастерской Мерва, основанной еще халифатом. В надписи фигурировали имя халифа, время и место выделки ткани. Не случайно, в сокровищнице халифа аль-Мустакфи после его смерти были обнаружены 65 тыс. отрезков «мервской» ткани и 13 тыс. «мервских» чалм, которые хранились там вместе с драгоценностями. О производстве в Мерве плащей, шелковых и хлопчатобумажных покрывал писал. По словам ал-Мукаддаси, нигде не могли производить подобные мервским вышивкам, как и златотканям (парча) и материям шойиджони. В другом городе Хорасана - Серахсе население занималось вышивкой позолоченных покрывал, поясов и других предметов из текстиля¹.

¹ Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии. - С. 100, 271.

Вышитый войлок XI века присутствует в числе находок из горного поселения Базардара на Памире (долина Мургаба). Вышивка выполнена шерстяными нитями коричневого, красного и зеленого цветов. Здесь шелком вышивали кожаную обувь, причем вышивали носок и стельку (?). Тонкая полоса вышивки красной нитью в сочетании бахромы в виде кистей идет по краям некоторых базардаринских хлопчатобумажных шарфов. Полагают, что шарфы носили и в качестве головного убора (мужского и женского). Тесемки, в том числе вышитые, использовались для украшения одежды. Эта конкретная находка имеет непосредственную связь с истоками традиции оформления на Памире нарядных платьев нашивной декоративной тесьмой. В целом, находки из Базардара показали, что в XI веке вышивка одежды, войлочной обуви и кошмы у горных таджиков была широко распространена и довольно развита¹.

В пятом Пазырыкском кургане сохранились женские сапоги, подошва которых расшита бисером. Исследователи материальной культуры объясняют это тем, что они могли служить обувью для знатной дамы, возможно из царской семьи, которая не снимала их с ног внутри помещения. Однако объяснить факт орнаментации вышивкой стельки обуви пока не удается объяснению².

В период с первой четверти XIII века по вторую четверть XIV века по всей Центральной Азии, в том числе в одежде таджиков, распространились распашные халаты с вышивкой на груди. Покрой халатов соответствовал монголо-китайским традициям, что было связано с усиленным их насаждением после монгольского завоевания региона. Характерные признаки этих предметов одежды – наличие диагонального запаха, длинных боковых разрезов до пояса и др.³

¹ Бубнова М. А. Древние рудознатцы Памира. – С. 135-141.

² Успенский Л. В. За семью печатями (очерки по археологии) [Электронный ресурс].

³ Майтдинова Г. М. История таджикского костюма. – Т. 2. - С. 23.

Особое развитие вышивка получила в мужском и женском костюмах жителей Средней Азии XIV-XV веков. Она широко применялась в одежде высшей знати. В этот период мужскую одежду шили по большей части из гладких тканей и, соответственно, главным приемом ее декора становилась вышивка. Узор наносили на плечи, верхнюю часть груди и спины. Изредка вышитый орнамент украшает и концы рукавов, подол распашной одежды¹.

Русские и европейские путешественники отметили, что богатая отделка вышивкой являлась одной из характерных черт одежды таджиков в конце XIX – начале XX века. Национальная вышитая одежда в этот период имела свои региональные особенности, как в отношении характера узоров, так и их расположения на конкретных участках изделия. Так, сообщение К. Ельницкого о том, что женское платье среднеазиатской горожанки содержит вышивку, идущую со спины на грудь широкой полосой², имеет отношение к костюму таджичек долины Зеравшана. Причем, русский этнограф в 1895 году писал, скорее всего, про вышивку золотом.

Для низовьев Зеравшана, особенно Бухарского оазиса, более характерной является вышивка на выступающих наружу концах длинных рукавов нижнего платья, которые нередко отворачивали наверх. Иногда к ним с изнаночной стороны пришивали надставки саростин / нуги остин. Длина надставки составляла до 80 см, из которой примерно половина украшалась вышивкой. Общая длина рукавов вместе с надставками достигала 105-110 см. Иногда пришивали одну к другой до трех надставок. При опущенных руках надставки почти касались земли. Вышитые надставки использовались, чтобы, во-первых, добавить костюму декоративности, с другой - достичь иллюзии большего числа надетых платьев³. Вышивка находила широкое применение в декоре нашивных тесемок для переда

¹ Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв. - С. 52-54.

² Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. – С. 112.

³ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – С. 132, рис. 8.

платья – пешкурта. Использование вышитых надставок на рукавах нижнего платья и вышитой тесьмы, нашиваемой на перед верхнего платья, было в традиции женщин из многих районов проживания таджиков.

Одной из причин массового распространения вышивки на одежде таджичек считают возможность с ее помощью преобразить одежду из относительно дешевых тканей. За счет вышитого узора или золотого шитья она делалась нарядной, а недостатки материала становились незаметными¹. Такое мнение имеет право на существование, однако считать данный фактор существенным основанием, на наш взгляд, неверно.

Сегодня, когда ведут речь о национальных вышитых платьях таджичек, подсознательно имеют в виду кулябские чаканы. Вместе с тем, платья такого типа имели столь же широкое применение в Гиссарской и Сурхандарьинской долинах, Раштско-Дарвазской зоне. Нарядные вышитые платья жителей этих районов также отличались богатством узоров, глубоким содержанием вышивки и пестротой ярких красок. Однако традиция изготовления и ношения чаканов в Кулябе проявила большую устойчивость, она дошла до наших дней и сегодня продолжает развиваться в условиях всемерной поддержки со стороны общества и государства. Более того, ее существование стало основой для возрождения традиции ношения вышитых платьев по всему Таджикистану, как в районах, где в прошлом она бытовала (Гиссар, Рашт, Дарваз), так и в регионах, в частности горных, для которых прием оформления вышивкой ткани платья не был характерен (Памир, верховья Зеравшана).

Характерная особенность вышитой одежды таджиков – яркие, сочные цвета в узорах, что придает национальному костюму особую нарядность. Вышивали женские платья, детскую одежду и отчасти мужскую. Особой нарядностью отличались вышитые платья невесты. Яркий колорит вышитых

¹ Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 305.

выходных нарядов горных таджиков придавало улице атмосферу праздничности. Традиционные кулябские чаканы, подобно Гиссарским, Сурхандарьинским и Раштским шили длинными и широкими. Ширину стана туникообразного платья в Кулябе в конце XIX – XX века принимали 60-65 см, такой же длины делали рукава. Рукава платья, как правило, были сравнительно широкими (25-30 см) и почти прямыми. Скошенность рукава к концу составляла лишь 5 см. Очень широкие длинные рукава спускались ниже кисти. На нижнем платье, надеваемое под верхнее вышитое, вышивали концы рукавов. На отдельных образцах к концам рукавов пришивали вышитые концы - нарукавники. В этом случае общая длина рукава достигала до 75 см.

Однако широкий покрой вышитого (и не только) женского платья был характерен прежде всего для крупных городов – Куляба, Бальджувана, Гиссара как административных центров одноименных бекств, а также Рашта – столицы Каратегинского бекства. Здесь жили бухарские чиновники со своими семьями и именно они диктовали моду на одежду. Другими словами, традиция пошива широких платьев была привнесена в эти места из Бухары. Но в селениях, особенно горных, были распространены платья со скошенными рукавами, узкими к концам. Например, сохранилось кулябское платье от 1895 года, ширина рукава которого у основания составляет 38 см, а на конце - лишь 15 см. Здесь бытовали также платья с узким станом (около 50 см)¹.

Другая характерная черта традиционных чаканов кулябского образца – растительный характер вышитых узоров. Геометрические детали почти не встречаются. Неким исключением из этого правила являются образцы чаканов из Ховалинга и Восейского района, на которых растительную композицию дополняет пара вышитых изображений амулетов, украшающих

¹ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. - С. 29-30.

плечи. Амулеты имеют традиционную треугольную форму и органично вписаны в общую композицию узора (илл. 1.2.3). Треугольники выполнены с внутренней проработкой и подобно украшениям дополнены подвесками.

В отличие от равнинных районов, в Дарвазе женщины, обычно молодые, зачастую носили узкие, обтягивающие фигуру, платья, в том числе вышитые. Среднее значение ширины стана женского платья в Дарвазе составляло всего лишь 35-40 см. Встречались платья, в которых ширина стана составляет 30 см и даже чуть меньше. К узкому стану пришивали с двух сторон боковые клинья узкие вверху и очень широкие у подола. Тем самым достигалась большая расклешенность платья книзу. Рукава также отличались значительной скошенностью. Они были очень широкими у основания и очень узкими у кисти¹.

В Дарвазе вышивали как по ткани платья, так и по другой ткани (илл. 1.2.4), которую затем нашивали на отдельные части платья (грудь, концы рукавов, боковина рукавов между локтем и запястьем). Здесь, как и в соседнем Раште, вышитый узор мог быть, как растительным, так и геометрическим. Более того, в узорах преобладали геометрические мотивы. Например, главными композиционными элементами в нагруднике платья шоинак, были крупные ромбы, сплошь заполненные внутри одним цветом или с размещением там других фигур. Встречаются образцы местных вышитых платьев чакан, на которых перед, концы рукавов и подол оформлены цепочками крупных разноцветных ромбов с внутренней проработкой каждого из них (илл. 1.2.6). Ромб символизирует женское начало. Его изображение, как и растительных узоров, символизирует идею плодородия. Не случайно, наиболее богато они представлены в передней части платья, вокруг живота. Они призваны охранить эту часть женского тела, столь важную для воспроизведения рода².

¹ Широкова З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 144.

² Ишбулдина К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии. – С. 239.

В материальной культуре горных таджиков встречаются вышитые женские платья, правый и левый рукава которых содержат орнаменты разного вида. В качестве наглядного примера можно указать на платье, представленное на илл. 1.2.7. Туникообразное платье из красного сатина орнаментировано вышивкой по краям вертикального разреза ворота, на рукавах (спереди по всей длине) и по низу подола по всему его периметру. Орнаментация выполнена вышивальными нитками черного, белого, желтого и зеленого цветов. Внимательно рассматривая узор, можно заметить, что мастерица нарушила симметричность при выполнении многих композиционных деталей, причем так она поступила намеренно.

Нижние края рукавов обрамлены вышитой каймой, внутри которой следуют друг за другом цветочные элементы (не то розетки, не то кусты). Вышитые полосы из кустиков выполнены также на стане у оснований рукавов.

Оригинальность заключается в выборе узоров квадратной формы, заполнивших большую часть рукавов. Эти узоры на правом и левом рукавах разные: на левом – растительный на правом – растительно-геометрический.

Центральным элементом в композиции узора правого рукава является равносторонний ромб, вписанный в квадрат. Внутри ромба – розетка в виде фигурного креста зеленого цвета. Контур квадрата составлен из трех полос – двух узких по краям и широкой центральной. Внутри широкой полосы по углам квадрата размещены белые крестики. Заметим, что в выполнении этих крестиков симметричность нарушена намеренно: расположенные на одной диагонали крестики выполнены прямо, расположенные на другой диагонали – косо. Пространство между крестиками заполнено кустиками черного цвета.

Вышитый квадрат того же размера видим и на левом рукаве, но он не обрамлен полосами. Здесь внутри квадрата нет ромба, вместо него большая

растительная фигура овальной формы, напоминающая разрезанную косточку.

Отличия наблюдаются и в белых полосах обрамления квадратов с зазубринами, в частности в кустиках, расположенных по углам квадратов.

Вышивальщица вносит несимметричность и в вышивке переда платья, на груди. Внизу вышитой прямоугольной фигуры по краям черным цветом на одной стороне изображен кустик, на другой – крестик.

Несимметричность замечаем и в исполнении кустиков у проймы рукавов. На одной стороне платья они выполнены листьями вверх, на другой – листьями вниз.

Сложно разгадать философию задумки вышивальщицы, которая, без сомнения, преследовала определенные цели, известные, пожалуй, только ей самой и, очевидно, заказчице платья.

На еще один вариант умышленного нарушения симметрии в вышивке одежде указал М. А. Терентьев в своем сочинении «Туркестан и туркестанцы». Давая описание верхнего халата типичного тучного состоятельного сарта, любующегося в обществе своим нарядом, русский автор обращает внимание читателя на вышитый (или, скорее всего, золотошвейный) узор верхнего халата одного из своих персонажей. По его словам, основу орнаментальной композиции халата по-щегольски одетого франта составляли роскошный букет на спинке и букет на левом рукаве. Другими словами, один из рукавов (правый) описанной мужской верхней одежды не был украшен растительной композицией¹.

Наряду с этим, в национальных вышитых женских платьях южных и центральных районов Таджикистана зачастую узор на концах левого и правого рукавов или по всей их длине отличается, однако не содержательно, а колористически. Другими словами, детали узора на обоих рукавах платья

¹ Терентьев М. Туркестан и туркестанцы. – Ч. 1. – С. 100.

одни и те же, но при взгляде на платье, например, спереди, цвета этих деталей противоположны (илл. 1.2.8). Так, на левом рукаве платья (если смотреть на его перед), представленного на илл. 1.2.8,а, цвет розетки бежевый, а на правом рукаве – белый. Очевидно, на каждом рукаве вышито по две розетки – белая и бежевая, поэтому если смотреть на платье со стороны спинки, увидим вторые розетки, также противоположные по цвету. В свою очередь, z-образные фигуры, идущие ближе к концам рукавов, выполнены белым, бледно-голубым и фиолетовым цветами. В расположении этих фигур на двух рукавах с учетом их цвета опять же можно заметить нарушение симметричности. Такая цветовая асимметричность орнамента рукавов присутствует и на рукавах платьев, представленных на илл. 1.2.8,б-в.

Однако в данном случае о преднамеренном нарушении вышивальщицей симметричности узора платья говорить не приходится. Ее несоблюдение связано, очевидно, с тем, как располагала мастерица детали одежды во время наметки контуров узора и последующей вышивки. Она удерживала оба рукава так, чтобы, например, их основания, в последующем пришиваемые к стану, находились слева, а концы справа. Это позволяло по ходу работы достичь полного соответствия в их оформлении, обеспечивало возможность для неоднократного сравнения получаемого узора. Однако, как известно, правый и левый рукав пришиваются к стану по-разному, их основания направлены друг к другу, а концы расходятся. Вследствие этого, конкретная деталь орнамента, выполненная на обоих рукавах одинаково (по форме, размеру, цветовой разработке), на одном рукаве оказывается на передней боковине рукава, на другом – на задней. Таким образом, происходит естественное нарушение симметричности в вышитом узоре двух рукавов при рассмотрении с одной позиции, что достигнуто произвольно. Такая картина имеет место практически на всех платьях чакан.

Таким образом, на основе приведенного материала и его анализа сформулируем следующие *выводы по второму параграфу*:

1. Первые признаки вышивки как элемента декора предметов одежды в Средней Азии проявляются уже в энеолите. Речь идет о вышивке бисером и бусинами путем их расположения строго по контуру выбранного узора. Со временем здесь зарождается техника вышивки нитями - хлопчатобумажными, шерстяными, шелковыми, металлическими.

2. Традиции оформления женской одежды вышивкой в пределах Таджикистана формируются еще в античности, по крайней мере, со II-III веков до н.э. Характер узора на сохранившемся артефакте и сюжеты настенных росписей из древних и раннесредневековых памятников архитектуры указывают на то, что в тот период мотивы вышивки отражали, как реальный мир (природу во всем ее разнообразии), так и существовавшее мировоззрение людей, допускавшее наличие мифологических образов. Принцип представления зооморфных, орнитоморфных и мифологических деталей, составлявших вместе с изображением растений целостную композицию, в последующем был уничтожен по мере распространения в регионе канонов ислама.

3. Для образцов, характерных для Кулябского оазиса, Гиссарской и Сурхандарьинской долин, характерно использование в узорах растительных мотивов. В горных районах Таджикистана Раште и Дарвазе в чаканах встречаются мотивы, как растительного характера, так и геометрического, с преобладанием последних;

4. При вышивке национальных платьев мастерицы традиционно стремились к максимальной симметричности в композиции орнамента. Нарушение этой традиции получило отражение в сохранившемся образце раштского чакана, на котором представлено намеренное нарушение симметрии в композиции, что отчетливо просматривается в выполнении ряда деталей;

5. Умышленное нарушение правила симметрии встречалось и в декоре мужских халатов с золотой вышивкой, когда, например, крупный растительным узором украшался только один из рукавов одежды;

6. Нарушение правила симметрии в цветовом оформлении вышитых рукавов, что наблюдается практически на всех образцах платьев чакан, происходило произвольно, ненамеренно и получалось вследствие выполнения вышивки на деталях, еще не собранных в единое целое. Оно обусловлено традиционным приемом одинакового расположения этих деталей, во время наметки эскиза вышиваемого узора и выполнения вышивки вручную.

1.3. Генезис мужских брюк в таджикской одежде как развитие нетрадиционного подхода к ношению верхней одежды

Одной из главных особенностей традиционной восточной мужской и женской одежды является сокрытие от постороннего взгляда поясной одежды, как минимум, ее верхней части. Для этого длина мужских рубаш выбиралась так, чтобы она перекрывала бедра, женское платье шили длиной до колен или ниже, зачастую до щиколоток. Сокрытию от чужого взора верхней части шаровар способствовала также длинная верхняя одежда (халат, чекмен).

В женском костюме, соответствовавшем требованиям, продиктованным условиями затворничества, открытый верх поясной одежды был абсолютно непозволителен. Более того, появляясь на улице, женщина была принуждена целиком скрыть свой наряд под верхней “оболочкой”, называемой фаранджи.

Однако в мужском костюме отдельной прослойки жителей средневекового Востока, в том числе Центральной Азии, шаровары могли служить частью верхней одежды, выступая в этом случае в качестве брюк.

Так, заправка плечевой одежды в поясную была обусловлена активными физическими занятиями, следовательно, такой манеры одевания придерживались иногда охотники, а также люди труда (илл. 1.3.1, а; 1.3.3, б) во время выполнения работы (строители, пахари и др.).

Случаи запахивания пол халата в шаровары можно было встретить, очевидно, и в костюме всадников, в том числе всадников-аристократов. Так, рассматриваемого стиля в ношении одежды придерживается скачущий на коне, сасанидский царь Бахрам Гур во время охоты на дракона (илл. 1.3.1,а). Безымянным художником второй половины XIV века прославленный иранский царь изображен одетым в красную рубаху с горизонтальным разрезом ворота, известной по этнографическим материалам как куртаи китфак (рубаха с прорезом на плече) или куртаи муллоча (рубаха для мулл). Поверх рубахи он наряжен в кабо – халат с V-образной горловиной, полы которого сведены вместе ошнуровкой. Заправка в два шнура, поочередно переходящих с одной полы на другую, образует на верхней стороне одежды частые короткие скрещивания. Полы кабо, также красного цвета, заправлены внутрь широких синих шаровар. Вверху поясной одежды на лицевой стороне выполнены плотно расположенные друг к другу петли, через которые вдет шнур изорбанд для вздержки шаровар. Этот наряд в сочетании с чалмой придает зримую несообразность костюму владыке, предпочитавшего власти и политике спортивные и любовные развлечения.

Таким же несуразным представляется изображенный на рубеже XIV-XV веков художником-миниатюристом Джунайдом костюм другого легендарного персонажа – царя Хумая (илл. 1.3.1,б), представившегося взору китайской принцессы Хумаюн. Влюбленный герой наряжен в рубаху и халат кабо с косым запахом и короткими рукавами, причем оба предмета плечевой одежды сиреневого цвета. Рубаха и халат заправлены в широкие красные шаровары.

Естественно, эти наряды нельзя считать типичными, традиционными для представителей высшей восточной аристократии средневековья. Государи или принцы в царских дворах и в обществе ходили в роскошных одеяниях, соответствовавших их высокому рангу, что, очевидно, никак не допускало выставления напоказ поясной одежды.

Тем более что рассматриваемый вид наряда, как видно на отдельных средневековых миниатюрах, был вариантом форменной одежды дворцовых слуг. Хотя и они в таком нетрадиционном костюме выглядели в какой-то мере неуклюже.

Деталь миниатюры «Искандер посещает мудреца-отшельника», представленный на илл. 1.3.1,в, показывает, что в начале XV века рассматриваемая манера одевания была свойственна не только всадникам, экипированным оружием, но и царской прислуге. Слуга знаменитого завоевателя древнего мира идет за своим господином, удерживая над ним раскрытый зонт. Можно заметить, что под верхней плечевой одеждой, которой является кабо с косым запахом, надеты белая рубаша с горизонтальным разрезом ворота и одеяние зеленого цвета с длинными рукавами. Все три перечисленные элементы плечевой одежды заправлены в широкие красные шаровары из полосатой материи. Заслуживает внимания еще один необычный момент в костюме слуги: он носит поясной ремень, бляха которого частично заходит под шаровары.

Такая манера ношения одежды встречалась не только в пределах современного Ирана. Ее можно увидеть и на миниатюрах, исполненных в Средней Азии в XVI в. Примером служит картина «Маджлис у царевича». «Шах-наме», фрагмент которой показан на илл. 1.3.2,а. Художник, изобразивший дворцовое увеселение, нарисовал множество персонажей – хозяина пиршества и его сановников, прибывающих знатных гостей, а также хлопочущих слуг. Заправка халата в шаровары наблюдается только у слуг, но

не у всех. Поверх шнура для вздержки штанов надет ремень. У одного из слуг к ремню подвешена сабля и кинжал. Шаровары, выполняющие роль верхней одежды, очень широкие, в том числе в штанинах, и заправлены в сапоги. Поясная одежда из однотонных тканей разных (красного, голубого, салатного) цветов и контрастирует по расцветке с наплечной одеждой.

Эти же детали прослеживаются в костюме одного из персонажей картины «Приведение к царю пойманных арабских разбойников» Махмуда Музаххиба - ведущего художника бухарской библиотеки и двух персонажей другой его миниатюры - «Учитель по борьбе, побеждённый своим учеником» (илл. 1.3.2,б,в). Здесь внимание обращает тот факт, что среди большого числа изображенных на обеих картинах художника персонажей лишь один или два представлены в таком наряде. Причем они стоят близко к царю, у них кожаные ремни с инкрустациями, к которым подвешены дорогие сабли, а также подвешены тканые ленты. Отсюда следует вывод, что они являются личными слугами владыки.

Махмудом Музаххибом в таком костюме нарисован также один всадник, фигурирующий на двух листах миниатюры «Султан Санджар и старуха» (илл. 1.3.3,а). Примечательно, что опять же среди множества всадников, представленных на этой картине, лишь один имеет такой наряд. В его левой приподнятой руке можно увидеть сосуд с вином. Данный факт показывает, что этот персонаж олицетворяет личного слугу султана Санджара.

Рассматриваемый вид наряда можно увидеть и на пахаре, изображенном художником Абдул Хайем (илл. 1.3.3,б), который был вывезен в 1393 г. из Багдада в Самарканд эмиром Тимуром. Однако в данном конкретном случае делать какие-либо выводы нет смысла, так как заправка плечевой одежды в шаровары для лиц, занятых физической работой, вполне

объяснимое действие. Очевидно, по окончании работы они вытаскивали полы халатов из-под поясной одежды.

Следует отметить, что в богатой коллекции изобразительных источников Средней Азии древнейшего периода, античности и эпохи раннего средневековья примеры заправки халата в шаровары не встречаются, во всяком случае, в дворцовых костюмах. Отсюда следует вывод, что эта традиция зародилась в эпоху развитого средневековья и в тот период была свойственна костюму личных слуг правителей.

Ограничивать хронологически границы распространения рассматриваемого наряда началом XVI века не приходится. Традиция заправки халата в шаровары существовала и в дальнейшем, она сохранилась даже в позднее средневековье (илл. 1.3.4, 1.3.7). Однако если в XIV–XVI веках материалом для верхних шаровар служили ткани (это видно на миниатюрах), то в конце XIX - начале XX века для этого служила кожа. Другая разница заключается в том, что в отличие от неотделанных шаровар эпохи развитого средневековья, кожаные штаны теперь оформлялись вышивкой.

Иллюстрации ряда других образцов среднеазиатских верхних мужских штанов конца XIX - начала XX века представлены в публикациях В. Прокопенко. Их шили кожаными, а также стегаными на вате. Все они отделаны опять же в технике полихромной вышивки. При рассмотрении видно, что они изготавливались с соблюдением традиционных способов покроя, но в подражание галифе, проникшего в регион благодаря русской культуре. Кожаные шаровары, согласно собранным материалам В. Прокопенко, применялись в быту таджиков и оседлых узбеков, а также были популярны у народов, занимавшихся скотоводством¹.

¹ Прокопенко В. Обзор предметов поясной одежды исламского мира (XVI-XVIII вв.) [Электронный ресурс].

В конце XIX века в costume военных заправка халата в кожаные шаровары было явлением распространенным. Об этом пишет, к примеру, купец Д.Н. Долгорукий, посетивший весной 1870 г. Кокандское ханство. В этом путешествии русского купца и его спутников (зятя и татарина-переводчика) сопровождали трое местных джигитов (наездники-кочевники, состоявшие при русских войсках проводниками, посыльными и разведчиками). Вот как указанный автор описал костюм джигитов: «Сопровождавшие нас джигиты надевали на дорогу широкие кожаные шаровары, в которые довольно искусно заправляли полы своих двух халатов, и кроме этого, сверх нараспашку, надевали третий. Это - всеобщий дорожный костюм в дальнюю дорогу»¹. Получается, что в шаровары они заправляли низ распашной рубахи и нижнего, опоясываемого, халата, а полы верхнего халата оставались незаправленными.

Пошив кожаных шаровар и отделка вышивкой осуществлялась в городах, точнее - в специальных мастерских, действовавших при городских базарах. Топограф М.А. Варыгин зафиксировал изготовление таких шаровар, называвшихся «узбекскими», в 1916 году на базаре в Кулябе. По его словам, шаровары были желтого цвета, из бараньей или козлиной кожи. Их декорировали шелковыми нитями разных цветов, вышивая причудливые узоры. Он отмечает посредственное качество этих и других кожаных товаров местной кустарной выделки, которые, впрочем, стоили немало. В частности, шаровары продавались по цене от 4 руб. 50 коп.²

А.А. Семенов, проезжавший через Куляб в 1898 г., в своих путевых заметках пишет, что сопровождавший их группу бухарский военный чиновник (махрам) был в дорогом шелковом халате и кожаных шароварах красного цвета с замысловатой вышивкой³. Верхнюю одежду нукеров (разъездных слуг миров - правителей областей Бухарского ханства) составлял

¹ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане // Русский вестник. - № 1. - Т. 91. - 1870.

² Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства. - С. 32.

³ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана. - Ч. 1. - С. 964.

«халат, запряганный в широкие, навыпуск, сафьянные штаны, затейливо вышитые шелками». А.А. Семенов сообщает об увиденном им на пути между Кабадианом и Патта-Хисаром интересном случае, когда махрам, неудовлетворенный приемом, вынудил местного аксакала (старейшину), раздетого в костюм нукера, снять кожаные шаровары, которые махрам здесь-же надел на себя¹.

В Бухарском эмирате в условиях признания им вассальной зависимости от России в одежде служивых место хлопчатобумажных и шелковых халатов заняли шерстяные кафтаны. Их полы предписывалось заправлять в поясную одежду. В.В. Крестовский, состоявший в посольстве дружбы Ташкентского генерал-губернатора в Бухару в 1882 г., в своих путевых заметках пишет, что штатное одеяние военных составляют кафтан длиной до бедер (полукафтан) различных цветов (белый, желтый, синий, зеленый), причем цвет зависел от рода войска. Кафтан был оснащен отложным воротником и «кармашками для пистонов» на уровне груди. Конструктивные швы оторачивались тесьмой белого цвета. Полы такой верхней одежды заправляли в верхние кожаные желтые шаровары, однако в парадных случаях их выпускали наружу. Штанины шаровар заправляли в сапоги русского образца с высокими голенищами. Бухарские офицеры вместо полукафтанов носили чекмени, а шальвары, отороченные мехом выдры и узорчато расшитые шелками, носили навыпуск. В кожаные «чембары», по его словам, заправляли в Шахрисабзе свой халат и ночные стражники - курбаши².

В целом, в мужской поясной одежде, носимой в комплекте с халатом в качестве верхней одежды, можно увидеть истоки появления брюк в составе костюмного комплекса жителей востока.

В средневековой Средней Азии кожаные шаровары носили только мужчины, и на равнинах, и в горных районах. А. П. Хорошхин в 1876 году

¹ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана. – Ч. 2. - С. 114.

² Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. - С. 179, 191-192.

писал, что в городах «шальвары или шим сарты шьют из сукна и других материй, а также из кожи, выдубленной особым способом и окрашенной красной или желтой краской». Этот предмет одежды отличался необыкновенной шириной, его расшивали шелками. Путешественник отмечает, что собственно в городе их не употребляли, кожаные шаровары надевали, отправляясь в дорогу. В этом случае полы халата запихивали внутрь шаровар, обертывая ими ноги¹. Данное его примечание важно тем, что показывает: полы халата не просто запихивались внутрь шаровар, там их обертывали на ноги.

П. И. Пашино, специально посвятивший этнографии сартов свое крупное сочинение, отмечает, что кожа, используемая в пошиве шаровар, представлял собой замшу, окрашенную в малиновый или желтый цвета. Другие цвета здесь не применялись. Малиновую краску получали из марены – руян, желтую называли зарчуба и готовили из корня ревеня. Шаровары шили из козлиной кожи – пусти-буз и бараньей – меш. Бараньи шаровары были неустойчивы к влаге, поэтому стоили в 10-15 раз дешевле козлиных (соответственно 1 р. 50 к. и от 15 до 25 р. за штуку). Шаровары местной выделки из козьей замши охотно закупали и носили русские солдаты².

Традиция ношения рядовыми жителями верхних шаровар, в которые заправляли низ халата, существовала и в горных районах Таджикистана, отличающегося суровой зимой. По словам изучившего этнографию населения Бартанга И. И. Зарубина, это были широкие теплые шаровары, называемые шаволяк. В них заправляли не только стеганный халат, но и даже шубу пустин. Ширина шаволяка в талии доходила до 200 см, а иногда и превышала это значение. И. И. Зарубин специально подчеркивает, что местные женщины

¹ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – С. 100.

² Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. - С. 145, 157.

хотя и носили в сильные холода шубу, но толстые шаволяки не надевали никогда¹.

А. А. Семенов заметил, что горцы надевают широкие толстые штаны из грубой шерсти лишь, когда их путь лежал через горные перевалы, а также во время охоты за горными козлами. В этом случае приходилось долгое время проводить в снегах. Широкие штаны позволяли запрятать в них нижнюю часть халата².

Заслуживает внимания вопрос о генезисе рассматриваемого способа одевания. Выбирая для анализа археологические артефакты, будем иметь дело со сценами, связанными с битвой или охотой. У всех персидских воинов IV века до н.э., изображенных на каменном оссуарии Абдуламина (греческого сатрапа в Сидоне), низ плаща свободно спускается поверх их поясной одежды.

На пластине со сценой «Бактрийцы на охоте» из Тахти Сангина низ костюмов охотников читается плохо, хотя ближе к тому, что полы плащей всадников в их нижней части также играют роль верхней одежды.

Сложно однозначно трактовать характер костюмов всадников, представленных на полихромных кошмах и древнейших в мире коврах из Пазырыка. Нельзя с уверенностью утверждать, что у них низ верхней плечевой одежды заправлен в поясную или наоборот.

Зато в керамических изображениях парфянских лучников I века до н.э. не подлежит сомнению, что плащи выполняют функцию верхней одежды и в их нижней части. Тот же характер костюмов можно видеть и у древних воинов-саков.

Для эпохи раннего средневековья ценным источником выступает восточная торевтика или предметы из так называемых коллекций

¹ Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 135, 137.

² Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 30.

«Согдийское серебро» и «Сасанидский металл». В представленных на них изображениях костюмов не встречается случай заправки халата в поясную одежду, хотя в переданных сценах мы видим самые разные сюжеты - битвы, охота, празднования и т.д. Типичный пример - блюдо со сценой царской охоты, где полы опоясанного халата охотящегося всадника развеваются над штанами (илл. 1.3.8)¹. То же самое прослеживается и в изображении согдийского всадника – охотника на льва и кабана, изображенного на серебряном блюде (илл. 1.3.9, слева). Другой пример – батальная сцена, в которой противостоят друг другу два пеших воина (илл. 1.3.9, справа)².

Не видим поясной одежды поверх пол халата и в одежде шахиншаха Ирана Шопура IV Сасанида. Такой же стиль одеяния можно увидеть и в костюмах кавалеристов, осаждающих крепость, которые представлены в декорации знаменитого Аниковского блюда. Подтвержденное среднеазиатское происхождение этого художественного изделия³ значительно повышает его значимость в качестве источника для изучения разрабатываемого вопроса.

Как видим, во всех рассмотренных примерах полы верхнего халата свисают над поясной одеждой.

То же мы видим и в росписи Афрасиаба. В частности, в сцене битвы витязей с хищниками, протекающей рядом с лодками, в одной из которых находится китайская (или корейская) принцесса. Или в костюме всадников на лошадях из свиты чаганианской принцессы, прибывшей ко двору самаркандского ихшида Вархумана.

Нет ни одного персонажа с халатом, полы которого заправлены в поясную одежду и на сцене с послами.

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюркитике. – С. 164, рис. 9.

² Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. - С. 136-138, рис. 7-8.

³ Там же. - С. 139.

Полы халата, образовавшие диагональные складки, в верхней одежде согдийского всадника, стреляющего из лука, в настенной росписи Варахши - верный признак того, что он не заправил нижнюю часть плаща в штаны.

Не наблюдается данная манера одевания и на согдийском всаднике в верхней одежде с поперечной полосатостью, изображенном на коже, которой обтянут деревянный щит VIII века из замка на горе Муг (илл. 1.3.10)¹. Впрочем, ее нет ни в одном сюжете в живописи Пенджикента.

Как видим, манера заправки пол халата в шаровары вошла в традицию, возможно, в эпоху развитого средневековья. Существовала ли она в IX-XIV веках, неизвестно. Наши знания о начале использования такого стиля в мужском костюме пока что основываются на изучении средневековой таджикско-персидской книжной миниатюры, сохранившейся с конца XIV века.

Таким образом, европейский стиль в мужском костюме, сочетающий брюки как элемент поясной одежды и рубаху в качестве плечевой, появился в Средней Азии под влиянием русской культуры. Однако обычай использования поясного одеяния в качестве предмета верхней одежды сложился еще до завоевания региона русскими. Изучение изобразительных источников разных периодов показывает, что в Средней Азии эта традиция зародилась в эпоху развитого средневековья. Данный обычай был продиктован, с одной стороны, сезонным назначением поясной одежды, с другой - характером деятельности жителей, т.е. был обусловлен активными физическими занятиями. Такой манеры одевания придерживались зачастую военные, дворцовые служащие, охотники, а также люди труда во время работы (строители, пахари и др.). Рассматриваемый стиль выходного костюма подразумевало заправку в шаровары пол верхнего халата. Этот наряд, иногда в сочетании с чалмой, придавал костюму заметную

¹ Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пенджикентской живописи. – Табл. 5.

несообразность. Несмотря на это, можно даже полагать, что временами он составлял соответствующую тенденцию моды в военном костюме, если учесть, что его придерживалась местная аристократия, включая первых лиц государства. В конце XIX – начале XX века в костюме местных военных прочное место заняли верхние кожаные шаровары с вышитым узором.

Заправка полов халата в зимние шаровары был распространен в костюме рядовых жителей и на равнинах и в горных районах. На равнинах этой манеры одевания придерживались за пределами города, при следовании верхом на дальние расстояния.

В целом, брюки как необходимый атрибут выходного мужского костюма, как военных, так и рядовых жителей Средней Азии, появились как следствие эволюции верхних шаровар.

Таким образом, напрашивается следующий *вывод по третьему параграфу* работы:

В традиционном мужском костюме таджиков, в отличие от женских нарядов, поясная одежда (штаны) выполняла исключительно защитную функцию. В связи с этим, ее в максимальной степени стремились скрыть под другими предметами одежды (подолом халата) и обувью (в голенища). В этих условиях, случаи заправки полов халата в поясную одежду до времени заимствования в Средней Азии военного костюма европейского (русского) образца следует считать эпизодами проявления не традиционности в костюме. Такие примеры встречались в непубличных местах, особенно во время охоты, выполнения строительных работ и т.п. Накануне распространения русско-европейского военного костюма стиль заправки полов халата в штаны встречался в костюме воинов-всадников (джигитов). С учетом этого, постепенно получили распространение верхние штаны – более толстые и жесткие, орнаментированные вышивкой. Их появление стало

предвестником распространения мужских брюк, у которых, как выясняется, в регионе существовали аналоги местного происхождения.

ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ И ВИДОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

2.1. Появление платья с прозрачным передом и его трансформация

Изучение предметов среднеазиатского исторического костюма показывает, что в XVIII – начале XIX вв. оригинальным видом одежды являлось, прозрачное в зоне груди, платье, причем так поступали умышленно. О ношении таких платьев в Бухарском ханстве записано только в одном письменном источнике - воспоминаниях побывавшего здесь в 70-х годах XVIII века русского унтер-офицера Филиппа Ефремова. Он отмечает, что бухарские женщины свою грудь прикрывают не плотной материей, а лишь тонкой кисеей. Через кисею были отчетливо заметны мешочки с разноцветной вышивкой, которыми были охвачены «титьки»¹.

И это в средневековье, в условиях затворничества среднеазиатской женщины, когда обществом она была принуждена скрыть себя в паранджу! В кокон, покрывало, сквозь которое мужчины не имели возможности видеть ни лицо, ни руки и даже детали ее одежды. Тем более в столичном городе, где соблюдение требований шариата охранялись наиболее ревностно. И как с этим соотносится ношение ею платья с прозрачным передом, через который просматривается привлекательная часть ее тела, за исключением собственно груди, прикрытой в нечто вроде бюстгальтера? С этой точки зрения сообщение Филиппа Ефремова представляется на первый взгляд недостоверным, плодом его воображения, фантазии.

Однако сведения указанного русского путешественника XVIII века подтвердились, когда почти через два столетия, в 1939-1940 годах, известный

¹ Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова... – С. 77.

этнограф А.К. Писарчик приступила к сбору музейных коллекций и сведений, имеющих отношение к рубахам и головным уборам, которыми пользовались таджички из Нураты, крупного населенного пункта к северо-востоку от Бухары. Правда, к этому времени платья с прозрачным передом уже не носили, о них сохранились лишь воспоминания. Так, информаторы в лице двух уроженок данных мест сообщили, что такие оригинальные платья куртаи мармар были в гардеробах их бабушек, годы рождения которых удалось выяснить – 1815 и 1836. Также употреблялась и другая форма названия платья - куртаи пешмармар.

Г. Юлдашева, очевидно на основе своих опросных сведений, называет конкретные нуратинские населенные пункты, где в прошлом бытовали такие платья. Это – собственно г. Нурата, а также такие селения оазиса, как Сойкечар, Кориз, Окчоп¹.

Естественно предположить, что ношение столь дерзкого наряда могло быть свойственно лишь молодухам, скорее всего, до 23-25-летнего возраста. Отсюда, рассматриваемое платье могло бытовать где-то до 60-х годов XIX века, т.е. до прихода в край русских.

Указанные информаторы сообщили, кроме того, о тканях, которые использовались для пошива этого предмета женской одежды. Его изготовляли, используя два сорта материи. Почти все места платья делали из кисеи с плотным расположением нитей - хоса или салла, а на переднюю часть (область груди) шла тонкая кисея биёр / ахобониги. Кроме того, осведомители согласились, что ношение такого платья обуславливало применение лифчика синапушак со шнурками (четыре штуки).

А.К. Писарчик выяснила также, что поверх таких платьев могли надеть кофту куртача опять же из прозрачной ткани ахобониги. По всей видимости,

¹ Юлдашева Г. К. Традиционная одежда и украшения женщин Нуратинской долины (конец XIX – начало XX вв.). – С. 13.

кофта носилась нараспашку, впереди не застегивалась на пуговицы или завязки.

Нужно заметить, что кисея хоса, которая в регионе в течение целого тысячелетия (IX-XX века) имела широкое и разноплановое применение, в том числе в головных платках и чалмах¹. Вместе с тем, памятники письменности о редкой кисее с указанными выше названиями ничего не сообщают.

Ценным является сообщение нуратинских информаторов о лицах, которые наряжались в платья вызывающего стиля: такие платья входили в гардероб женщин, мужья которых были заняты военной службой. Данная информация наталкивает на следующие выводы. Во-первых, выходит, что до замужества платья с прозрачным передом девушками не надевались. Далее, военными были не только рядовые солдаты – сарбазы. Военным чином в Бухарском ханстве обладала практически вся аристократия и придворная знать, в том числе министры и губернаторы – беки, а также сам эмир. По всему, Филипп Ефремов писал о наряде жен военной аристократии, а не женах простых людей или рядовых сарбазов.

И действительно, Филипп Ефремов в течение нескольких месяцев был приставлен охранять женскую половину в доме бухарского аталыка (особы, наиболее приближенной к эмиру) Данияр-бека и, значит, мог видеть такие платья в нарядах его шести жен и шести наложниц². Итак, заключает А.К. Писарчик, зафиксированная в конце XVIII века модель платья имеет отношение к женщинам из семей среднеазиатской аристократии, носящей военные чины³.

Следовательно, женские платья с прозрачным передом не являлись одеждой масс. Далее, они не служили в качестве одежды выходной, что

¹ Иброхимов М. Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. – С. 117-119, табл. 11.

² Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова... – С. 97.

³ Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы. - С. 114.

естественно. Это отмечено, кстати у того же Ф. Ефремова, по словам которого, поверх платья и короткого кафтанчика, во время выезда или выхода из дому они набрасывали на себя фаранджи¹.

Очевидно, такие платья носили знатные женщины у себя дома, где в таком наряде они могли показываться в глаза собственным мужьям и другим близким родственникам, имеющим доступ в женскую половину дома².

Напрашивается еще один вывод: представители среднеазиатской знати имели по несколько жен (до четырех) и, кроме того, могли содержать наложниц и вдобавок к ним иметь дополнительные интимные связи. Следовательно, рассматриваемый тип платья встречался лишь в гардеробе жен мужчин-многоженцев.

Здесь заметим, что со строением платья рассматриваемого образца в какой-то мере сочетаются платья хорезмийских женщин второй половины XIX века, которые также сшивались из тканей двух видов. Сведения об этих платьях зафиксированы в записках участников экспедиции по исследованию старых русел Амударьи под начальством А.И. Глуховского (1876-1896 гг.). В этом источнике сообщается, что платье рядовой сельчанки лишь в передней части было ситцевым, а задний и боковые части шились из матовой материи. С учетом этого, типичный уроженец села приобретает для пошив платья своей жене ситцевую ткань длиной лишь в 2-2,5 аршина³.

Но в Хорезме, как видим, употребление двух видов ткани для пошива платья производилось исходя из других обстоятельств – с целью экономии более дорогой фабричной материи, доставляемой купцами из России. Здесь можно привести параллель со строением традиционных для Средней Азии

¹ Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова... – С. 77.

² По Корану (гл. 24, ст. 31, гл. 33, ст. 55), женщине дозволяется показывать свои наряды лишь мужу, своему отцу и отцу мужа, своим сыновьям и братьям, сыновьям мужа от других жен, сыновьям своих братьев и сестер, а также таким слугам, которые не обладают половым побуждением. См. Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 51.

³ Сафонова М. В. Женский костюм узбеков Хорезма. – С. 92.

женских шаровар, которые здесь повсеместно шились с той же целью также из двух видов тканей.

Однако возвратимся к платьям с прозрачным передом. Размышляя над причинами чрезмерной откровенности рассматриваемого вида платья, А. К. Писарчик соглашается с мнением ученого из Азербайджана А. К. Алекперовым, который анализировал женские платья с большим вырезом, открывавшим грудь. По его словам, при затворничестве женщин их одежду нельзя назвать скромной, ее вид учитывает мужскую похотливость, в ней ощущается гаремный характер¹.

Выходит, что такой наряд применялся для возбуждения женами чувственности супруга. В использовании такого своеобразного наряда можно усмотреть желание женщин позаботиться о наружности как одной из своих нравственных обязанностей - выглядеть привлекательной, соблазнительной, заманчивой, что отвечает предписанию шариата².

Желание возбудить чувственность хозяина гарема, когда у того есть большой выбор жен и наложниц, вполне объяснимо. Чтобы понять это, обратимся к заметкам М. Алибекова, описавшего личную жизнь последнего правителя Кокандского ханства – Худаяр-хана. По его словам, после вечернего намаза хан ... отправляется в опочивальню, куда требует одну из жен или чури (наложниц)», которых у Худаяра было несколько десятков - 3-4 законных жен и 30-50 невольниц. Каждая из обитательниц ханского гарема прибегала к разным ухищрениям, чтобы хан выбрал именно ее. Один из способов – искать расположение Зияда-дадха – родственницы матери хана, которая была приставлена следить за гаремом, и имела влияние на взаимоотношения Худаяр-хана с его гаремными женщинами. М. Алибеков пишет, что Зияда-дадха хлопотала перед ханом за ту или иную чури, которые

¹ Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы. - С. 114.

² Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 104.

хотели быть им осчастливлены. Владыка в шутку интересовался у Зиядыдадха, какую награду в ответ она выторговала у чури¹.

Получается, что наблюдательница гарема удовлетворяла личные просьбы своих поднадзорных организовать свидание с хозяином не просто так, а за подарки. Значит, они должны были приложить особые усилия к этому, не исключая использование возможностей своего костюма: косметики, макияжа одежды и т.п. В противном случае, у них не было шансов быть обласканными своим единственным мужчиной, даже если он (в частности, Худаяр-хан) посещал свой гарем не только по ночам, но и днем, точнее во второй половине дня, до вечера².

Итак, откровенный, вызывающий женский наряд – порождение такого, весьма распространенного в средневековой Средней Азии (и не только) явления, как многоженство. Эти платья были призваны к жизни явлением, когда число женщин, вынужденных вместе довольствоваться лишь одним мужчиной, достигало нескольких десятков. Причем, пример в этой области подавали непосредственно первые лица расположенных здесь государств.

Картину, описанную выше применительно к Коканду, можно было наблюдать, естественно, и в Хивинском ханстве, Бухарском эмирате.

По сообщению А. Вамбери, в 1863 году гарем хана Бухары Музаффера составляли 4 жены и до 20 невольниц. Заведовала гаремом мать государя³. По П. Шубинскому, к концу периода его правления (1885 год), в обширном ханском гареме, помимо четырех жен, содержались еще 150-200 наложниц⁴. Одной из его жен была дочь упомянутого Худаяр-хана - правителя Кокандского ханства. Худаяр-хан согласился выдать ее за бухарского эмира в

¹ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаяр-хана. – С. 92-93.

² Долгорукий Д. Пять недель в Кокане // Русский вестник. – С. 266.

³ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. - с. 98.

⁴ Шубинский П. Очерки Бухары. - С. 120.

благодарность за помощь, оказанную Бухарой в возвращении его на престол Коканда¹.

По сообщению Н.П. Стремоухова, «молодость его (эмира Музаффара) прошла в чувственных наслаждениях, что продолжается без всякого перерыва по настоящее время (май 1874 г. -), среди 30 жен...». Видимо, указанный автор к женам бухарского принца, затем хана, причислил и его наложниц. В продолжение своих заметок Н. П. Стремоухов число жен и наложниц эмира Музаффара исчисляет уже тысячами².

Не случайно в кругу своих поданных эмир славился репутацией бабника – занбоз³. А. Дониш осуждал образ жизни этого эмира, при котором Бухарский эмират со значительным сокращением территории попал в вассальную зависимость от России и который много времени проводил в увеселениях в кругу своих жен, танцоров, музыкантов, актеров. Нередко он в сопровождении большой свиты выезжал на длительные прогулки в степь, куда требовал доставлять для удовлетворения своей прихоти проститутки⁴.

Разноречивые сведения предоставляют русские ученые и путешественники о пристрастиях к женщинам и других сторонах личной жизни преемника Музаффара во власти – Сеид Абдул-Ахада. Вначале, будучи беком Кермине, он не заводил невольниц, ограничивая себя гаремом из двух законных жен. Сенсационные слухи распространились в обществе о гаремных и других излишествах Сеида Абдул-Ахада после его восшествия на престол. Автор очерков о Бухаре П. Шубинский противоречит сам себе, вначале заявляя, что эти слухи - происки враждебных новому эмиру

¹ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – С. 47.

² Стремоухов Н.П. Поездка в Бухару (извлечения из дневника) // Русский вестник. – С. 677.

³ Прищепова В. Взгляд со стороны: урда, джалап, бача (по фотоколлекциям МАЭ РАН 1870-1920 гг.). – С. 108.

⁴ Дониш А. История мангитской династии. – С. 56.

элементов. Однако затем он пишет, что и этот эмир за семь месяцев нахождения у власти побеспокоился обзавестись обширным гаремом¹.

Московский промышленник и общественный деятель Н. А. Варенцов, имевший у эмира Абдул-Ахада аудиенцию при посещении им Москвы, пишет, что у эмира было более 700 жен, очевидно, включая наложниц. При этом Н. А. Варенцов отмечает, что эта информация была получена им от других².

Вместе с тем, В.В. Крестовский в 1882 г., основываясь на общественном мнении, писал, что наследный принц Сеид Абдул-Ахад не стремился к гаремной разнузданности и женился только на одной, хотя в силу сложившихся условий высокого положения был вынужден содержать несколько жен³.

Другими словами, содержать в своем гареме несколько женщин его принуждали близкие и местное духовенство, которые, очевидно, требовали соблюдать установившиеся во дворе традиции. Сеид Абдул-Ахад по восшествии на престол, действуя в духе правителя прогрессивных взглядов, обретенных в результате поездки в Петербург и Москву, совершил некоторые шаги, направленные на эмансипацию женщин. Так, можно указать на его запрет торговать женами. Еще более революционным выглядела его инициатива устраивать дворцовые праздники, участники которых в лице высших чиновников государства и офицеров обязывались явиться вместе со своими женами. Правда, сообщивший об этом П. Шубинский не уточняет, какую из четырех своих законных жен каждый из приглашенных должен был взять с собой. Наряду с тем, неудовольствие столь дерзким нарушением принятых традиций духовенства и дворцовой аристократии, а также распространившиеся в народе сенсационные слухи заставили эмира-

¹ Шубинский П. Очерки Бухары. - С. 131, 137.

² Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое.

³ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. - С. 191-192.

реформатора отказаться от попыток, направленных на установление гендерного равноправия¹.

С другой стороны, в этих и ряде других его действиях можно узреть попытку нового эмира показать себя прогрессивным правителем, руководителем нового времени в глазах русской власти, чьим вассальным поданным он являлся.

Не ограничивал себя в вопросе многоженства (и не только) и последний правитель Бухарского ханства эмир Сайид Алим-хан. Его многочисленный гарем находился в Бухаре, откуда по его усмотрению жены вызывались в Кермине, где находилась его резиденция².

В этом контексте среди представителей мангытской династии значительно выделяется положительными качествами образ эмира Шах-Мурада, пришедшего к власти в 1785 году на волне народного недовольства безвольностью своего отца Даниял-бия и правившего до 1800 года. По сообщению Г. Бурнашева, этот владыка Бухары (в тексте Шамрат-Бек) не стремился к малейшей пышности при своем дворе. У него были лишь две жены, причем на их содержание выделялись скудные деньги. Это обстоятельство вынуждало женщин заниматься разными ремеслами, причем к их занятиям в свободное от государственных забот время приобщался, подавая пример, и сам Шамрат-Бек³. И действительно, эмир Шах-Мурад, проведший ряд административных и финансовых реформ, а также не ставивший для себя личную прихоть во главу угла, оставил в народе добрую память. Как пример образцового эмира, строго следовавшего закону и порядкам, В. П. Наливкин указывает на личность лишь одного бухарского повелителя - Ша-Мурада, причем речь идет о многовековом существовании этого ханства. На его суточное довольствие полагалось, согласно шариату,

¹ Шубинский П. Очерки Бухары. - С. 128 .

² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – С. 651.

³ Бурнашев Г. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. – С. 56-57.

порядка 40 копеек в расчете на русские деньги, чем он и довольствовался. Нехватку средств на свое семейное содержание он покрывал за счет заработанного от личного труда. Примечательно, что наступило время, когда нужда вынудила Ша-Мурада продать шубу, которая у него была в единственном экземпляре. За шубу покупатель на базаре заплатил всего 35 копеек, так как она была слишком старой и вытертой¹.

Однако сменивший затем его во власти эмир Хайдар своими действиями создал условия для возникновения многочисленных распрей и массовых восстаний. Прибрав в руки абсолютную власть, он позаботился и о личных комфортных обстоятельствах. Согласно Е.К. Мейендорфу, посетившего Бухару в 1820-1821 годах, в своем гареме эмир Хайдар содержал до 200 женщин².

Немудрено, что в вопросе личной прихоти не отставали от правителей Средней Азии и монархи Афганистана. Там, по словам члена Лондонского королевского географического общества А. Гамильтона, Хабибулла-хан (таджик по материнской линии) помимо четырех жен содержал неограниченное число наложниц, и состав гарема эмира постоянно пополнялся рабынями восхитительной красоты. Они прислуживали законным женам эмира и, само собой, ему самому, хотя, их судьба, как правило, была печальной. Наложниц, которым эмир уделял особое внимание, жены устраивали интриги и таким образом их устраняли. Нередко дело оканчивалось убийством невольниц. Касаясь этой темы, А. Гамильтон указывает на поведение первой царицы, матери Аманулла-хана, которой были свойственны распущенные влечения, своенравие, тяга к власти, капризность и вздорность. Своими руками она отправила на тот свет трех своих невольниц, которые имели неосторожность зачать от эмира. Горе тем

¹ Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. – С. 29.

² Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 134.

девушкам, внешность которых завоюет сердце эмира. Мать правителя собственноручно их жестоко наказывает и даже уродует¹.

Естественно, при таком большом количестве женщин в услужении, хозяин гарема никак не мог уделить время для каждой из них. Тем более, если учесть, что средневековая среднеазиатская аристократия могла безнаказанно удовлетворять свои плотские прихоти за счет других женщин, применив силу и шантаж. Н.П. Стремоухов, описывая личные качества эмира Музаффара, отмечает, что он отнюдь не довольствуется, хотя держит при себе более тысячу жен и наложниц. Тех из них, которые становятся ему ненужными, он с легким сердцем продает или передает в виде особенного расположения своим близким. Например, супругами кушбеги и его сына – главного собирателя налогов, были женщины, которые прежде были женами эмира. Н.П. Стремоухов далее рассказывает, что лично ему в Бухаре предлагали приобрести сразу четырех эмирских жен, за каждую из которых следовало заплатить 150 рублей. Гарем эмира пополнялся систематически, как правило, насильственным способом или обманом. Лишь изредка за новую будущую обительницу гарема родителям выплачивали деньги. Помимо этого, эмир совершал частые поездки в разные области своих владений, где неделями предавался блаженствам. Естественно, в этих поездках гаремные женщины его не сопровождали. Там их заменяли, на принудительной основе, местные девушки и молодые женщины. Здесь опять обратимся к рассказу Н.П. Стремоухова о посещении в 1874 году бухарским эмиром Шахрисабза. По его словам, приспешники эмира Музаффара всеми способами стремились узнать, в каком доме здесь имеются красивые жены и дочери. Получив такие сведения, они тотчас насильно отрывали несчастную от семьи и доставляли ко двору².

¹ Гамильтон А. Афганистан. – С. 212-214.

² Стремоухов Н.П. Поездка в Бухару (извлечения из дневника) – С . 682.

О распутстве эмира Музаффера писал и «отец русской тюркологии» В.В. Радлов, в 1868 г. проведший более недели в Катта-Кургане, где располагалась летняя резиденция эмира. Здесь ежегодно летом Музаффар проводил месяц-другой. Местные жители с ужасом отзывались о его порочных поступках. Эмира постоянно окружала целая свита женщин и мальчиков, которая непрерывно пополнялась «свежим товаром». В.В. Радлов не осмеливается конкретизировать сведения о деятельности Музаффера в эти летние месяцы на личном поприще, перед которой меркнет любая форма распутства, свойственного русской цивилизации¹.

Но и это не все. Горный инженер, просидевший в 1866 году вместе с другими членами русского посольства семь месяцев в Бухаре пленником эмира, А.С. Татаринов сообщает об «ошеломляющей» просьбе к русскому посольству эмира Бухары Музаффера прислать ему из России механической женщины. Просьба была озвучена в 1866 году Каратаевым, который занимал пост советника эмира. В прошении эмира значилось, что удовлетворяя ее, посольство делало большое одолжение эмиру. Ведь гаремных женщин нельзя было брать в походы, тогда как это требование шариата не распространялось на женщину механическую². По П.И. Пашино, эмир слышал от своих приближенных, что подобных женщин русские генералы берут с собой в поход, а вышеупомянутая просьба последовала сразу после взятия Россией Ходжента³.

Сведения о распутстве и разврате, которые сопровождали личную жизнь последнего эмира Бухары Сайид Алим-хана, были общеизвестны. Да он и не предпринимал усилий скрыть это от взора населения ханства. Достаточно было тем взглянуть на состав свиты, сопровождавшей его в поездках по стране.

¹ Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. – С. 555.

² Татаринов А.С. Семимесячный плен в Бухарии. - С. 111-112.

³ Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. – С. 119.

Такое бесчеловечное, побуждаемое телесной похотью, отношение среднеазиатских правителей к своим поданным имело глубокие корни и было наследием дорусского периода Средней Азии. Прапорщик И.В. Виткевич, посетивший Бухару в 1836 г. и имевший аудиенцию у эмира Батур-хана (прозвище Насрулла-хана, правившего с 1826 по 1860 годы), в своей записке весьма непристойно отзывается об этом, тогда еще 28-летнем, правителе. Насрулла отличался самоуправством, изуверством, неслыханной жестокостью. Чтобы удовлетворить свою скотскую похоть, он приказывал уводить от отцов и матерей их мальчиков и девочек¹.

А. Вамбери в своих воспоминаниях также не обошел этой темы. По его словам, последние годы правления эмира Насруллы запомнились тем, что тот в своих безобразных поступках перешел все грани приличия. Самым наглым образом покушался на честь своих подчиненных. Почти не осталось семьи, которая смогла бы избежать творимого им бесчестия².

Об обыденности такого бесчеловечного явления в бывшем Коканском ханстве пишет доктор В.И. Кушелевский, специально исследовавший тему распространенных прежде аморальных отношений в Средней Азии. От отмечает, что в определенные исторические периоды в пределах ханства тайная проституция приобретала громадных размеров, причем ее поощряли сами ханы – главные в обществе развратники. Беспредельные безобразия имели место в последние годы управления Мадали-хана, который носил титул хана в 1822-1842 гг. Этот владыка был почти всегда пьяным, его окружали десятки мальчиков для утех и наложниц, с которыми он не расставался. В этих условиях ханством правил минг-баши. Нукеры (слуги) хана задерживали девушек в домах и на улицах и тащили ко двору.

¹ Записка И. В. Виткевича. – С. 112.

² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – С. 97.

Всевозможным развратом занимались и сами нукеры, как и другие придворные, и такое их поведение были ободряемы правителем¹.

Развратом и принуждением занимались не только первые лица. Их повадки заимствовали и главы местных администраций. Русский путешественник шведского происхождения В. Н. Гартевельд приводит услышанный им рассказ о бесчеловечном поступке правителя Кулябского бекства, который, встретив сопротивление в удовлетворении своей похоти, уничтожил целую семью из местечка Хирманджо. Родители 15-летней красавицы Мейхун отклонили требование посланника бека с предложением отправить на время к нему их дочь. Мейхун была тайно отослана родителями к дальним родственникам и запущен слух, что она утопилась. В отместку старики и два их сына были обвинены в убийстве Мейхун, присуждены к 500 ударам плетью каждый и штрафу в 3 тысячи тилля. Они были объявлены в кабалу, их дом конфисковали в пользу казны. Услышав о несчастье, постигшей семью, Мейхун добровольно явилась к беку и с неделю удовлетворяла его похоти. Несмотря на это, бек отказал в помиловании ее родных, и несчастной пришлось утопиться на самом деле².

Прямо противоположное мнение, связанное с взаимоотношением Худаяр-хана и девушек, которых доставляли к нему во время посещения этим правителем разных городов и селений Кокандского ханства, высказал М. Алибеков. Он пишет, что во всех селениях жители выходили встречать приветствовать хана. Одновременно женщины – красавицы девушки выглядывали с крыш и у ворот, стараясь попасться на глаза хану. Если хорошенькое личико девушки привлекало хана, то она непременно получала на ночь статус его кратковременной жены. Это являлось настоящим счастьем для родителей, которые очень ею гордились³. От себя можно добавить,

¹ Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. – Т. 2.

² Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана. – С. 85-87.

³ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаяр-хана. – С. 112.

очевидно, что она удостоивалась за доставленные носителю трона наслаждения солидного вознаграждения.

Возвращаясь к Мадали-хану, заметим, что он, по словам В. Наливкина, нещадно грабил народ и пролил массу неповинной крови. Кроме того, владыка-пьяница и распутник грубо нарушил постановление шариата, женись на своей мачехе¹. Совершая этот поступок, он не мог не знать, что в Коране (гл. 3, ст. 26) сказано: «Не вступайте в брак с теми женщинами, с которыми вступали в брак отцы ваши; потому что это - гнусное, срамное дело; это худой обычай»². Известно о содержании специального письма эмира Бухары Насруллаха на Мадали-хана, в котором правитель Коканда обвиняется в женитьбе не только на мачехе, но и двух сестрах³.

В Коканде Мадали-хан не был единственным правителем, грубо нарушившим предписания Корана в области связей с женщинами. По утверждению А.П. Хорошхина, еще не достигший 40-летия Худаяр-хан располагал восемью законными женами⁴, что также противоречило религиозному кодексу, ограничивающему многоженство четырьмя женами (Коран, гл. 4, ст. 3)⁵. Такое его поведение было вполне предсказуемо. Г. Вамбери пишет, что до восшествия на кокандский престол, «этот слабый, боязливый принц» получил воспитание под прямым контролем эмира Насруллы, соответственно, в условиях господства бухарских дворцовых пороков⁶.

Всего год находился во власти последний правитель Кокандского ханства Насриддин-хан. А.Л. Кун пишет, что тот буквально погряз в

¹ Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. – С. 32.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 48.

³ Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже // Вестник Европы. – М., 1876. – № 6. – С. 602.

⁴ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – С. 47.

⁵ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 47.

⁶ Вамбери Г. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. – Т. 2. - С. 170.

похотливостях гаремной жизни и ночных вакханалиях за питьем вина, что запрещено Кораном¹.

Как отмечалось, ставших ненужными жен и наложниц правители среднеазиатских ханств продавали или в виде особой милости даровали своим приближенным – высшим чиновникам и бекам. Так, одна из бывших жен бухарского эмира «по установившемуся у него обычаю» подарил Абдул-Керим-бек-бий-додха через пять лет после назначения того главой Кулябского бекства. Б. Литвинов в 1894 г. пишет, что такое действие по факту служит тяжелым долгом для одариваемого лица (обычно бека), несмотря на то, что в бухарском обществе это считалось за высокий почёт. Ведь гарем уже пожилого правителя бекства пополнялся за счет столь высокой особы, ему следовало считать себя необыкновенно польщенным, зажить далее счастливо и гордиться выказанной ему честью. И на это он находит ряд причин. В частности, эмир, как правило, дарил лишь тех своих жен, которые уже утратили молодость и красоту. Далее, бек, женившись на бывшей супруге эмира, был вынужден считаться с ее прежним статусом. В противном случае сведения о его неподобающем по отношению к ней поведении обязательно доходили до эмира, что грозило последствиями. В третьих, одариваемому следовало отблагодарить эмира да столь «щедрый» подарок, причем так, чтобы тот был удовлетворен и не сожалел о такой тяжелой для себя утрате. Траты на вознаграждение эмиру вынуждены были понести, как сам бек, так и жители возглавляемой им провинции эмирата.

Женившись на бывшей эмирской жене, Абдул-Керим-бек-бий-додха возгордился настолько, что стал хвастаться наличием у него родственной связи с самым эмиром. Однако эмир Абдул-Ахад посчитал для себя оскорблением, когда ему донесли, что кто-то осмелился назвать его своим родственником через «общую» жену. Узнав о такой наглости кулябского

¹ Кун А. Л. Очерк Коканского ханства. – С. 11.

бека, эмир распорядился, чтобы того привезли в Бухару и всенародно жестоко избили. Занимаемого поста эмир бека не лишил, однако до конца жизни Абдул-Керим-бек-бий-додха был вынужден лечить голову и спину разными лекарствами и снадобьями¹.

Можно вполне допустить случаи ношения гаремными женщинами, прежде всего наложницами, нескромных, хотя и не вульгарных, нарядов, ведь в их кругу господствовали отнюдь не монастырские порядки. Например, в гареме Худаяр-хана устраивались веселья, на которых «женщины-шутихи, дутарчи, певицы, танцовщицы изощрялись, как могли. Выходки шутих тоже (как у мужчин) были грубы и циничны... Они пели те же стихи, что и мужчины и так же, как они...». А что касается собственно мужского круга празднующих аристократов, у них «чем грубее были выходки и шутки клоунов, тем больше доставляли они удовольствие», - писал М. Алибеков². Другими словами, поведение женщин в своем обществе допускало выход за рамки приличия и нарушение норм благонравия, и это было явлением обыденным. Нахождение шутих в гареме могло продолжаться целыми месяцами – столько длились торжества по случаю обрезания сыновей знати и их свадьбы.

Отдельные обитатели гарема позволяли себе любовные приключения с другими мужчинами, хотя за малейшие провинности такого рода они подвергались жестокому наказанию. Худаяр-хан лично бил таких наложниц палками. Но даже страх не останавливал голодных на любовь чури, например, Седбельг (Садбарг - ?), о неудачной попытке бегства которой рассказал М. Алибеков. «За чуриями случались кое-какие грешки, особенно вор время охоты, но аймы вели себя очень осторожно», - добавляет он. Возлюбленный упомянутой Седбельг и арбакеш (водитель арбы), чьими

¹ Литвинов Б. Через Бухару на Памиры. – С. 1074-1076.

² Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаяр-хана. – С. 96-97.

услугами воспользовалась влюбленная пара во время побега, по воле хана были казнены¹.

Казнь мужчины и женщины в случае супружеской неверности или измены наложницы в отношении ее хозяина, практиковалась и в других среднеазиатских государствах. А. Вамбери, путешествовавший инкогнито здесь накануне установления русского господства, лично был свидетелем в Хиве повешения мужчины и побивания камнями или твердыми комьями земли до смерти неверной женщины, которую предварительно закопали в землю по грудь рядом с виселицей².

Лишение жизни мужчин и женщин за внебрачную интимную связь противоречило нормам шариата, на основе которой регулировались правовые отношения в среднеазиатских государствах. Уличенные в таком поведении лица должны были подвергнуться ста ударами плетью (Коран, гл.24, ст. 2): «Любодейку и любоддея подвергайте телесному наказанию, давая каждому из них по сто ударов...»³. Причем, при наказании женщин, им прикрывали голову и спину особым плащом, чтобы приводящий приговор в исполнение и другие присутствующие лица мужского пола не видели наготу женщины⁴. Однако эти заветы пророка повсеместно нарушались.

Ужасную смерть семнадцатилетней девушки, тайно любившую местного чиновника, своими глазами видел в 1813 году в Коканде переводчик Филипп Назаров. Она была убита толпой, беспощадно бросавшей в нее камнями⁵.

О казни за прелюбодеяние женщины и трех мужчин в 1870 году в Кокане сообщается в записках князя Д.Н. Долгорукова, приехавшего сюда для изучения местного шелководства. Наказание последовало после того, как

¹ Там же. – С. 110-111.

² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – С. 73.

³ Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 50.

⁴ Остроумов Н. П. Саргы. Этнографические материалы. – С. 41.

⁵ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. – С. 77-78.

местные блюстители порядка застали вдову в доме пожилого соседа, где она встречалась с клиентами. Казни подверглись застигнутые врасплох в обществе женщины двое мужчин и старый хозяин злополучного дома. Д.Н. Долгоруков лично видел обезображенный труп одного из казненных, лежавший в пыли на углу двух крытых базаров. По его словам, толпа народа, снующая поблизости, ни обращала никакого внимания на труп, что говорить об обыденности таких наказаний¹.

Такая же картина наблюдалась в Бухарском эмирате. «Прелюбодеяние преследуется строго. Виновных мужей обыкновенно вешают, а преступных жен расстреливают... За измену вешают, а за оскорбление чести зарывают по грудь в землю и забрасывают камнями», - писал об узаконенных в Шахрисабзском бекстве расправах этнограф М.Н. Галкин².

Н.П. Стремоухов также писал о том, что в Бухарском эмирате женщин за неверность закапывали в землю по пояс и побивали камнями³.

Впрочем, использовались и другие приёмы убийства женщин за неверность. А.П. Хорошхин в очерке о Самарканде в 1876 г. писал, что во времена, когда город с его округой был бекством в составе Бухарского эмирата, местных женщин, которым инкриминировали прелюбодеяние, расстреливали, причем это осуществлялось или в крепости – арк, или в их собственных домах⁴.

Практиковались и другие не менее ужасающие приемы умерщвления женщин, уличенных в любви или проституции. Н. П. Остроумов со ссылкой на своих информаторов пишет, что в Ташкенте до прихода русских женщин

¹ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. – С. 300-301.

² Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. – С. 203.

³ Стремоухов. Н. П. Поездка в Бухару (извлечения из дневника) // Русский вестник. – 1875. - № 6. – С. 660.

⁴ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – С. 213.

за такое поведение укутывали в саван, доставляли на вершину минарета и оттуда сбрасывали на каменную площадку¹.

А шведско-русский композитор, созерцательный и ехидный путешественник В. Н. Гартевельд сообщает, что в Бухаре женщин, уличенных в прелюбодеянии, сбрасывали вниз с высоты знаменитого минарета высотой в 87 аршин (62 м – М.К.) у мечети Кок-Гумбаз («Зеленый купол»). В этой мечети по пятницам совершал намаз эмир, когда находился в столице. Последняя такая казнь, писал он в 1913 году, была совершена еще не так давно². О существовавшей практике такого наказания неверных женщин говорит также русский историк и этнограф И. И. Гейер, однако временем свершения последней казни подобного рода он указывает начало 1870-х годов³.

Хорунжий Н. И. Потанин был свидетелем расправы в Ташкенте над замужней женщиной, которая завела любовника и была изоблачена в этом своим мужем. Он пишет, что несчастную жертву человеческих страстей сбросили вниз с самого верха мечети⁴.

За преступную (с точки зрения властей) связь по любви и даже попытку к этому ужасной смерти подвергали и мужчин. По велению Хивинского хана Мухаммад Рахим-хана, свидетельствует А. Вамбери, мужчина признавался любодеем и подвергался казни, если он только бросал взгляд на женщину, окутанную в паранджи⁵. Очевидно, основанием для введения данной инструкции послужило существовавшее в обществе изречение «прелюбодеяние глазами преступнее прелюбодеяния действиями»⁶.

¹ Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. – С. 80.

² Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). - С. 74.

³ Гейер И. И. Туркестан. – С. 205.

⁴ Потанин Н. И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале столетия. - С. 232.

⁵ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – С. 73.

⁶ Маев П. Азиатский Ташкент. - С. 303.

Собственно власти, прибегая к услугам мусульманского духовенства, в регулировании взаимоотношений мужчин и женщин прибегали к открытой предвзятости. Отсутствие логики легко прослеживается в толкованиях требований шариата, в том числе зафиксированных в книжных изданиях. Так, в сборнике Мухаммад Садика Кашгари «Кодекс приличий благочестивых» («Адаб-ул-солихин») говорится, что у незнакомого мужчины нет права приветствовать **красивую** (выделено мною – М.К.) женщину. И даже если прелестница проявит инициативу и первой поприветствует незнакомца, то мужчина обязан не отвечать на ее приветствие. Вместе с тем, разрешается приветствовать некрасивую женщину, а также отвечать на ее приветствие. Далее в этом источнике указано, что мужчина обязан отказать в рукопожатии любой женщине, склонной к измене, бессердечной, развращенной, бесстыдной¹. Другими словами, с некрасивыми женщинами приветствие руками дозволялось, а с красивыми нет. И почему красавицы помещены здесь в один ряд с лицами, не исполняющими предписания шариата?

Однако, несмотря на самые изуверские виды наказания за нарушение супружеской неверности в условиях многоженства, предупредить это явление оказывалось невозможным. Касаясь этой темы, Ф. Ефремов писал, что неженатые мужчины через знакомство с известными пожилыми женщинами навещают чужих жен и наложниц, нередко старших по возрасту. С этой целью они облачаются в женские наряды и выдают себя за подруг своих любовниц. Все это происходит в то время, как хозяин дома посещает другую свою жену или находится в гостях. Аналогично поступали и сами жены и наложницы, которые посещали своих любовников под предлогом свидания с подругами².

¹ Мухаммад Садик Кашгари. Адаб-ул-солихин. - С. 167-168, 170.

² Странствование Филиппа Ефремова... – С. 75-76.

Несмотря на ухищрение гаремных женщин, связанное с ношением откровенных одежд (если таковое действительно имело место), в средневековом обществе Средней Азии у них практически не было возможностей побудить мужскую чувственность. Участник русской миссии в Бухару от 1870 г. Л. Ф. Костенко писал, что на поведение мужчины здесь женская красота положительно не влияла ни раньше, ни теперь. Она никогда ни служила для него источником возбуждения чувства великодушия, не воодушевляла в нем доблесть или героизм. Извращение достигло того уровня, когда на мужчину больше влияет красота мужская, нежели женская. Здесь естественная любовь к женщине померкла перед ненормальной любовью к мальчику. Л. Ф. Костенко искренне поразился тому, что тема любви между мужчинами господствует и в романтической поэзии, причем ее воспевают не только в народных песнях, а даже в творчестве самых известных поэтов¹.

В средневековой Средней Азии у женщин было право пожаловаться на мужа судье за нежелание того исполнять супружеские обязанности. Однако при этом заявительница должна была перебороть свою стыдливость, поэтому был изобретен оригинальный способ, который позволял женщине изъясняться бессловесно. По словам Г. Бурнашева, такие женщины, являясь к казию, разувают правую ногу и кладут обувь перед ним подошвой вверх. Это – знак судье, что женщина обижена своим мужем, поэтому у казия не возникает необходимости задавать просительнице нескромные вопросы. Виновного призывают к ответу, где советом, а где и наказанием, чтобы вернуть к порядочной жизни².

Описанный Г. Бурнашевым в 1795 г. своеобразный прием изъяснения женщинами собственного неудовольствия пустил в обществе устойчивые корни. О его употреблении ташкентками в 1876 г., т.е. через 80 лет после

¹ Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С подробным маршрутом от Ташкента до Бухары. – С. 78.

² Бурнашев Г. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. – С. 91-92.

сообщения Г. Бурнашева, уже в условиях внедрения в Средней Азии русских порядков, пишет уже А. П. Хорошхин¹.

Правила обязывали мужа-скитальца хотя бы в пятницу провести ночь со своею женой. В противном случае супруга имела право жаловаться судье (казию). Военный востоковед и историк, лингвист и юрист М. А. Терентьев приводит связанный с этим рассказ о случае с сартской семьей, приключившемся в Кураминском уезде. Пятнадцатилетняя девушка, не видя ласки от молодого и красивого мужа, проводившего дни и ночи в своей лавке на базаре, завязала связь с двумя татарами, которые служили вольнонаемными писцами и снимали дом по соседству. Когда возвратившийся раньше обычного муж застал ее ночью у соседей, и началась разборка происшествия в уездной администрации (рассматривавшей семейные дела), она оправдывалась тем, что муж не ласкал ее уже несколько пятниц (пятница – в то время конец недели)².

Причины обращения замужних женщин к казию с жалобой на мужа, вплоть до прошения развода могли быть разные. Например, если муж не покупал ей новую одежду или обувь к праздникам Рамазан или Курбан (жертвоприношения)³.

Существовало и другое толкование статьи из шариата, согласно которому муж-многоженец должен был провести с каждой из них не менее одной ночи за 4 сутки⁴.

П.И. Пашино же замечает, что в Туркестанском крае закон обязывал мужа-многоженца уделять каждой жене одну неделю. В течение этой недели данная конкретная жена обязана оказать услуги мужу, подать ему умыться и « в течение которой дежурная супруга прислуживает мужу, подает ему умываться и провожать при выезде из дома. Другие же супруги на

¹ Хорошхин А. . Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – С. 124.

² Терентьев М. Туркестан и туркестанцы. – Ч. 3. - С. 154-155.

³ Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 101.

⁴ Там же. – С. 220-221.

протяжении этой недели не обращают на мужа никакого внимания и просто занимаются выполнением работ по хозяйству. Вместе сем, старшая жена, она же главная, имела право освободить мужа от недели, отводимой согласно установленному графику, для нее¹.

«Что касается до распределения между женами одного мужа супружеских ласк, то следует стараться угодить мужу. И если вместо того, чтобы посетить ту жену, которая по очереди имеет право на свидание, муж захотел бы посетить другую жену, то первая не должна настаивать на соблюдении очереди и сердиться на мужа», - читаем в «Кодексе приличий благочестивых»².

В Бухаре (во времена эмира Алим-хана) главный казначей составлял список *доманрас* – имена гаремных обитателей, с которыми эмир имел близость и девушек, которым предстояла скорая встреча с хозяином. При этом, - пишут М.С. Андреев и О.Д. Чехович, - в целях безопасности эмир никогда не оставался в гареме до утра³.

Но привилегии рядовых женщин привлечь мужей к ответственности за неисполнение супружеских обязанностей, естественно были лишены обительницы гаремов влиятельных мужчин, жаловаться на которых в суд было заведомо бесперспективным.

Как отмечалось, возникновение традиции ношения содержанками гарема откровенных нарядов А.К. Алекперов и А.К. Писарчик связывают с их личной инициативой. Однако мы не исключаем версии того, что это могло быть следствием прихотей хозяина гарема. Вполне допустимо, что тот мог повелеть надсмотрщице гарема (как правило, своей матери или другой близкой родственнице), чтобы наложницы предстали его взорам во фривольных нарядах. Благо, кроме него никто чужой из мужского общества

¹ Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. – С. 172.

² Мухаммад Саддик Кашгари. Адаб-ул-солихин. – С. 197.

³ Андреев М. С. Арк Бухары. – С. 72, 82.

ни лицо, ни домашнюю одежду гаремных женщин не имел возможности видеть.

Сделать себя привлекательной в глазах мужа за счет красивой фигуры и ее подчеркивания ношением приталенной одежды на манер европейской для местных дам было занятием малоперспективным. Прежде всего, этому не способствовал малоподвижный образ жизни, не предусматривающий, естественно, никакой физкультуры. Как писали супруги В. и М. Наливкины, в Средней Азии редко у какой местной женщины было правильное телосложение. В большинстве случаев они непропорционально длинный торс, который, правда, был скрыт из виду верхним платьем или халатом соответствующего покроя. Они отметили их весьма плоский, одинаковый спереди и сзади, торс, который могло компенсировать наличие пышных, хорошо сформировавшихся грудей. Впрочем, у местных женщин, по словам этих же авторов, груди достаточно развиты. Указанные изъяны в комплекции тела были причиной того, что из местных женщин мало кто, надев платье европейского покроя, редкая туземная женщина, приобретал сколько-нибудь приглядный вид¹.

Сами ли содержанки ханского гарема в Бухаре шили для себя откровенные платья рассматриваемого вида, заказывали мастерицам или покупали на рынке в готовом виде? Логика подсказывает, что в государстве, основанном на принципах шариата, откровенные платья в открытой продаже вряд ли были представлены. Кроме того, спрос на них был весьма незначителен. Кроме эмира (хана) и нескольких других самых влиятельных лиц государства вряд ли кто другой мог устроить в своем гареме такие порядки с ношением одежды. По всему выходит, что эти платья сшивались непосредственно в гареме. Имеется немало сведений о том, что в женской половине первых представителей власти их обитатели сами занимались

¹ Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 89, 93.

рукоделиями. Это позволяло, с одной стороны скоротать время, с другой – рукоделия служили женщинам источником дополнительного заработка.

Так, при Музаффар-хане (1860-1885 гг.), по словам А. Вамбери, на содержание гарема первого лица Бухары выделялась ничтожная сумма. Его жены не только делали сами себе платья, но и зачастую шили одежду и для мужа, который строго контролировал разного рода расходы, а его скупость в финансовых делах была общеизвестной¹.

П. Веселовский приводит свидетельства бывших русских пленников хана Хивы Мухаммед-Рахима об условиях проживания обитательниц его гарема. Условия эти были далеки от роскоши и пышности. Достаточно, сказать, что женам и детям хана чаю не давали никогда. «Они перебиваются кое-как, да сами вяжут шелковые платки и посылают их на базар», - сообщили о жизни ханш указанные информаторы. Причем шелк приобретался ими в обмен на остатки от плова, который недоев, ханши посылали на базар. Столь небогатый быть ханский жен, пишет П. Веселовский, был связан со скупостью Мухаммед-Рахима (правил в 1810-1825 годах), который копил деньги и, потому, оставил после себя богатую казну².

Итак, все говорить в пользу того, что местом изготовления платьев с прозрачным передом была непосредственно женская половина аристократического двора.

Теперь о географии распространения платья такого типа. Как отмечалось, имеются сведения о его бытовании в Бухаре и Нурате. Причем, не только в указанных крупных городах, но и в селениях. Следовательно, можно говорить о том, что его носили женщины (естественно не все) в пределах указанных оазисов и, по крайней мере, в населенных пунктах,

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – С. 98.

² Веселовский П. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. – С. 327-328.

расположенных между ними. Это – оазис с центром в г. Навои (бывшее Кермининское бекство). О возможности бытования платья с прозрачным передом в Самарканде, Джизаке или, например, Карши - оазисах, лежащих на значительном отдалении от проведенной нами условной линии, можно говорить лишь гипотетически.

Напрашивается еще один вопрос: почему ткани с кисейным передом, открывающим грудь, называли мраморным (куртаи мармар)? Это название можно увязать с внешностью отбеленной кисеи, близкой к цвету указанной горной породы после ее полировки. Однако убедительным считать эту причину не приходится. Можно рассмотреть и другие версии. Так, изначально платье могло носить название «куртаи барбарахна» (платье с обнаженной грудью). Со временем это длинное название было сокращено на куртаи барбар – выражение, не носившее определенного смысла. Дальнейшая трансформация названия породила «куртаи мармар», путем замены обеих букв «б» на «м».

По другой нашей версии, исходное название этого изделия – куртаи барбанд («платье с бюстгальтером»). Форма трансформации этого выражения, опять же, очевидна.

Но, как уже было сказано, это всего лишь наши предположения.

Итак, сформулируем следующий *вывод по первому параграфу второй главы* работы: С воцарением в Центральной Азии канонов ислама наступил период затворничества женщины и, соответственно, эстетические требования к составу, форме, размерам, покрою, расцветку и материалу одежды таджички были сформулированы таким образом, чтобы одежда выполняла свои защитные функции в максимальной степени. Одежда должна была гарантировать защиту, как в отношении семантики и символики отдельных деталей, так и физически, т.е. посредством полного сокрытия фигуры женщины от чужого взора. Данные требования стали особенно жесткими в

XVIII веке, с принудительным распространением в долинных районах комплекта верхней одежды, состоявшего из головной накидки фаранджи и лицевой занавески чашмбанд. Наличие указанных деталей в костюме таджички из равнинных районов вплоть до XX века стало одним из элементов традиционности в ее выходном наряде. Приемлемый обществом повседневный домашний костюм таджички, как в долинах, так и в горных районах, допускал открытость лишь ее лица и кистей рук. В этих условиях зафиксированное в источнике бытование платья с прозрачным передом в равнинных районах, а также факт того, что оно бытовало именно в XVIII – первой половине XIX веках, т.е. времени наибольшего ужесточения условий жизни среднеазиатской женщины, можно расценивать как явление очевидного нарушения традиционности в культуре женской одежды.

2.2. Внедрение распашной нательной одежды в женский костюм

Традиционный комплекс женской плечевой одежды в Средней Азии повсеместно включал, как известно, два или более платьев, надеваемых одно на другое и шаровары. Ими, как правило, и ограничивался состав одежного комплекса горных женщин. В равнинных областях поверх платьев зачастую надевали распашной халат - яктах, мунисак, румча или др.¹ В дореволюционный период жизнь женщины из равнинных районов проходила в условиях затворничества и за пределами своего двора все детали своего наряда, включая перечисленные предметы одежды, она скрывала под головной накидкой фаранджи с волосяной сеткой чашмбанд.

Этнографические сведения указывают на распространение в регионе, как в дореволюционное время, так и в последующий период исключительно

¹ Широкова З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. – С. 13-14.

женских нераспашных платьев-рубаш. Распашные рубахи встречались только в мужском гардеробе. У таджиков они бытовали по большей мере в горах и предгорьях. Их применяли жители Памира, верховьев Зеравшана, Ферганской долины, Ташкентского оазиса и других районов Средней Азии. По сообщению А. А. Семенова, у горных таджиков глухую рубаху с горизонтальным разрезом ворота – куртаи китфаки / куртаи муллоча носили только муллы и привилегированные лица. Почти же весь простой народ надевало на тело легкий хлопчатобумажный халат яктах («однослойный»)¹. Распашные мужские рубахи были популярны и у кочевников².

Супруги Наливкины в своей крупной монографической работе по этнографии оседлого населения Ферганской долины отметили, что рубаха типа халата служит одеждой для неграмотных мужчин. По их словам, рубаху без переднего разреза и с горизонтальным воротом называли куртаи муллоча из-за того, что правом ношения рубах этого покроя пользуются грамотные мужчины, каковыми являются муллы³. В Ташкенте и Фергане глухие рубахи носили и студенты медресе⁴.

Нательные халаты на уровне груди оснащали тесемками для завязывания. От этого места вверх оставалось открытым в форме треугольника острием вниз⁵.

Р. Я. Рассудова отмечает, что в районе Искандеркуля, Матче и других местах верховьев Зеравшана почти все мужчины, за исключением почтенных стариков, ходили в распашной рубахе. В 1920-х годах здесь стали носить также рубаху типологически близкую к халату, т. е. с глубоким вертикальным вырезом горловины, оставляющим грудь открытой. Распространение здесь рубахи такого вида связывают с влиянием культуры

¹ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 28.

² Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. – С. 170.

³ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 94.

⁴ Шишов А. Саргы. Этнографическое и антропологическое исследование. - Ч. I (Этнография). – С. 134.

⁵ Там же. – С. 134.

одежды Ферганской долины и Каратегина, где ею стали пользоваться несколько раньше¹.

Вместе с тем, А. Шишов пишет, что ягнобцы носили по преимуществу глухую рубаху курта с горизонтальным разрезом ворота. Конструктивно она ничем не отличалась от образцов, распространенных в регионе повсеместно: широкая, длиной ниже колен, с длинными прямыми рукавами. Но вот летом вместо этой рубахи местные мужчины носили яктах. «Это нечто вроде халата, сшитого из карбоса, без подкладки», - отмечает он². Следовательно, в Ягнобе мужской нательная рубаха летом была распашной, зимой – глухой.

Бытование в Ягнобе и нательных халатов, и глухих рубах, подтверждают две групповые фотографии В. И. Липского от 1896 года (илл. 2.2.5). На одной из них, где представлены жители ягнобского селения Навобод, отчетливо видно, что, по крайней мере, трое подростков, сидящих в первом ряду, под верхним халатом, носят рубаху с широкой прямой горловиной. Несколько других персонажей фотоснимка под верхним халатом имеют распашную нательную одежду. На другой же фотографии запечатлено мужское население селения Пискан. Здесь все представленные мужчины, в том числе подростки, имеют только один предмет одежды – нательный халат. Как поясняет В. И. Липский, все они были в халатах до колен или ниже из грубого домашнего сукна. О существовании рубахи как предмета одежды в Пискане и вовсе не знали. Говоря об этом, он указывал на нищету жителей этого селения, убожестве их костюма, который состоял из одного только халата. Редко кто из местных жителей имел штаны. Точно так одевались и турки-скотоводы в среднем течении Ханака-дарьи. Уровень благосостояния жителей Навобода, пишет ботаник, был гораздо выше, что и отразилось в их одежде. Каждый навободец ходил в двух предметах наплечной одежды. Однако в своей обобщающей оценке нарядов ягнобцев В. И. Липский

¹ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 22.

² Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 125.

говорит, что здесь о костюме, декорирующем тип, не может быть и речи. По его словам, жители Ягноба прикрываются жалким подобием костюма, которое уничтожает следы того этнического типа, который они представляют¹.

Согласно материалам Е. М. Пещеревой по этнографии таджикского населения долины Ферганы, здесь того, как появились русские (в 1876 г.) мужские рубахи не встречались, их функцию выполняли длинные нательные халаты с прямыми спереди полами². Другими словами, эти халаты не содержали пришивных передних клиньев. Частичный переход на нераспашную нательную рубаху здесь происходит только в конце XIX в., причем на ней стали делать длинный вертикальный разрез ворота, что типологически приближало эту рубаху к распашной одежде. Нательные халаты были распространены также в быту киргизов и казахов, а также уйгуров на востоке Центральной Азии³.

Нужно заметить, что в Ферганской долине обычай ношения мужчинами нательных халатов превратилась в устойчивую традицию. Согласно этнографическим материалам, даже в 1950-х годах у местных таджиков глухую рубаху носили только старики⁴.

Согласно Р. Я. Рассудовой, изучившей музейные коллекции одежды и фотоснимки конца XIX – начала XX века, принципиальных отличий в покрое мужских нательных и верхних халатов, как и глухих рубах с горизонтальным разрезом ворота – куртаи китфаки или куртаи муллоча не было. Нательный халат яктах («однослойный») носили навывпуск и в обязательном порядке опоясывали платком. Такая одежда бытовала даже в конце 1970-х годов. Но если до революции длина нательного халата доходила до икр, то теперь халат

¹ Липский В. И. Горная Бухара. – Ч. 1. – С. 155-156, 159, 188, фото на стр. 113, 157.

² Ершов Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. – С. 136.

³ Сухарева О.А. Опыт анализа побоев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. – С. 87.

⁴ Ершов Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. – С. 22, 136.

значительно укоротился, едва прикрывая бедра. Исследователь отмечает, что если ношение куртаи китфаки служило одним из отличительных признаков зеравшанцев (жителей Бухары и Самарканда), то таковым для мужского населения Ферганской долины был нательный халат. «Белая распашная рубаха и черный (а также зелено- и сине-сероватый) узкий халат могут считаться своеобразным эталоном одежды ферганца, теперь (в 1970-е годы – М. К.) распространяющимся и в других районах (Средней Азии – М. К.)», - пишет Р. Я. Рассудова. Здесь их надевали почти все мужчины вне зависимости от возраста, включая детей, за исключением духовенства. Такая же картина была характерна и для Ташкентского оазиса, исключая местных стариков, которые носили куртаи китфаки. Однако в долине Зеравшана (Бухаре и Самарканде) распашная нательная одежда вообще не бытовала. Здесь под термином «яктах» понимали исключительно верхний халат без подкладки¹. В верховьях Зеравшана бытовало также другое название нательных халатов - куртаи джелак².

Мужская рубаха горца, глухая и распашная, была почти повсеместно широкой и длинной. У некоторых молодых и средних лет мужчин она закрывала голени, а у пожилых были еще длиннее. Однако в Матче, согласно фотоматериалам 1920-х годов, носили сравнительно короткие рубахи. Они едва покрывали торс. Здесь самые длинные рубахи доходили до колен³.

Распашная нательная одежда для мужчин широко применялась, например, в Дарвазе⁴. Здесь на легких нательных халатах мужчин в области груди делали особую вставку (манишку) судра, имитирующую выглядывающую из-под халата рубаху с горизонтальным воротом. Один конец вставки пришивали к краю правой полы халата, другой прикрепляли к

¹ Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. – С. 156, 158, 174.

² Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. – С. 22.

³ Там же. – С. 23.

⁴ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – С. 244.

левой поле с помощью петли и пуговицы¹. Значит, и портные и владельцы таких халатов прекрасно осознавали, что плечевой одежный комплекс, в сущности, должен быть двухкомпонентным – состоять из нательной нераспашной рубахи и верхнего халата. Именно таким образом, т.е. согласно воцарившейся традиции, одевались люди с достатком. Менее состоятельные жители были вынуждены довольствоваться халатом с манишкой судра на груди. О. А. Сухарева пишет, что так поступали мужчины, представлявшие малосостоятельные слои населения, во многих районах Средней Азии².

В Дарвазе, по аналогии с долиной Ферганы, даже в середине XX века почти все мужчины, исключая стариков, ходили в нательных халатах³.

А. А. Бобринский пишет, что в верховьях Пянджа бедняки глухих рубах вовсе не имели⁴. На Памире носили шерстяной нательный халат гилем естественного цвета шерсти. Известный этнограф И. И. Зарубин в 1917 году был свидетелем того, что в долине Бартанга большинство рядовых жителей носило гилем в качестве нательной одежды. Более состоятельные местные жители, по его словам, носили под гилемом хлопчатобумажную или шерстяную рубашку курта с треугольным вырезом ворота. Для местной культуры одежды мужская рубашка является предмет роскоши, - заключил И. И. Зарубин⁵. На эту особенность одежды горцев (шугнанских, рушанских, ваханских и др.) обращал внимание и А. Черкасов, писавший, что в Припамирских бекствах рубашка встречается нечасто⁶.

Однако здесь наше, пока еще стройное, повествование прерывает заметка купца Д. Долгорукого от 1871 года о мужских рубахах малосостоятельных жителей Кокандского ханства. По его словам, мужская

¹ Широкова З. А. Одежда. – С. 125.

² Сухарева О.А. Опыт анализа побоев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. – С. 88.

³ Широкова З. А. Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. – С. 36.

⁴ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 52.

⁵ Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. - С. 134, 136.

⁶ Черкасов А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. – С. 112.

рубаша по форме напоминает женскую рубашу русского образца и оставляет плечи открытыми. Скорее всего, здесь он ведет речь о рубаше типа куртаи китфаки, разрез горизонтального ворота которого имел продолжение над одним плечом. Далее он дает описание мужских рубах, присущих местному зажиточному населению. Они были из ситца, цветные (узорчатые - ?), имели большой воротник и излишне длинные рукава¹. Очевидно, в этом случае русский дореволюционный купец дает описание распашной рубаше с отложным воротником. Однако это противоречит заключениям этнографов, согласно которому, в Средней Азии в районах его частичного распространения мужской нательный халат служил одеянием для бедноты.

В Средней Азии мужские распашные рубахи современного покроя фабричного производства распространились с конца 1950-х – начала 1960-х годов. Они получили название куртаи покет, очевидно, с учетом формы упаковки. Первое время такие рубахи, но обязательно белого цвета, покупала сторона невесты в подарок жениху. В дальнейшем они распространились повсеместно. Однако чаще такую одежду носили молодежь и люди среднего возраста – представители интеллигенции (учителя, врачи и т.д.). Особо популярность она сразу же приобрела в Ферганской долине, где ее стали носить и пожилые мужчины и даже у себя дома. Это явление связывают с тем, что Фергана в пределах Средней Азии была основным регионом бытования мужской распашной рубаше².

Любопытны и не лишены основания рассуждения Р. Я. Рассудовой по терминологии, связанной с нательными короткими рубашами со сплошным разрезом впереди. В долине Ферганы и верховьях Зеравшана таджикский термин «яктах» («в один слой») обозначает именно такую одежду и, следовательно, это и есть его изначального значение. Кочевники почти по всей Средней Азии, заимствовав данный термин, использовали его для

¹ Долгорукый Д. Пять недель в Кокане. – С. 255.

² Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. – С. 159.

обозначения верхнего халата, длинного, без подкладки. Для этого они употребляли, как исконный термин «яктах» таджикского происхождения, так и его «джекающий» вариант – «джелак». Вслед за ними таджикское население также стало использовать теперь уже два термина (яктах и джелак) как название длинного верхнего халата. «Этот же термин, заимствованный тюркоязычным населением для обозначения другого вида одежды (верхнего халата), возвращается в свою первоначальную таджикскую среду и в измененном виде сосуществует с первым как новый и, по-видимому, вытеснивший какой-то прежний термин», - пишет она¹.

Неопределенный вытесненный термин, на который ссылается Р. Я. Рассудова, выявлен в исследовании Д. К. Раджабовой, изучившей трансформацию исторической верхней одежды таджиков. Она указывает на два предмета верхней одежды - кабо и фараджи, которые применялись в Средней Азии в течение нескольких веков. Впоследствии они вошли в состав таджикской традиционной одежды, трансформировавшись в халаты яктах (джелак), которые в дореволюционный период и первые десятилетия советской эпохи пользовались большой популярностью, особенно среди пожилых людей. В средневековый период фараджи и кабо были одежными принадлежностями разного вида. Главная разница заключалась в использовании пояса при их ношении. Постепенно такая дифференциация в указанных халатах стерлась, в результате чего они оказались в составе традиционного костюма таджиков с присвоением одного и того же названия - яктах или джелак. Причину этого явления Д. К. Раджабова видит в исчезновении существовавшего прежде обычая надевать, один поверх другого, два и более халата, когда следовало присвоить каждому из них самостоятельное название. В традиционной одежде оба эти легкие халаты применялись исключительно как верхняя одежда и теперь их стали

¹ Там же. – С. 159.

обозначать одними тем же названием, причем наличие или отсутствие пояса на название халата уже не влияло¹.

Для исподней рубахи бездетных и незамужних женщин было характерно наличие длинных рукавов и горизонтальной горловины. Выбор такого кроя указанных деталей обуславливался не только их функциональным назначением. Эти детали нательной рубахи предоставлялись взору через широкую горловину и укороченные рукава верхней рубахи и, таким образом, нижняя рубаха также участвовало в общем декоре женского костюма. Кроме того, данный фактор обусловило появление в нижнем платье стоячего воротника, в частности с оборками, и пришитых нарукавников с вышитым орнаментом.

Стремление придать декоративность каждому элементу – одно из особенностей, которые были присущи именно таджикскому женскому костюму. Другие народы, проживающие бок о бок с таджикским населением, этой традиции не придерживались. В Бухаре, например, местные еврейки, в отличие от таджичек, детали своего нижнего платья никогда напоказ не выставляли. Для них в этом предмете одежды первостепенное значение имело его практичность. Таджички же в каждом элементе одежды использовали и практичность и декоративность. По-разному таджички и еврейки воспринимали и функции поясной одежды. Таджички оформляли нижний край штанин шаровар эзор традиционного покроя пестро вышитой тесьмой шероз, которую специально демонстрировали из-под платья. У еврейских девушек и женщин, напротив, штанины всегда были заправлены в чулки, ичиги или сапоги, т.е. были скрыты от постороннего взгляда².

Кроме того, число одновременно надетых предметов одежды для таджиков служило показателем состоятельности личности. Этот фактор

¹ Раджабова Д. К. Историческая эволюция народного костюма таджиков (трансформация верхней одежды). – С. 83, 100-101.

² Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 296-297.

учитывался и в женских, и в мужских нарядах. У мужчин эта тенденция проявлялась через несколько надетых друг на друга халатов. Ношение халата или шубы поверх трех или четырех других халатов составлял обыкновенный наряд жителей столичной Бухары, писал А. Борнс¹. «Желая похвастаться своим богатством, сарт надевает несколько халатов, причем нижний халат надевает в рукава, а верхние – нараспашку», - писал в 1895 году русский этнограф К. Ельницкий.² Надевание халата нараспашку означает без использования пояса. Очевидно, здесь идет речь о его ношении по типу плечевой накидки, т.е. без использования рукавов.

Хотя ношение нескольких халатов вместе имело и практическое значение. Американский исследователь и путешественник Е. Скайлер пишет, что он видел своими глазами таких жителей Средней Азии, которые носили три-четыре и даже по пяти халатов, один поверх другого. Причем среди халатов были и образцы, стеганные на вате. Владельцы этих нарядов уверяли его, что в летние дни такая мантия защищала тело от солнечного жара³.

Женщины придерживались манеры надевания нескольких платьев одно на другое. Например, в Бухаре число надеваемых таджичками одно на другое платьев составляло, как правило, три. Замужние женщины носили и большее число платьев одновременно, что принято объяснять их стремлением показать свой достаток и богатство. В праздничном костюме замужних женщин и в наряде невесты количество платьев могло достигать до семи штук⁴. Для сравнения, местные еврейские женщины ограничивались ношением лишь двух платьев⁵.

Итак, в случае надевания сразу нескольких платьев у рубахи, надеваемой последним, вырез горловины был наиболее глубоким. Чем

¹ Борнс А. Путешествие в Бухару. – С. 392.

² Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. – С. 112.

³ Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. - № 7. – С. 122.

⁴ Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков. – С. 7.

⁵ Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. – С. 296.

больше надевалось платьев, тем большим следовало выполнить на верхнем платье длину разреза горловины. И при всем том, все эти платья были закрытыми, без сплошного центрального разреза спереди.

Однако на отдельных таджикско-персидских миниатюрах XVI-XVII веков встречаются изображения женских распашных платьев (илл. 2.2.1-2.2.2). Их появление, возможно, было связано с развитием платьев закрытого типа, а именно с постепенным увеличением глубины разреза ворота на них.

Как уже отмечалось, в конце XIX – начале XX века оседлые жители Центральной Азии распашные женские платья, похоже, не надевали. Во всяком случае, их изображения не встречаются в многочисленных иллюстративных источниках, отражающих этнографию населения этого региона. Следовательно, к этому времени, а возможно еще в XVIII веке персиянки и таджички их перестали носить. Если это так, то распашное платье можно рассмотреть как предмет исторической одежды, не относящийся к традиционной одежде. В таком случае, оно имеет непосредственное отношение к разрабатываемой здесь проблеме, поэтому рассмотрим этот вопрос более подробно.

Распашное платье застегивалось на пуговицы, причем пуговицы пришивали через значительные интервалы между ними. Нельзя исключить использования вместо пуговиц крючков или петель-завязок. Верхнюю часть платья шили узкой, прилегающей к телу, поэтому после застегивания на участках между пуговицами полы платья отходили друг от друга. Таким образом, разрешались две задачи. С одной стороны, через открытые участки просматривалась надетая ниже одежда, с другой – через свой костюм девушка приобретала дополнительную привлекательность.

Понятно, что распашные платья носили женщины молодые, в частности незамужние. Это подтверждается и на миниатюрах. Такие платья были в гардеробе женщин из аристократических семей, которые обладали

возможностью наряжаться по последнему слову моды. Естественно, что в кругу знати в них наряжали и наложниц, призванных удовлетворять любые капризы и причуды своих господ (илл. 2.2.4,б). Отсюда напрашивается вывод, что узкие распашные платья с притягательными и бросающимися в глаза открытыми линиями на передке, как правило, - элемент женского костюма для гаремных условий. Как известно, именно среди обитательниц гарема были распространены случаи употребления вина и курения кальяна (илл. 2.2.1,а; 2.2.2; 2.2.3,в; 2.2.4).

Следует также отметить, что распашное платье надевалось не только поверх других платьев. Оно могло служить и в качестве нижней одежды. Это встречается, однако, только в костюме служанок (илл. 2.2.4,в). Наряды женских персонажей картины художника первой половины XVI века Абд ас-Самада «Убийство Хосрова Парвиза», изображенных находящимися на втором этаже дворца, требует особого внимания, так как в них бросаются в глаза отдельные примечательные черты. В частности, служанки, передающие друг другу кувшин с вином, поверх светлого распашных платьев (у одной белого цвета, у другой – черного) одеты в короткие красные кофты с длинными сужающимися к запястью рукавами (илл. 2.2.4,в, слева). Трудно определить, являются ли в данном случае распашные платья нижней одеждой или же под ними служанки имеют другой предмет одежды. Если имеет место первая версия, то учитывая наличие длинных открытых участков на распашном платье, логично, что красная кофта играет дополнительную роль бюстгальтера. Этим можно объяснить и слишком короткую длину кофты, которая закрывает лишь участок груди. Итак, получается, что мы видим оригинальную принадлежность женской одежды – бюстгальтер с рукавами.

Согласно средневековым словарям, на таджикско-персидском языке бюстгальтеры носили название барбанд¹ («повязка для груди»), сомокча² и судра³. Возможно, один из этих терминов служил названием для рассматриваемой здесь кофты-бюстгальтера. Справедливости ради отметим, что в указанных письменных источниках при описании одежного предмета, обозначаемого этими названиями, нет сведений, указывающих на наличие в нем рукавов.

Продолжая рассматривать этот фрагмент миниатюры «Убийство Хосрова Парвиза», видим, что обе девушки имеют зеленые халаты кабо. На это указывает наличие пояса, заметная в костюме одной из них. Другая девушка, в отличие от первой, облачена, кроме того, в синий халат на красном подкладе и с короткими рукавами, который очевидно, является образцом фараджи. Известно, что верхний халат такого названия не опоясывали⁴.

На некоторых миниатюрах, таких как «Девушка, занятая косметикой» основателя исфаханской школы миниатюры Риза Аббаси (илл. 2.2.1,а) и «Дама, наблюдающая за собакой, лакающей вино» Мир Афзала Туни (илл. 2.2.2,а), распашные платья представлены длиной до ниже колен, возможно, до щиколотки.

В глаза бросается умеренная ширина рукавов. В одном случае отогнутый конец рукава, в другом – наличие обильных складок у запястья указывают на то, что рукава по длине доходят примерно до середины кисти руки. Такие же очень длинные рукава, но уже узкие, характерны для

¹ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 1. – С. 145, 162, 163; Убахи Хафиз. Тухфат-ул-ахбоб или Словарь Хафиза Убахи. – С. 35.

² Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 2. – С. 126, 170, 198-199, 229; Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. – С. 407.

³ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 1. – С. 154.

⁴ Раджабова Д. К. Историческая эволюция народного костюма таджиков (трансформация верхней одежды). – С. 57-103; Она же. Кабо – одежда аристократов. – С. 212-215.

распашного платья героини другой миниатюры Риза Аббаси - «Девушки в меховой шапке» (илл. 2.2.1,б).

Надевание поверх них одежды с более короткими рукавами соответствует распространенной в Центральной Азии традиции

В большинстве случаев из-под распашного платья просматривается нижняя светлая рубаша с овальной горловиной. На них были узкие отложные воротники (илл. 2.2.1).

В целом, создается впечатление, что рассмотренный здесь тип платья с открытым передом, характеризуется тем, что застегивалось лишь на двух участках: вверху у шеи и затем на талии. Это легко просматривается практически на всех миниатюрах XVI-XVII веков, где есть изображения таких платьев.

Что касается материалов, из которых шили распашные платья, они, как правило, однотонные разных цветов. Для этой цели использовались и ткани с неяркими мелкими, едва заметными цветочками (илл. 2.2.3,в).

Анализ географического происхождения иллюстративных источников, проанализированных в настоящем разделе, показывает, что они выполнены в Персии. В этом контексте укажем также на иллюстрации к рукописной копии поэмы А. Джами «Саламан и Абсаль», выполненной в 1581 г. на севере Ирана (в Казвине). В этом источнике образцы распашных платьев неоднократно представлены в костюмах девушек, погрудные и поясные изображения которых украшают страницы рукописи¹. Н.В. Дьяконовой на основе анализа характера живописных орнаментов этой книги приведенные портреты охарактеризованы как галерея портретов разных народов в видах одежды и головных уборов, свойственных Средней Азии².

¹ Абдурахман Джами. Саламан и Абсаль. - Илл. на факсимиле.

² Среднеазиатские миниатюры 16-18 вв. – Вступ. статья Н. В. Дьяконовой.

Естественно, погрудные изображения не дают полного представления о костюмах представленных женских персонажей. Их одежда выглядит вполне типичной, можно сказать скромной. Она всецело соответствует восточной культуре костюма. Очевидно, именно этот аспект имел в виду указанный исследователь истории материальной культуры народов Средней Азии.

Вместе с тем, на миниатюрах художников, представляющих непосредственно среднеазиатскую школу средневековой живописи, изображения женских распашных платьев практически не встречаются. Во всяком случае, в том виде, при котором наряды девушек выглядят в той или иной мере откровенными.

Отсюда следует вывод, что, такие платья, похоже, бытовали преимущественно в пределах современного Ирана, хотя с учетом мнения Н.В. Дьяконовой, есть основания включить в пределы их географического распространения и Среднюю Азию.

Здесь впору остановиться на семантике отдельных приемов шитья и цветовых решений некоторых деталей традиционных рубаш и платьев. Так, в традиционной культуре одежды таджичек было принято не подшивать подол рубашки молодой замужней женщины. По местным представлениям, это могло вызвать бесплодие. В детских рубашечках не подшивали подол, ворот и концы рукавов. Считалось, что обрезание лишних кусков ткани и подшивание краев одежды укорачивает жизнь ребенку, станет помехой его росту, полноте и здоровью¹.

В натальной одежде женщин фертильного возраста, которые, как и у других женщин, повсеместно шили из тканей светлой, обычно белой, расцветки, было принято делать ластовицы подмышками из цветных тканей². Также рекомендовалось здесь прикреплять амулет. Согласно

¹ Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – С. 95, 174.

² Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы. – С. 115.

установившемуся представлению, контраст тканей и амулет «удерживали» в теле человека душу, которая покидает тело через подмышку. Такие же цветные ластовицы делали в детских рубашках, если в семье наблюдалось смертность детей или если ребенок был долгожданным. Для одежды других детей до трехлетнего возраста применяли ластовицы из той ткани, которая шла на пошив всего платья. Точно также поступали при пошиве свадебной одежды и платьев для приданного невесты, а также траурных рубах¹.

Если умирала молодая девушка, невеста, или молодая замужняя женщина, ее погребальным одеянием служил вместо обычного савана полный комплект свадебной одежды, куда включались и украшения, которые считались оберегом для покойной².

Итак, подводим следующий *итог второго параграфа второй главы* исследования: Распашные женские платья в традиционной материальной культуре таджиков имеют значение историческое и встречаются в изобразительных источниках, в частности средневековой книжной миниатюре. Их не использовали в качестве нательной одежды. Под распашным платьем надевали глухую рубаху с горизонтальным воротом, поверх него – распашную одежду (халат). В отличие от этого, распашные рубахи (нательные рубахи) находили широкое применение в составе мужской традиционной одежды. Они бытовали и в равнинных зонах, например, в Ташкентском оазисе, долине Ферганы и в горных районах (верховья Зеравшана, Дарвазо-Ванджская зона, Припамирье). В условиях гор рубаха такого вида, хлопчатобумажная или шерстяная, составляла основной вид мужской нательной одежды. Вместе с тем, традиции использования распашных рубах был присущ в большей мере социальный аспект.

¹ Старостина О. В. Некоторые особенности женской ритуальной одежды таджиков. – С. 298-299.

² Муродов О. Некоторые традиционные погребальные обычаи и обряды у таджиков. – С. 116.

2.3. Сложение моды на платья с рукавами разной длины

Развитие одежды тысячелетиями породило самые разнообразные формы и манеры носки рукавов. Согласно установленной классификации, рукава одежды по размерным характеристикам и форме делятся на следующие виды:

- короткие, средней длины (до локтя) и длинные (до запястья);
- узкие и широкие;
- прямые и косые (суживающиеся к концу);
- с манжетами и без них и т.д.

Одежду с рукавами носят, как правило, с заправкой рук в рукава. Нередким является случай ношения верхней одежды внакидку.

Применительно к исторической и современной, в том числе таджикской, одежде такие формы рукавов являются, естественно, традиционными.

Вместе с тем, художественные источники позволяют выяснить, что в прошлом в таджикской одежде существовали и другие формы рукавов, а также манеры их использования. В частности, хотим заострить внимание на следующие виды одежды:

- с рукавами разной длины;
- со сверхдлинными свободно свисающими декоративными рукавами;
- со сверхдлинными зафиксированными на спинке декоративными рукавами;
- с зафиксированными на спинке декоративными рукавами умеренной длины;
- со сверхдлинными функциональными рукавами.

Одежда с рукавами разной длины. Тщательное изучение исторического костюмного комплекса персоязычных народов позволяет обнаружить отдельные образцы предметов одежды с оригинальными формами и размерами некоторых деталей. К числу таковых относятся предметы женской одежды, как ни странно, с рукавами разной длины. Они неоднократно представлены в нарядах женских персонажей на некоторых образцах средневековой персидской миниатюры. По понятной причине такая одежда смотрится несообразно, а носящие их леди выглядят, если можно так выразиться, неуклюже.

На миниатюрах видно, что халаты или платья с разной длиной правого и левого рукавов надевались поверх нижней одежды и под верхнюю. Другими словами, такое одеяние служило одеждой промежуточной и длина одного из его рукавов, того или другого, доходит до запястья или чуть больше (с учетом образования небольших поперечных складок). Кисть руки, вдетой в этот рукав, выходит из него. Однако второй рукав по длине заметно длиннее первого, из-за чего своим концом покрывает кисть руки и, даже, перекусывает пальцы на десяток - полтора десятков сантиметров.

Также обращает внимания, что нередко от края рукава, сравнительно более длинного, выступает лоскут, отличающийся в цветовом отношении от ткани рукава. Такой цветовой контраст использован для обогащения общего декора одежды. Нельзя исключить, что этим лоскутком носовой может быть носовой платочек, который, возможно, одним углом пришит изнутри к нижнему краю рукава, хотя нельзя исключить того факта, что обладательница платья может удерживать верхний конец платочка в рукаве кончиками пальцев. Верхний конец платочка или, или поддерживается. В случае справедливости второй гипотезы должен иметь место случай разной длины правого и левого рукавов платья без присутствия куска материи другого цвета на конце более длинного рукава. Такой случай, в частности, представлен на миниатюре художника Шейхзаде в костюме принцессы,

принимающей легендарного сасанидского царя Бахрама Гура в Черном дворце (илл. 2.3.3, г).

Обращает внимания и другое наблюдение. Отдельные произведения книжной миниатюры показывают такие нетипичные платья, в которых нижняя половина относительно короткого рукава образует заметные складки. Это достигнуто за счет заметного уменьшения ширины рукава у нижнего края (илл. 2.3.2, а, б). В таком случае нельзя исключить, что в действительности оба рукава имеют одинаковую длину, но это не так: рукав с выступающим платочком также образует подобные складки (илл. 2.3.2, в). Так, нет сомнения в том, что у героини миниатюры Мухаммада Садики «Леди поправляет свой плюмаж» нижние края платья, носимого между нательной и верхней одеждой, имеют одинаковую ширину.

Ряд признаков указывает на то, что эти одежные предметы являлись халатами, притом они не носились в качестве верхних. В частности, убедиться в том, что они являются распашными халатами можно на основе разведенных внизу левой и правой полы (илл. 2.3.2, в; 2.3.3, б, в). В пользу данного аргумента выступает также традиционная для халатов V-образная форма открытого выреза ворота. Другое свидетельство - опоясывание некоторых из этих халатов (илл. 2.3.2, в; 2.3.3, б, в). Итак, направление моды, о котором идет речь, имело отношение к халатам, причем не верхним, и не к платьям. Такие опоясываемые и носимые под верхней одеждой халаты в средневековье назывались кабо.

Мы полагаем, что во всех рассматриваемых здесь примерах персонажи, носящие халат с разной длиной рукавов, имеют под верхним халатом пояс. Хотя не всегда в изображениях он заметен. В одном случае пояс не просматривается из-за того, что верхний халат застегнут на пуговицы (илл. 2.3.3, а, г), в других – так как прикрыт руками (илл. 2.3.2, б) или ногой (илл. 2.3.2, а) изображенных девушек.

Образцы кабо рассматриваемого типа представлены также на миниатюрах из Средней Азии (илл. 2.3.3), что указывает на распространение моды на разную длину рукавов и на этой территории. В числе авторов таких произведений - основоположник среднеазиатской школы миниатюры Бехзад, настоящий мастер изображения любовных сцен Абдулла Бухари, а также ученик Бехзада Шейхзаде, который, как известно, своими советами и наставлениями внес большой вклад в становление Абдуллы как талантливого живописца.

Очевидно, халаты с разной длиной рукавов бытовали исключительно в аристократической среде Бухары, точнее – в дворцовых условиях.

В целом, привлеченные здесь источники позволяют заключить, что мода на ношение предмета одежды с разной длиной рукавов зародилась на рубеже XV-XVI веков и бытовала почти два столетия.

Предметы одежды рассматриваемого типа в большинстве случаев сшиты из однотонных тканей, иногда – из материй с едва заметным мелким растительным узором (илл. 2.3.2, в; 2.3.3, б, в). Эти халаты шили на подкладке из тканей других контрастных цветов (илл. 2.3.2, в; 2.3.3, б, г). В частности, подкладочная материя нижнего халата героини миниатюры Абдулла Бухари «Принц, обнимающий принцессу» темно-синего цвета при золотистом цвете лицевой ткани одежды.

Поверх такого предмета одежды носили нарядные халаты с короткими рукавами длиной до щиколотки или более короткие, когда подол проходил на уровне низа бедра (илл., 2.3.2, в). Такие халаты известны как фараджи, их никогда не опоясывали. Фараджи носили с распахнутыми полами или застегивали на пуговицы. Халаты фараджи влюбленных девушек, персонажей художника Абдулла Бухари, сшиты и отделаны в типично бухарской традиции. Так, на илл. 2.3.3, в представлен верхний халат с золотошвейной отделкой по краям разреза ворота, на концах рукавов и на

подоле. На илл. 2.3.3, б мы видим фараджи из парчи с подкладкой из светлой клетчатой ткани. К концам рукавов и подолу пришиты широкие отделочные полосы из другой ткани. Истоки традиции такой отделки платьев и халатов выявляются в настенных росписях раннесредневекового Согда, в том числе в живописи Пенджикента.

Продолжая тему о предметах одежды, которые женщины надевали друг на друга вместе с халатом, разно рукавным по длине, обратим внимание, что героиня миниатюры Мухаммада Садики «Леди поправляет свой плюмаж» наряжена в три халата, под которыми она носит рубаху с горизонтальным разрезом ворота (илл. 2.3.2, в).

Итак, в рассмотренных примерах мы становимся свидетелями оригинального подхода к конструированию и ношению халатов, который имеет отношение к женской одежде конца XVI – XVII веков. В источниках указанного периода предметы мужской одежды с разной длиной рукавов не представлены. Однако находка пластины из слоновой кости, изображающей царя-Аршакида (илл. 2.3.1)¹, вынуждает нас пересмотреть свои заключения о назначении и периодизации данного течения исторической моды в восточном костюме. Парфянский владыка сидит на троне, в его правой руке царский жезл. На голове пышная прическа, фиксированная в том числе с помощью начальной повязки. Его наряд составляют нижняя одежда с горизонтальным воротом, длиной до колен, верхний халат до бедер, опоясанный шнуром, шаровары и обувь. Хотя не исключено, что на нем показан лишь один предмет одежды, поверх которой свисает с шеи до груди ожерелье. Но в любом случае заслуживает внимания длина рукавов одежды. Сужающийся правый рукав заканчивается на запястье, в левый рукав, также сужающийся к концу, значительно перекрывает кисть руки. Отрезок рукава, свисающий на конце, образует продольные складки. Этим древний художник дает знать, что

¹ Кошеленко Г. А. Родина парфян. – С. 136, илл. 66.

внутри него нет руки. В таком случае, очевидно, мы опять имеем дело со случаем, когда один рукав, в данном случае левый, значительно длиннее другого.

Конечно, оснований для увязки данного примера, имеющего отношение к древнему дворцовому костюму, с нарядами, представленными на книжных миниатюрах средневековья нет. Тем более неуместно говорить о какой-либо преемственности традиций в этой области. Причина в том, что, во-первых, в первом случае речь идет о мужской одежде, во втором, - о женском. И во вторых, что существеннее, - эти художественные источники разделяют полтора тысячелетия, для которых в источниках такая одежда не представлена.

Напрашивается следующий вопрос: насколько практичной была историческая одежда рассматриваемого типа? Ответ, на наш взгляд, отрицательный. Тогда почему она в свое время получила, как уже отмечалось, достаточно широкое распространение? А все потому, как мы считаем, что одежда является символом самовыделения конкретной личности. Что касается ее утилитарности, историки по костюму утверждают, что наиболее красивой и удобной является тот вид одежды, который содержит в себе черты национальной или региональной идентичности. Среди указанных двух функций – эстетической (красота) и практической (удобство) доминирует более сильная и влиятельная. Человеку приходится согласиться с доминированием этой функцией, несмотря на то, что это приводит к определенным неудобствам или даже может вызвать недуги¹.

Конкретные случаи проявления этой аксиомы обнаруживаются, между прочим, в различных предметах одежды современных таджичек – в их форме, размерах, использованных материалах, украшениях и т.д.

¹ Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. – С. 300.

Таким образом, направление исторической моды, освещенное здесь, представляется оригинальным и любопытным, а приведенные рассуждения являются в значительной степени гипотетическими. Вопрос требует дополнительного, более комплексного исследования, с использованием параллелей со стилями ношения исторической одежды в других регионах и у разных народов.

Одежда со сверхдлинными частично используемыми и свободно свисающими рукавами. Такие рукава выполняли на отдельных образцах упомянутых выше верхних халатов, известных как фараджи. Нарядные халаты с такими рукавами в прошлом носили и мужчины и женщины. Есть богатый подбор произведений средневековой миниатюры с их изображениями. Фараджи шили из самых красивых, самых нарядных тканей. Для него употребляли, как правило, узорчатые материи. Также использовались гладкие ткани, но обязательно ярких расцветок. Такой халат не оснащали пуговицами или шнурами-завязками, его носили с расходящимися полами. Нередко фараджи декорировали вышивкой или золотым шитьем.

На фараджи с рассматриваемым строением рукавов в области предплечья на наружной стороне каждого рукава делался надрез, через который рука (вместе с рукавом нижней одежды) выступала наружу. От этого места рукав халата свободно свисал из-под руки вниз. Рукав был чрезмерной длины и внизу почти достигал подола халата, при этом не применялся по назначению, т.е. был ложным. Конец этого рукава, как правило, располагался на высоте 15-20 см от подола, в то время, как сам подол почти достигал земли.

Как отмечалось, фараджи со сверхдлинными свободно свисающими рукавами носили и мужчины, и женщины. Под него мужчины носили кабо –

распашной халат с поясом, женщины – также распашную одежду, поверх которой, однако, не всегда завязывали пояс.

Фараджи было, скорее всего, одеждой молодежи, а его рассматриваемый тип – порождением молодежной моды. Пожилые люди в такую одежду не наряжались. Возрастные пределы, ограничивающие случаи ношения фараджи, можно указать приблизительно в границах от 15-20 до 40-45 лет. Даже если владелец такого халата носит бороду, она недлинная и аккуратно подстриженная.

Следует заметить, что представленные на многочисленных изобразительных источниках различные предметы верхней одежды со сверхдлинными частично используемыми и свободно свисающими рукавами, естественно, не могли не привлечь внимания специалистов в области истории материальной культуры. Свои наблюдения и заключения по ним представлены такими исследователями, как М. В. Горелик, З. В. Доде, Т. В. Сидорова, Э. Р. Кнауэр, Дж. Вогельсанг-Иствуд, Н. В. Хрипунов и др. При этом работы Э. Р. Кнауэр и Дж. Вогельсанг-Иствуд посвящены изучению персидского образца одежды такого типа. Тематику исследований Н. В. Хрипунова составляет костюм золотоордынцев, по сути, монгольских кочевников, поэтому вопрос об использовании исторической одежды со свободно свисающими рукавами в быту таджиков и иранцев им практически не затрагивается.

Н. В. Хрипуновым одежный предмет рассматриваемого типа охарактеризована как «одежда с откидывающимися рукавами». Ее особенностям, эволюции и географии распространения исследователь специально посвящает одну из своих статей. По его заключению, «одежды с откидывающимися рукавами существуют длительное время и на весьма обширных территориях». Их применяли еще в древнем Средиземноморье, как минимум с IV века. В результате завоевательных походов арабов

география распространения такой одежды значительно расширяется. Она проникает на Ближний Восток и в Центральную Азию. В X-XV веках они занимают прочное место в костюме монгольской знати. При Саманидах такой тип одежды был известен в Хорасане. Он представлен в костюме персонажа, изображенного на нишапурском блюде X в. из собрания Воровски¹.

В Европу принцип выполнения на одежде нефункциональных рукавов (не используемых по назначению) проник с Востока, в конце XII века, чему способствовали Крестовые походы.

В вопросе о генезисе одежды со свисающими рукавами более смелое утверждение выдвигает Э. Р. Кнауэр, по словам которой она появилась на евразийских просторах еще до нашей эры².

Нужно заметить, что в рассмотренных примерах, основанных на изучении персидско-таджикских миниатюр, отверстие для пропуска руки располагается на наружной поле рукава, в области предплечья. Однако его могли выполнять и в других местах рукава. Так, в античном халате отверстие для пропуска руки располагался под рукавом, в подмышке. Византийцы одежду с разрезом для руки в подмышке носили как минимум до X века. В XIII веке на Ближнем Востоке распространились предметы одежды, на которых разрез для руки располагался на нижней поле рукава в области локтя³. Также обращает внимания, что среди всего комплекса исторических одеяний со свисающими рукавами встречаются также образцы нераспашной одежды.

В публикациях по данной теме М. В. Горелика, по аналогии с трудами Н. В. Хрипунова, рассматривается золотоордынский костюм, в том числе

¹ Горелик М. В. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма). – С. 66, рис. 5.

² Knauer E. R. A Quest for the Origin of the Persian Riding Coats: Sleeved Garments with Underarm Openings. – P. 8.

³ Хрипунов Н. В. Одежда с откидывающимися рукавами в Золотой Орде. - С. 91-92.

археологический, однако подобный тип одежды он обоснованно называет «типично иранским». Их эволюцию М. В. Горелик увязывает с кафтанами персидского образца для верховой езды¹. Другими словами, происхождение и развитие одежды со свободно свисающими рукавами им увязывается и с материальной культурой таджиков – народа, имеющего общие корни с иранцами.

Рассматривая вопрос о наличии отверстия на боковой стороне рукава для пропускания через него руки, которое выполнялось в его различных частях (у предплечья, локтя), нельзя не упомянуть о подобном разрезе, который присутствовал на платьях и халатах женщин из Горного Таджикистана. Такие платья и халаты входили в состав традиционной одежды жителей Припамирья и Дарваза. Дарвазские платья из белой хлопчатобумажной ткани куртачи пользовались большой популярностью в конце XIX – XX века. На такие платья нашивали нагрудник шоинак – фигурно вырезанный кусок карбоса, орнаментированный вышивкой. Размер вытянутого по вертикали прямоугольного куска карбоса - примерно 30 x 45 см. Внизу шоинак заканчивается треугольником или половиной шестигранника. На платье делали полукруглый вырез для шеи, соответственно которому делалась и форма верхней части нагрудника. От этого выреза слева вниз или вдоль плеча делают вертикальный разрез для надевания и снятия платья. В платьях с нашивным передом шоинак нашивали вышитые полосы сари остин шириной 4-6 см и на концы рукавов. На участке между локтем и концом рукава нашивают поперечные вышитые полосы чобик. Изначально в этих местах, на расстоянии 20-25 см от конца рукава выполняли поперечный разрез, украшенный вышивкой. Через эти прорезы, также называемые чобик, девушка продевала руки во время

¹ Горелик М. В. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспаханной одежды и других элементов костюма). – С. 63.

домашней работы. В последующем разрезы перестали делать, но сохранилась традиция украшать эти места вышивкой.

На Памире (Шугнан, Рушан и др.) традиционные женские халаты и платья называли соответственно гилем и гилеминкурта, по названию используемой материи. Рукав платья полностью закрывал кисть руки или был длиннее на 10-15 см. Рукава на конце были узкими. Разрез ворота на всех платьях был вертикальным - ростогиребон. Особенность платьев местного, например образца, сильная расклешенность книзу. С этой целью боковые клинья сильно раскашивали. Например, ширина боковины вверху могла быть 25, внизу – 70 сантиметров¹. Столь значительное расширение памирских женских платьев книзу связывают с влиянием культуры одежды Северной Индии². На рукавах платьев для замужних женщин на расстоянии 15-20 см от конца делали поперечные разрезы куроб. Через эти разрезы продевали руки во время домашних работ.

Проводя параллель, можно полагать, что женские платья и халаты из Горного Таджикистана с разрезами на боковой стороне рукавов могли появиться в результате трансформации верхней одежды со свободно свисающими рукавами.

Интересно заметить, что кроме Памира и примыкающего к нему Дарваза, в других местах Средней Азии такая одежда с надрезом на боковине рукава не встречалась. Вместе с тем, она фигурирует в русской народной традиции. Речь идет о рубахе-долгорукавке или, так называемой, плакательной рубахе, образцы которой в XVIII – XIX веках были распространены в северных, центральных и частично южных областях Руси. Рубахи-долгорукавки носили в комплекте с сарафаном, душегреей и кокошником³.

¹ Бахтоваршоева Л. Платья традиционного покроя таджичек Памира. – С. 145.

² Царева Е. У подножия Крыши мира. – С. 196.

³ Русская рубаха-долгорукавка – магия единения с природой [Электронный ресурс].

В этой связи заслуживает внимания возможный характер связь между этими предметами одежды одинакового принципа на разных территориях, которые разделяют тысячи километров, в то время как в промежутке между ними их не употребляли.

Впрочем, Н. П. Лобачева нашла рассматриваемому типу одежды, т.е. со свободно свисающими рукавами, аналогии и в традиционной одежде тюркских народов. В числе таковых она указывает на халаты туркменского племени нохурли, отдельные виды женской и девичьей одежды иомутов, мужские халаты узбеков из Хорезмского оазиса, свадебные халаты у некоторых групп казахов на Мангышлаке. В этих предметах одежды рукава имели прорезы на уровне локтя¹.

Одежда со сверхдлинными неиспользуемыми и зафиксированными сзади рукавами. Халаты, как наиболее распространенный предмет восточной одежды, носили как с заправленными рукавами, так и внакидку. Использовать халат иногда в качестве наплечных накидок начали, очевидно, еще на самых ранних этапах появления данного предмета одежды.

Случаи использования такой манеры ношения халатов представлены еще в художественных источниках античности. Примером тому служит, изображающая мужчину, серебряная статуэтка ахеменидского периода². Прототипы женской наплечной накидки встречаются в одежных комплексах персонажей терракотовых кушанских статуэток Согда и Тохаристана³.

Эпизоды использования халата в качестве наплечной накидки представлены и на золотых пластинах из Амударьинского клада⁴ и сокровищ из Мир-Закаха в Кабуле (в костюме)⁵, причем в обоих случаях в костюме

¹ Лобачёва Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки-халаты). - С. 41.

² Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи. – С. 38-39.

³ Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда - С. 13-18.

⁴ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: каталог выставки. – Рис. 68, 69.

⁵ Кошеленко Г. А. Археология Афганистана в дни мира и войны. – Рис. 3.

зороастрийских жрецов, которые держат в руках барсом – пучки священных прутьев.

Наплечные накидки и, используемые в таком качестве, халаты встречаются в костюме многих персонажей настенной живописи в монументальных памятниках Средней Азии эпохи раннего средневековья. В позднее средневековье среди женщин распространился обычай при выходе из дома стали накидывать халаты уже на голову. Первое упоминание в письменных источниках о существовании этой традиции встречается в путевых заметках И. Гладышева и Д. В. Муравина, совершивших поездку в Хивинское ханство в начале 40-х годов XVIII века. По их словам, узбечки дельты Аму-Дарьи, выходя на улицу, покрывают голову и спину стеганым халатом¹.

В рассматриваемое время чрезмерно длинные рукава халата, которые в прошлом были в моде, по причине доставляемых неудобств лишились того назначения, которое было им присуще как естественно, так и функционально. Вследствие этого, их откидывали назад и удерживали на спинке халата с помощью пришитых тесемок. Эти тесемки располагались горизонтально на уровне 15-20 см от края рукавов. В старинные образцах фаранджи использованы две тесемки, которые между собой перекрещивались. Так как при таком подходе рукавам была присуща роль чисто оформительская, их начали делать чрезмерно длинными и узкими. Крупные стежки вдоль линий рукавов, выполненные в несколько рядов, обеспечивали стройное их укладывание на спинке халата, причем стежки отставали друг от друга на строго определенное расстояние. Особое внимание уделялось украшению тесемки, для чего применяли вышивку бисером и блестками. На отдельных халатах декор этой тесьмы

¹ Гладышев И. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740-41 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. – С. 68-72.

осуществлялся золотой вышивкой. В более ранние времена скрепление рукавов осуществлялось двумя перекрещивающимися тесемками.

Следующим этапом трансформации данного вида халата, преобразуемого в головную накидку, стало дополнение его лицевым покрывалом черного цвета. Его ткали из конского волоса. Расположение декоративных рукавов за спиной обусловило их новое название - думи («хвост») фаранджи.

Генезис фаранджи как женской головной накидки связан с существованием обычая покрывать голову одним из рукавов халата – своего, мужа или, к примеру, сына¹.

Фаранджи, по существу, являлся своеобразным мешком, покрывавшим всю фигуру женщины от головы до ног. Сквозь такой халат – головную накидку невозможно было разглядеть ни лицо женщины, ни другие части ее фигуры, ни одежду. Голову под накидкой покрывали платком или тубетейкой (девушки), на лицо накидывали черную сетку из конского волоса – чашмбанд. Причину, по которой чашмбанд ткали из конского волоса, связывают с тем, что этот материал, будто, отпугивал злых духов. Его считали оберегом. Этой сеткой укрывали новорожденного, ею ударяли по колыбели при обряде первого положения в нее младенца. Также поступали, когда в гостях приходилось укладывать ребенка в чужую колыбель².

Фаранджи являлся предметом городского костюма, им пользовались также в равнинных кишлаках. В женском гардеробе таджикских горцев он значился, его не носили и в провинциальных селениях. В целом, основным ареалом распространения фаранджи были районы, где религиозная жизнь отличалась наибольшим фанатизмом. Такими местами являлись, естественно, города и окружающие их кишлаки.

¹ Паранджи [Электронный ресурс].

² Зарубин И. И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. – С. 363; Резван М. Чтобы проклятия остались снаружи или «платье-оберег». – С. 76.

Каждая городская таджичка была вынуждена укутывать себя в фаранджи с детского возраста, начиная с 9-летия и до достижения почтенного возраста. Таким образом, она успевала за это время менять несколько экземпляров такого халата – головной накидки. Не менее пары штук фаранджи входило в состав приданого невесты, а их общее число зависело от степени состоятельности семьи.

Пошив такой головной накидки был ремеслом специализированным. Не каждая швея была способна заняться таким ремеслом, что обуславливала достойную оплату мастерицы, занимавшейся изготовлением фаранджи. Отсюда вытекает, что данное рукоделие не было занятием домашним.

Каждый образец рассматриваемого вида головной накидки носился много лет, чему способствовали используемые прочные и плотные материи. Такие качества были присущи златотканям, ворсовым тканям, бенаресу, известному сорту пестряди - пари-пашша. Материя, перечисленная последней, производилась из хлопка или смеси хлопковых и шелковых нитей и отливалась синим оттенком. Наибольшей популярностью среди франтих пользовалась смешанная (хлопок и шелк) ткань бенарес, особенностями которой были чрезмерная плотность и муаровый эффект. Это качество достигалось за счет декора, когда узкие долевые полосы синего цвета размещались на фоне серебристого оттенка. Особо популярным был сорт банораси нукракуб («с серебристым оттенком»). Высоким спросом пользовались образцы фаранджи, изготовленные из бархатных тканей разных цветов - зеленой, желтой, фиолетовой.

Вне всякого сомнения, женщина носила фаранджи без радости, обществом вынуждало ее не выставлять свое лицо и фигуру преднамеренно или невольно напоказ посторонним мужчинам. С другой стороны, она с самых ранних лет слышала, что такая головная накидка защищает не только от чужого взора, но и от сглаза, недружественных помыслов окружающих.

При всем том, очевидное большинство женщин относились к фаранджи отрицательно, а многие и вовсе презрительно. Свидетельством тому служит такое распространенное в те времена явление, как стремление к немедленному освобождению фигуры от головной накидки у себя во дворе и небрежное забрасывание его куда попало. Большим грехом считалось заходить, не снявши фаранджи, за порог чужого дома. Более того, хозяйка дома или другие члены ее семьи сами проявляли инициативу и снимали с гостя головную накидку. Не принято было вешать фаранджи живой женщины на гвоздь. Все эти случаи знаменовали пожелание смерти¹.

Ряд поверий был связан и с ношением чашмбанда. Девушки предпочитали вместо него закрывать лицо обычной кисеей – дока, хоса, так как считалось, что черный цвет волосяной сетки может накликать беду. Если девушка пользовалась черным чашмбандом, при выходе замуж нельзя было приносить его в дом жениха. Далее, нельзя было отдавать свою лицевую волосяную сетку другой женщине, так как через нее якобы могут передаваться болезни и несчастья².

Столь непочтительное отношение женщин к фаранджи имело и другие причины. Так, он препятствовал реализации их обыденных устремлений выделиться среди окружающих, привлекать к себе внимание окружающих. Этим обуславливалось и полное отсутствие заботы о состоянии этой принадлежности женского костюма. Во многих образцах фаранджи можно было видеть заплаты, которые зачастую сразу бросались в глаза. Верхом непочтения можно считать явление, когда женщина грубо сворачивала свою головную накидку калачиком и свободно рассаживалась на нем прямо на земле.

¹ Сухарева О. А. Мать и ребенок у таджиков; Бикжанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. – С. 143-144.

² Бикжанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. – С. 144-145.

Если обратить внимание на покрой, заметной разницы между такой головной накидкой и традиционным халатом не обнаруживается. Практически одни и те же детали содержатся в обоих видах одежды. Как отличительный признак можно указать на отсутствие ластовицы, ставшей ненужной из-за утраты рукавами своего утилитарного назначения.

Как отмечалось выше, вышитая тесемка служила декоративным элементом, расположенным на месте скрепления сведенных вместе рукавов к спинке. Такие тесемки декорировали и полуборта фаранджи на уровне груди. Кроме того, ими украшали и другие места накидки – подол, края бортов. Мастерицы применяли и другие средства декора. Так, они нашивали на воротник серебряные бляхи. Другим элементом отделки служили карманы – обманки, края которых также украшали вышитой тесьмой, которая, как правило, оканчивалась кисточкой¹.

Головная накидка такого вида получила распространение в Бухаре и других крупных городах Средней Азии в XVIII веке, возможно во второй половине этого столетия. Ношение ее вместе с лицевым покрывалом в Бухаре в 1770-х годах зафиксировал Филипп Ефремов². Через четверть века после этого о фаранджи и чашмбанде как обязательных предметах верхней одежды бухарских женщин писал Г. Бурнашев. Он приводит довольно точные их описания, правда без указания названий³. В 1813-1814 годах о ношении этих предметов верхней одежды всеми женщинами, но уже в Ташкенте, писал Ф. Назаров⁴.

Вместе с тем, несмотря на все эти сведения, Н. П. Лобачева полагает, что генезис фаранджи берет истоки еще раньше. На ее взгляд, первые шаги к распространению такого предмета одежды были сделаны в середине XV

¹ Раджабова Д. К. Историческая эволюция народного костюма таджиков. – С. 96-99.

² Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. – С. 77.

³ Бурнашев Г. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. – С. 90.

⁴ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии.

столетия, когда в регионе начался процесс исламского фанатизма. С этого времени шаг за шагом нарядный прежде халат фараджи стал терять свои яркие краски, их сменил унылый серый цвет. Теперь его дополняла плотная и грубая лицевая занавесь ужасного черного цвета, хотя до того в этом качестве применялась тонкая кисея светлых оттенков¹.

В горных районах фаранджу не носили. В центральных и южных районах Таджикистана такая головная накидка с волосяной сеткой бытовала лишь в административных центрах и крупных равнинных селениях бекств - Гиссарского, включая Каратаг, Кулябского, Бальджуванского, Каратегинского. Причем, она встречалась весьма редко. Ее носили преимущественно жены бухарских чиновников. Среди местного населения она находила применение лишь в свадебном костюме невесты. Пожилые женщины Гиссара, как уже отмечалось, предпочитали носить другой тип головной накидки – фарисар, также с ложными рукавами, но без подкладки, а потому более легкие и без чашмбанда².

Одежда с неиспользуемыми и зафиксированными сзади рукавами умеренной длины. Такой является головная накидка саргирак, фарисар или джелакбош, в которой реализован принцип совмещения функций наплечной одежды и головной накидки. Общими чертами в саргираке и фаранджи были то, что оба этих предмета одежды носили в качестве головной накидки и их узкие рукава с помощью тесьмы соединялись вместе и скреплялись за спиной. Однако саргирак (илл. 2.2.22,б), в отличие от фаранджи, имел укороченный стан, прикрывал лишь заднюю часть тела на участке от головы до бедер и его носили без волосяной сетки чашмбанд. Получается, что саргирак лишь имитировал фаранджи, он не закрывал лица и не скрывал выходной наряд. Его носили пожилые женщины. Можно предположить, что

¹ Лобачёва Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки-халаты). - С. 44.

² Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. - С. 82.

в позднем средневековье, когда распространилась традиция ношения фаранджи, требования к костюму старух были значительно менее строгими.

Головные накидки фаранджи на миниатюрах показаны, начиная с XVII столетия. Примером служит произведение книжной графики под условным названием «Отъезд Дувалрани», где одна из героинь носит такой предмет одежды, но без лицевой занавески. Кроме того, одна ее рука вдевается в рукав халата-накидки. Здесь получил отражение переходный этап в развитии женской верхней одежды, когда только зарождается традиция набрасывания верхнего халата на голову и не использовать рукав (в данном случае один) согласно присущей ему функции. Представленный образец пока еще длинный - до щиколотки. Со временем такую головную накидку будут шить укороченной. Хозяйка рассматриваемого предмета одежды – молодая девушка. Обратим внимание, что эта миниатюра исполнена в Бухаре.

Прослеживание эволюции исторической одежды таджиков предоставляет нам много примеров того, как модные одно время и получившие потому широкое распространение предметы женской одежды (типичный пример – халат мунисак) в дальнейшем сохраняются лишь в одежде пожилых женщин, а молодые надевают теперь их только в дни траура. Согласно этой логике, последующее развитие изображенной на этой картине головной накидки приведет к форме, размерам и манере ношения, типичным для саргирака.

Саргираки делали, естественно, разных видов и оформления. Примечателен нарядный образец из Худжанда, сшитый из красного бархата. Это – сильно укороченный халат-накидка, при накидывании которого на голову спина покрывается до пояса. Внимание привлекает соотношение длины рукавов и стана – первые гораздо длиннее. Переброшенные за спину рукава прикреплены между собой тремя рядами тесемок, нашитых елочкой. Верхняя часть полубортов изделия декорированы более узкими тесемками и

вышиты бисером, причем такая отделка переходит и на основания рукавов, расположенных сзади.

Рассматриваемый тип головной накидки получил широкое распространение у пожилых таджичек и узбечек в Гиссарской и Сурхандарьинской долинах. В этих местах ее образцы повседневного назначения шили из хлопчатобумажной пестряди алоча различных расцветок.

В Средней Азии этап, связанный с распространением халатов-головных накидок саргирак и фаранджи завершился со свершением Бухарской революции 1920 года, однако не сразу, а постепенно. Свобода и раскрепощение женщины позволило ей отказаться от ненавистных ей предметов одежды, сменить их на нарядные халаты, какими были мунисак (калтача) и яктах (джелах) с рукавами нормальной длины – до запястья или до локтя.

Одежда со сверхдлинными используемыми рукавами. На отдельных миниатюрах XV-XVIII веков встречаются персонажи, носящие верхние одежды с рукавами, длина которых значительно превышает длину руки. Такая неестественная длина рукавов в отдельных случаях выглядит на одеждах нелепой, несуразной. В подобном халате представлен, к примеру, поэт Мир Алишер Навои на миниатюре XVII-XVIII века к рукописи «Маджлис ал-Ушшак». Неуклюже выглядит стоящий юноша в длинном красном халате с неестественно длинными рукавами. Такие же ощущения охватывают зрителя при взгляде на костюм героини миниатюры «Фархад предстает перед Ширин», исполненной в самом начале XVII века.

Халат фаранджи с особо длинными рукавами упорно употреблялся и в среде среднеазиатской аристократии. Не случайно, работавший здесь художник-миниатюрист Мухаммад Мурад Самарканди посчитал необходимым изобразить в 1557 году именно в такой верхней одежде царя Фаридуна во

время испытания им собственных сыновей . На картине царь представлен в небрежно накинутом на плечи фараджи с весьма длинными рукавами. Изысканность костюма легендарного владыки дополняет чалма одного цвета с халатом, причем чалма украшена эгретом.

Здесь нужно отметить, что однозначно назвать такие халаты фараджи нельзя. Рукава, полностью покрывающие кисти рук, являлись, как уже было отмечено, характерной приметой другого халата – дурроа. Разница между этими видами верхней одежды заключается в том, что дурроа шили из шерстяных тканей, сукна, и она было одеждой ученых и богословов. Материалом для такого халата узорчатые ткани не служили. Фараджи, в отличие от дурроа, было одеждой нарядной, а основным материалом для его пошива служили шелковые ткани, как орнаментированные, так и гладкого оформления¹.

Зачастую мужские и женские халаты с особо длинными рукавами носили внакидку.

Таким образом, сформулируем следующие *выводы по третьему параграфу* исследования: Выясняется, что в исторической одежде таджикского народа в аспекте исполнения и использования рукавов обнаруживается ряд элементов нетрадиционализма, зафиксированные в наглядных источниках. К их числу относятся, в частности, такие виды одежды, как с рукавами разной длины; со сверхдлинными свободно свисающими декоративными рукавами; со сверхдлинными зафиксированными на спинке декоративными рукавами; с зафиксированными на спинке декоративными рукавами умеренной длины; со сверхдлинными функциональными рукавами. Одежда со сверхдлинными свободно свисающими декоративными рукавами появилась еще в древний период, имела широкую географию распространения и характеризуется

¹ Раджабова Д. К. Историческая эволюция народного костюма таджиков. – С. 95-96.

рядом подвидов. Однако в материальной культуре таджикского народа получил историческое распространение лишь подвид с разрезами у предплечья на наружной поле рукава. Трансформация этого подвида прослеживается в женских традиционных платьях и халатах из Горного Таджикистана с разрезами на боковой стороне рукавов, на участке между локтем и запястьем, а также в некоторых видах женской одежды тюркских народов Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Основные научные результаты исследования

1. В народной одежде таджиков - феномене, зародившейся в глубокой древности и развивавшейся в течение многих-многих столетий, выявляется наличие устойчивых элементов и проявлений. Природно-климатические условия, традиционный быт, мировоззрение и культура, а также религия были главными факторами, обусловившими силуэт и форму, колорит и покрой, размеры и материал, а также состав народной одежды. Ее достоинства проявляются в самобытности и практичности – чертах, которые сохранились до наших дней, несмотря на различные и многократные трансформационные и модернизационные процессы, которым подвергались составные части национальной одежды. Без сомнения, таджикскому народу, сложившемуся и развивавшемуся в пределах Исторического Таджикистана - культурного пространства, охватывающего всю Центральную Азию, удалось зародить феномен таджикского костюма в целом и национальной одежды в частности. Феномена, который оказал значительное влияние на возникновение и распространение многих модных течений, господствовавших в указанных географических границах в разные исторические эпохи [З-А].

2. Подчеркивая традиционное стремление таджиков к декору одежды, следует отметить, что и эта традиция формировалась тысячелетиями. Археологическая наука доказала, что уже на последнем этапе каменного века оседлые жители Средней Азии оформляли одежду бисером и бусинами, пришивая их так, чтобы образовался узор нужного вида. Дальнейшим шагом на пути оформления одежды узором стало зарождение искусства вышивки. Среди находок фрагментов одежды античной эпохи (из могильников

«Иттифок» и Карабулака) встречаются образцы, вышитые хлопчатобумажными, шерстяными, шелковыми, металлическими нитями. В северных районах Кушанского царства в вышивке изображались, как композиции с реальной фауной и флорой, так и с включением мифологических образов, отражающих существовавшее в общества мировоззрение. Эти детали служили составными частями композиций на начальном этапе зарождения искусства национальной вышивки чакан, со временем ставшего одним из замечательных составляющих нематериального культурного наследия таджикского народа [2-А].

3. Распространение мусульманской идеологии обусловило почти полное исчезновение в декоре одежды и других предметов таджикского быта изображения реальных и вымышленных представителей флоры и одновременное развитие растительных, геометрических мотивов, арабской каллиграфии (тиразов), а также широкое распространение в композиции узора принципов стилизации. Господство растительных композиций в наибольшей степени характерно вышивке Кулябского оазиса, Гиссара и долины Сурхандарьи. В горных районах Таджикистана особое развитие получила вышивка геометрического характера, а в предгорьях предпочтение отдавали синтезу растительно-геометрических мотивов [2-А].

4. К числу художественных особенностей таджикской национальной вышитой одежды (и не только) относится яркая колоритность и богатство узоров, а также максимально возможная симметричность в его композиционном построении. При этом, в узоре рукавов национальных платьев практически всегда наблюдаются отклонения от принципа негатива, образованные ненамеренно и обусловленные традиционным приемом исполнения вышивки на еще не собранных вместе деталях платья. Наряду с этим, представляют особый интерес образцы чаканов (яркий пример – известный образец из Рашта, хранящийся в фондах Этнографического музея Таджикистана имени М. С. Андреева), когда в выполнении ряда деталей

общей композиции платья отчетливо наблюдается намеренное нарушение правила симметрии в узоре. Результаты такого подхода вышивальщицы удается обнаружить и в отдельных образцах золотошвейных халатов [2-А].

5. Отклонение от традиционализма проявлялось и в национальной мужской одежде, например, в ее ношении, что стало причиной появления верхних штанов. Исследование этого вопроса приводит к истокам распространения в национальной культуре одежды мужских брюк русско-европейского образца [6-А], [7-А].

6. Интересным явлением в составе типологического комплекса национальной исторической женской одежды выступает платье с прозрачным передом. В случае с платьем такого вида мы имеем дело с очевидным нарушением традиционности в культуре женской одежды. Факты того, что оно бытовало в XVIII – первой половине XIX веков в равнинных районах, т.е. времени и месте наибольшего ужесточения условий жизни среднеазиатской женщины, можно расценивать как нетипичное культурное явление [8-А].

7. Еще один вид нетрадиционных предметов национальной женской одежды, который бытовал в средневековье (XVI-XVII века) - распашное платье, надеваемое в комплекте с другой оригинальной принадлежностью женской одежды – бюстгальтером с рукавами. Исследование показало, что эти предметы одежды, по сути, имели профессиональное назначение: в них наряжались девушки, состоящие на службе у аристократических семей [1-А], [9-А].

8. Ряд элементов нетрадиционализма в исторической женской одежде таджикского народа присутствовал и в аспекте исполнения и использования рукавов. Среди них выделяется случай исполнения правого и левого рукавов разной длины – тенденция, составившая самостоятельное направление в женской моде средневековья [8-А].

9. Представленные в настоящей работе виды одежды с отклонениями от традиционности служат дополнением к существующей типологии исторической и традиционной одежды таджиков. В их существовании находит отражение творческое отношение народа к процессам изготовления и ношения одежды [2-А].

2. Рекомендации по практическому использованию результатов

1. С учетом того внимания, которое уделяется в современных условиях Таджикистана сохранению и развитию традиционной культуры, предлагаем ввести в учебный процесс специальностей искусствоведческого, культурологического и дизайнерского профилей предмет “История национального костюма”.

2. Следует констатировать факт отсутствия учебников по истории таджикского костюма, ввиду чего необходимо в ближайшие годы разработать несколько вариантов для последующего отбора, утверждения и реализации в учебный процесс отраслевых образовательных учреждений республики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- [1]. Абдурахман Джамии. Саламан и Абсаль (рус., лицевая рукопись: факсимиле) / А. Джамии. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 156 с.
- [2]. Андреев М. С. Арк Бухары / М. С. Андреев, О. Д. Чехович. – Душанбе, 1972. – 163 с.
- [3]. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) / М. С. Андреев. – Сталинабад: АН Тадж. ССР, Ин-тут истории, археологии и этнографии, 1953-1958. – Вып. 1. – 250 с.; Вып. 2. – 526 с. – (Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
- [4]. Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаярхана / М. Алибеков // Ежегодник Ферганской области. – Т. 2. – Новый Маргелан, 1903. – С. 79-118.
- [5]. Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам / А. А. Бобринский. – М., 1908. – 150 с.
- [6]. Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара) / А.А. Бобринский. – М., 1900. – 18 с. + 44 илл. с.
- [7]. Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о п лейтенанта Ост-Индийской компанейской службы Алавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом в 1831, 1832и 1833 годах Александром Борнсом. – Ч. 2. – М. Университетская типография: 1848. - 514 с.

- [8]. Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году / Т. С. Бурнашев // Сибирский вестник. – 1818. – Ч. 2, отд. 2. – С. 37 – 74 (247 - 284); Ч. 3. – С. 75 - 110 (95 - 130).
- [9]. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии / Вамбери А.. – М., 1865. – 221 с.
- [10]. Вамбери Г. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнаруженным и не обнаруженным рукописным историческим источникам / Г. Вамбери: В 2-х т. – СПб., 1873. – Т. 1. – 274 с.; Т. 2. – 198 с.
- [11]. Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. – М.: НЛЮ, 2011. – 1392 с.
- [12]. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства / М. А. Варыгин // Известия Императорского Русского географического общества. – Т. 52. - Вып 10. – Петроград: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1916. – 67 с. – (Отд. оттиск).
- [13]. Веселовский П. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего / П. Веселовский. – СПб., 1877. – 366 с.
- [14]. Вульфсон Э. С. Как живут сарты / Э. С. Вульфсон. – М., 1908. – 117 с.
- [15]. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю / М. Н. Галкин. – СПб., 1868. – 336 с., 15 л. илл.
- [16]. Гамильтон А. Афганистан (перев. с англ.) / А. Гамильтон. – СПб., 1908. – 334 с.

- [17]. Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913) / В. Н. Гартевельд. – М.: Изд. И. А. Маевского, 2014. – 128 с.
- [18]. Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану / И. И. Гейер. – Ташкент, 1901. – 255 с.
- [19]. Гейер И. И. Туркестан / И. И. Гейер. – Ташкент, 1909. – 366 с.
- [20]. Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот (перс.) / Гияс уд-дин Мухаммад: В 3-х т. – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1987. – 480 с.; Т. 2. – 1988. – 416 с.; Т. 3. - 1989. – 304 с.
- [21]. Гладышев И. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740-41 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным / И. Гладышев, Д. В. Муравин. – СПб., 1851. – 85 с.
- [22]. Долгорукий Д. Пять недель в Кокане / Д. Долгорукий // Русский вестник. – 1871. - № 1. - Т. 91. – С. 244-318.
- [23]. Дониш А. История мангитской династии / А. Дониш. – Душанбе, 1967. – с.
- [24]. Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки / К. Ельницкий. – СПб.: Изд-е Д. Д. Полубряникова, 1895. – 134 с.
- [25]. Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию / Ф. Ефремов. - Казань, 1811. – 159 с.
- [26]. Записка И. В. Виткевича / И. В. Виткевич // Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 84-129.

- [27]. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. – Т. 5. - Вып. 1. - Петроград, 1918. - С. 97-148.
- [28]. Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник МАЭ. – Петроград, 1916. – Т. 3. - С. 89-93.
- [29]. Зарубин И. И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги / И. И. Зарубин // Сборник в честь В. В. Бартольда. – Ташкент, 1927. – С. 361-374.
- [30]. Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек / Н. А. Кисляков // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. 15. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 291-316.
- [31]. Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С подробным маршрутом от Ташкента до Бухары / Л. Ф. Костенко. – СПб., 1871. – 110 с.
- [32]. Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского / В. В. Крестовский. – СПб., 1887. – 431 с.
- [33]. Крубер А. Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник / А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чафранов – М., 1903. – 583 с.
- [34]. Кун А. Л. Очерк Коканского ханства / А. Л. Кун // Известия Императорского Русского Географического общества. – Т. 12. – СПб., 1976. – с. 59-70.
- [35]. Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области / [Соч.] В. И. Кушелевского. – Т. 2. - Новый Маргелан: Ферганский областной статистический комитет, 1891. – 479 с.

- [36]. Маев П. Азиатский Ташкент / П. Маев // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. 4. - С. 260-313.
- [37]. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Е. К. Мейендорф. – М.: Наука, 1975. – 182 с.
- [38]. Мухаммад Саддик Кашгари. Адаб-ул-солихин («Кодекс приличий благочестивых») / Мухаммад Саддик Кашгари. Перев. с тюркского Н.С. Лыкошина // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. – Т. 4. - Ташкент, 1895. - С. 161-240.
- [39]. Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (перс.) / Мухаммадхусайн Бурхон. – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1993. - 416 с. – Т. 2. – 2004. – 424 с.
- [40]. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии / Филипп Назаров. – СПб.: Императорская Академия наук, 1891. – 98 с.
- [41]. Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь / В. П. Наливкин. – М., 2004. – 114 с.
- [42]. Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы / В. Наливкин, М. Наливкина. – Казань, 1886. – 245 с.
- [43]. Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы / Н. П. Остроумов. – Вып. 1. – Ташкент, 1890. – 137 с.
- [44]. Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки / П. И. Пашино. – СПб., 1866. – 179 с.
- [45]. Потанин Н. И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале столетия / Н. И. Потанин. – Омск, 1916. – 258 с.
- [46]. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника / В. В. Радлов. Перев. с нем. – М.: Гл. ред. вост. литературы, 1989. – 752 с.
- [47]. Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.) / А. А. Семенов // Исторический вестник. - Т. 87. - 1902. – Ч. 1. Куляб. - № 3. — С. 961-992; Ч. 2. От Куляба до Сарая. – № 4. - С. 98-122.

- [48]. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза / А. А. Семенов. - М., 1903. – 131 с.
- [49]. Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже / Е. Скайлер // Вестник Европы. – М., 1876. – № 6. – С. 578-610; № 7. – С. 118-158. - (Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке).
- [50]. Стремоухов Н. П. Поездка в Бухару (извлечения из дневника) / Н. П. Стремоухов // Русский вестник. – 1875. - № 6. – С. 630-695.
- [51]. Татаринов А. С. Семимесячный плен в Бухарии / А. С. Татаринов. – М.-СПб., 1867. – 138 с.
- [52]. Терентьев М. А. Туркестан и туркестанцы / М. А. Терентьев // Вестник Европы. – М., 1875. - Ч. 1. - № 9. – С. 5-112; Ч. 2. - № 10. – С. 499-529; Ч. 3. - № 11. - С. 142-172.
- [53]. Туркестанский альбом. Часть этнографическая. 1871-1872 гг. – Ташкент: Изд. Туркестанского генерал-губернатора, 1872.
- [54]. Убахи Хафиз. Тухфат-ул-ахбоб или Словарь Хафиза Убахи (на тадж. яз.) / Хафиз Убахи. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 288 с.
- [55]. Черкасов А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. / А. Черкасов // Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М., 1975. – С. 99-119.

Исследования

- [56]. Бабаева Н. Саван / Н. Бабаева, Л. Бахтоваршоева // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 127-132.

- [57]. Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») / Л. Бахтоваршоева // Советская этнография. - М., 1973. – № 3. - С. 110-118.
- [58]. Бахтоваршоева Л. Платья традиционного покроя таджичек Памира / Л. Бахтоваршоева // Памироведение: Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 145-152. – (АН ТаджССР. Комиссия Памироведения).
- [59]. Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник / Ю. Д. Баруздин // Известия Академии наук КиргССР. – Т. 3. – Вып. 3. Серия общественных наук (История). - Фрунзе, 1961. – С. 43-82.
- [60]. Беленицкий А. М. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. – Л.: Наука, 1973. – 389 с.
- [61]. Бикжанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. // М. А. Бикжанова / Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. – С. 134.
- [62]. Бубнова М. А. Древние рудознатцы Памира / М. А. Бубнова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.
- [63]. Горелик М. В. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII – XIV вв.) / М. В. Горелик // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. - Вып. 11. – Армавир, 2010. – С. 207–231.
- [64]. Горелик М. В. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма) / М. В. Горелик // Батыр. - № 3. – Казань: Издательский дом Марджани, 2011. – С. 59-91.
- [65]. Горелик М. В. Погребение знатного золотоордынца у хутора Тормосин в Волгоградской области / М. В. Горелик, Л.В. Яворская // Батыр. - № 3. - Казань: Издательский дом Марджани, 2011. – С. 39-47.

- [66]. Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв. / М. В. Горелик // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 49-69.
- [67]. Длужневская Г. В. Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане / Г. В. Длужневская // Туркестан в старых фотографиях и керамике. – М.: Государственный музей Востока. - С. 9-26
- [68]. Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: очерки истории / З. В. Доде. – М.: Восточная литература, 2001. – 136 с.
- [69]. Доде З. В. «Иранский» кафтан Хосрова и «адыгская струя» / З. В. Доде // Российский археологический ежегодник. - № 3, 2013. – СПб: «Университетский издательский консорциум», 2013. – С. 642-653.
- [70]. Доде З. В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 / З. В. Доде // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. 2. Археология, антропология, палеоклиматология. – М., 2001. – С. 117–127.
- [71]. Доде З. В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог / З. В. Доде // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. - Вып. 6. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – С. 77-125.
- [72]. Длужневская Г. В. Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане / Г. В. Длужневская // Туркестан в старых фотографиях и керамике. – М.: Государственный музей Востока. - С. 9-26.
- [73]. Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии / М. М. Дьяконов // Живопись древнего Пянджикента. – М., 1954. – С. 83-158.

- [74]. Емельяненко Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья / Т. Г. Емельяненко // Антропологический форум. - № 14. - 2011. - С. 290-314.
- [75]. Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков / Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. - Душанбе: АН ТаджССР, Ин-т истории им. Ахмада Дониша, 1969. – 41 с.
- [76]. Ершов Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства / Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева. – М.-Л., 1954. – 231 с. – (Труды Института этнографии АН СССР).
- [77]. Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: каталог выставки / Е. В. Зеймаль. – Л.: Искусство, 1979. – 96 с.
- [78]. Иброхимов М. Ф. Таджикский ремесленный текстиль: Словарь-справочник / М. Ф. Иброхимов.– Душанбе: Ирфон, 2003. – 60 с.
- [79]. Иброхимов М. Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. / М. Ф. Иброхимов. – Душанбе: Ирфон, 2013. – 182 с.
- [80]. Иброхимов М. Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология / М. Ф. Иброхимов. - Душанбе: Ирфон, 2006. – 210 с.
- [81]. Иброхимов М. Ф. Национальная одежда таджиков: История и традиции (на тадж. яз.) / М. Ф. Иброхимов, Д. К. Раджабова // Мероси ниёгон («Наследие предков») – Душанбе, 2016. - № 18-2016. - С. 103-105.
- [82]. Иброхимов М. Ф. Одежда и костюм / М. Ф. Иброхимов, Д. К. Раджабова // Искусство эпохи Мир Сайид Али Хамадани. – Душанбе, 2015. - С. 197-212. - Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАН РТ, Международный научный центр музыкальной культуры народов Востока (Борбад).
- [83]. Ишбулдина К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии / К. Р. Ишбулдина // Лавровский сборник: Материалы 36-

- 37-х Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. - С. 237-242.
- [84]. Кошеленко Г. А. Археология Афганистана в дни мира и войны / Г. А. Кошеленко, Р. М. Мунчаев, В. А. Гаибов. – М.: Инст-т археологии РАН, 2014. – 164 с.
- [85]. Кошеленко Г. А. Родина парфян / А. Г. Кошеленко. – М.: Советский художник, 1977. – 175 с.
- [86]. Курылев Ф. П. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана / Ф. П. Курылев, Ф. Д. Люшкевич, М. В. Сазонова. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана. – Сборник Музея антропологии и этнографии. – СПб., 1980. – Т. 35. - С. 37-44.
- [87]. Литвинов Б. Через Бухару на Памиры / Б. Литвинов // Исторический вестник. – № 12. – М., 1904. – С. 297-1087.
- [88]. Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) / Б. А. Литвинский. – Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. – М.: Восточная литература, 2010. – 664 с.
- [89]. Лобачёва Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты) / Н. П. Лобачева // Советская этнография. – М., 1965. - № 6. – С. 34-49.
- [90]. Лобачева Н. П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана / Н. П. Лобачева // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 5–38.
- [91]. Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стеновых росписей архитектурных памятников VI-VIII вв.) / Н.

- П. Лобачева // Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. – С. 18-48.
- [92]. Лубо-Лесниченко Е.И. Ткачество // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство и материальная культура. – М.: Вост. литература, 1995. – Т. 3. – С. 36-74.
- [93]. Люшкевич Ф. Д. Женские украшения узбеков и таджиков Бухарского оазиса / Ф. Д. Люшкевич // Полевые исследования Института этнографии. 1982. – М., 1986. – С. 74-81.
- [94]. Люшкевич Ф. Д. К истории костюма населения Бухарской области в конце XIX - начале XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. – Л., 1983. – С. 64-65.
- [95]. Люшкевич Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Сб. МАЭ. – 1970. – Т. XXVI. – С. 283–312.
- [96]. Люшкевич Ф. Д. Одежда как источник изучения этнической истории Бухарской области / Ф. Д. Люшкевич // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981 г. - Л., 1981. - С. 13-14.
- [97]. Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Ленинград, 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 123-144
- [98]. Люшкевич Ф. Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) / Ф. Д. Люшкевич // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 107-138.

- [99]. Люшкевич Ф. Д. Типы женских головных уборов в Бухарском оазисе и прилегающих районах как один из этноопределяющих признаков (первая половина XX в.) / Ф. Д. Люшкевич // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений: Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Казахстана. Ноябрь 1983 г. - Л., 1983. - С. 4-5.
- [100]. Люшкевич Ф. Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области (первая половина XX в.) / Ф. Д. Люшкевич // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1989. – Т. 43. – С. 72-84. - С. 72-84.
- [101]. Майтдинова Г.М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) / Г.М. Майтдинова // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53.
- [102]. Майтдинова Г. М. История таджикского костюма / Г. М. Майтдинова. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. – 280 с.; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм. – 254 с.
- [103]. Майтдинова Г. М. Костюм раннесредневекового Кумеда / Г. М. Майтдинова // Мероси ниёгон. – Душанбе, 1992. – Вып. 1. – С. 55-58.
- [104]. Майтдинова Г. М. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи / Г. М. Майтдинова. – Душанбе: Дониш, 1992. – 266 с.
- [105]. Майтдинова Г. М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья / Г. М. Майтдинова // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987. – С. 114-132.
- [106]. Майтдинова Г. Раннесредневековые ткани Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1996. - 138 с.

- [107]. Майтдинова Г. М. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей / Г. М. Майтдинова, А. К. Елкина // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1994. – Вып. 25. – С. 74-78.
- [108]. Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике / Б. И. Маршак. - М., 1971. – 191 с.
- [109]. Махова Е.И. Программа сбора материала по народной одежде народов Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа / Е.И. Махова, С.П. Русяйкина // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 94-109.
- [110]. Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда / В. А. Мешкерис // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. - С. 13-18.
- [111]. Муродов О. Некоторые традиционные погребальные обычаи и обряды у таджиков / О. Муродов, А. Мардонова // Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1989. – С. 110-134.
- [112]. Неменова Р. Л. Таджики Варзоба / Р. Л. Неменова. – Душанбе: Дониш, 1998. – 252 с. – (АН Республики Таджикистан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша).
- [113]. Писарев С. А. Комплексное исследование археологических материалов из раскопок Тиллятепе / С. А. Писарев, С. В. Устинов // Сариниди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М.: Наука, 1989. – С. 235-236.
- [114]. Писарчик А.К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы / А. К. Писарчик // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. - С. 113-122.
- [115]. Писарчик А. К. Одежды таджиков Нурата / А. К. Писарчик – Душанбе: Сафир, 2003.

- [116]. Полякова Е.А. Миниатюра и литература Востока: Эволюция образа человека (альбом) / Е.А. Полякова, З.И. Рахимова. – Ташкент: Изд. литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987. – 284 с.
- [117]. Потемкина Т. М. Реконструкция костюма из могильника Дашти-Кози / Т. М. Потемкина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – М., 2001. – Вып. 3. - С. 73-78.
- [118]. Потемкина Т. М. Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Кози / Т. М. Потемкина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – М., 2001. – Вып. 3. - С. 62-72.
- [119]. Прищепова В. А. Взгляд со стороны: урда, джаляп, бача (по фотоколлекциям МАЭ РАН 1870-1920 годов) / В. А. Прищепова // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары). – СПб., 2006. - С. 104-119.
- [120]. Раджабова Д. К. Кабо – одежда аристократов / Д. К. Раджабова // Матер. Республ. научно-практической конфер. по теме «Наука и инновационная среда в условиях вступления Республики Таджикистан в ВТО» (25-26 апреля 2014 г.). – Душанбе, Технологический университет Таджикистана, 2014. – С. 212-215.
- [121]. Раджабова Д. К. От джуббы до чапана. Историческая типология и трансформация национального стеганого халата / Д. К. Раджабова // Матер. Межд. научно-практической конфер. «Роль интеграции науки, инноваций и технологий в экономическом развитии стран» (27-29 мая 2016 г.). – Куляб: Институт инновационных технологий и менеджмента в г. Куляб, 2016. – С. 655-658.
- [122]. Раззаков А. Р. Древнеземледельческое поселение Саразм / А. Р. Рмаззаков // Сборник материалов Междун. семинара-тренинга по историко-культурному наследию СНГ (Алматы, 19-23 сентября 2011 г.). – Алматы, 2011. - С. 199-206.

- [123]. Рассудова Р. Я. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX - XX в.) / Р. Я. Рассудова // Полевые исследования Института этнографии, 1980-1981. – М., 1984. – С. 196-206.
- [124]. Рассудова Р. Я. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) / Р. Я. Рассудова // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. – М., 1983. – С. 164-178.
- [125]. Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства / Р. Я. Рассудова // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. - Л., 1989. – Вып. 43. Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии. – С. 170-179.
- [126]. Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.
- [127]. Рассудова Р. Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX-XX в.) / Р. Я. Рассудова // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 139-156.
- [128]. Резван М. Чтобы проклятия остались снаружи или «платье-оберег» (женщина и её одежда в магическом пространстве Центральной Азии) / М. Резван, Е. Резван (русс., англ.) // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары). – СПб., 2006. - С. 76-85. – (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН).

- [129]. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. – Т. 19. Туркестанский край. – СПб., 1913. – 861 с.
- [130]. Сазонова М. В. Женский костюм узбеков Хорезма / М. В. Сазонова // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 90-106.
- [131]. Сидорова Т. В. Мужская одежда. Маячный бугор: что носили жители Золотой Орды? / Т. В. Сидорова // Родина. – 2011. – № 11. – С. 52-54.
- [132]. Сидорова Т.В. Мужской золотоордынский костюм по материалам текстильного комплекса из могильника Маячный Бугор / Т. В. Сидорова // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. – Казань, Астрахань, 2011. – С. 260-266.
- [133]. Сидорова Т. В. Мужской костюм золотоордынского времени из курганной группы Тормосин (Волгоградская область) / Т. В. Сидорова // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2010». – Т. 1. – Нальчик, 2010. – С. 211-215.
- [134]. Сидорова Т. В. Мужской костюм золотоордынского времени из курганной группы Тормосин-83 (Волгоградская область) / Т. В. Сидорова // Батыр. - № 3. – Казань: Издательский дом Марджани, 2011. – С. 48-55.
- [135]. Старостина О.В. Некоторые особенности женской ритуальной одежды таджиков // Лавровский сборник: Материалы 36 и 37-х Среднеазиатско - Кавказских чтений 2012-2013 гг. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 297-302.
- [136]. Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 3-13.

- [137]. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. - М., 1954. - Вып. 1. Новая серия. - Т. 21. - С. 111-157.
- [138]. Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). - М.: Наука, 1982. - 140 с.
- [139]. Сухарева О. А. Мать и ребенок у таджиков: (Обряды и представления, связанные с материнством и младенчеством у таджиков г. Самарканда и кишлаков Кухосо, Канибадама и Шахристана) / О. А. Сухарева // Иран. – Т. 3. - Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 48 с.
- [140]. Сухарева О.А. Опыт анализа побоев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. - С. 77-102.
- [141]. Сухарева О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии.- Л.: Наука, 1970. - С. 101-112.
- [142]. Хамиджанова А.Х. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. – Душанбе: Дониш, 1974. – 180 с., ил. – (АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша).
- [143]. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края / А. П. Хорошхин. – СПб., 1876. – 531 с.
- [144]. Хрипунов Н. В. Одежда с откидывающимися рукавами в Золотой Орде / Н. В. Хрипунов // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 9. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. - С. 84-95.
- [145]. Широкова З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину / З. А. Широкова, М. М. Шовалиева // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Т. 4. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 144-163.

- [146]. Широкова З. А. Одежда / З. А. Широкова // Таджики Каратегина и Дарваза.– Душанбе, 1976. – Вып. 3. - С. 116-202.
- [147]. Широкова З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. / З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 199 с.
- [148]. Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана / З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1976. – 206 с.
- [149]. Широкова З. А. Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. – Вып. 1. Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г. – Душанбе, 1956. – 48 с.
- [150]. Шубинский П. Очерки Бухары / П. Шубинский // Исторический вестник. - № 10. – 1892. – С. 118-142.
- [151]. Юлдашева Г. К. Традиционная одежда и украшения женщин Нуратинской долины (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. К. Юлдашева. – Ташкент, 1995. – 22 с.
- [152]. Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи / А. Ю. Якубовский // Живопись древнего Пянджикента. – М., 1954. – С. 7-24.

Исследования на иностранных языках:

- [153]. Dode Z. «Djutha», Necropole de la periode de la Horde d'Or dans Le village Caucasien de Djuhti, Region de Stavropol / Z. Dode // Archeologie Medievale. – № 37.– University de Caen, 2007. – P. 67 – 90.
- [154]. Dode Z. Juhta Burial Chinese Fabrics of the Mongolian Period in 13th–14th Centuries in North Caucasus / Z. Dode // CIETA. – Bulletin 82, 2005. – P. 75–93.

- [155]. Dode Z. On the Issue of Silk Weaving in Genoese Kaffa and Textiles from the Belorechenskaia Kurgans / Z. Dode // Silkroad Foundation's journal, The Silk Road. - Vol. 11 for 2013. – P. 113-122.
- [156]. Knauer E. R. A Quest for the Origin of the Persian Riding Coats: Sleeved Garments with Underarm Openings / E. R. Knauer // Riding costume in Egypt: origin and appearance. – Brill. Leiden-Boston, 2004. – P. 7-28.
- [157]. Knauer E. R. Towards a history of the sleeved coat. A study of the impact of an ancient eastern garment on the West / E. R. Knauer // Expedition, The University Museum Magazine of Archaeology/Anthropology. – University of Pennsylvania 21.1, 1978. – P. 18-36.
- [158]. Vogelsang-Eastwood G. Sasanian ‘riding-coats’: the Iranian evidence / G. Vogelsang-Eastwood // Riding costume in Egypt: origin and appearance. – Brill. Leiden-Boston, 2004. – P. 209-229.

Диссертации и авторефераты:

- [159]. Раджабова Д. К. Историческая эволюция народного костюма таджиков (трансформация верхней одежды) / Д. К. Раджабова. – Дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2016. – 169 с. + 58 с. илл.
- [160]. Рахимова З. И. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись XVI-XVII вв. как источник по истории костюма / З. И. Рахимова. - Автореф. дис. ... канд. иск. – Ташкент, 1984.

Электронные ресурсы:

- [161]. Паранджи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ageiron.ru/istoriya-kostyuma/vozniknovenie-parandzh>). Дата обращения: 07.03.2014.

- [162]. Прокопенко В. Обзор предметов поясной одежды исламского мира (XVI-XVIII вв.) / В. Прокопенко [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kitabhona.org.ua/costum_etno/shalvar1819.htm. Дата обращения 25.08.2016.
- [163]. Рахимова З. И. Суфийская концепция одежды в костюме шейков и дервишей (по данным позднегератской миниатюры) / З. И. Рахимова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sanat.orexca.com/rus/archive/2-08/sufkonc.shtml>. Дата обращения 26.05.2014.
- [164]. Рахимова З.И. Бухарский костюм XVI - XVII вв. в миниатюрах Мовароуннахра / З. И. Рахимова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bukhara.uz/stati-bukhara/796---XVI-XVII---->. Дата обращения 26.05.2014.
- [165]. Русская рубаха-долгорукавка – магия единения с природой [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://masterveda.ru/vsie_zapisi/russkaya-rubakha-dolgorukavka-magiya-edineniya-s-prirodojj.html. Дата обращения 26.05.2014.
- [166]. Успенский Л. В. За семью печатями (очерки по археологии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.su/read/373648-za-sem-yu-pechatyami.html>. Дата обращения 20.06.2018.

СПИСОК НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ КАНДИДАТА НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ

Научные статьи, изданные в рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан и ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

[1-А]. Кобилова М. П. Распашные платья в средневековом женском костюме таджиков (по материалам таджикско-персидской миниатюры) / М. П. Кобилова // Вестник Таджикского национального университета. - № 4 (215). - Душанбе, 2017. – С. 46-49.

[2-А]. Кобилова М. П. Вышитые платья таджичек: Истоки искусства и композиционные особенности узора / М. П. Кобилова // Вестник Таджикского национального университета. - № 5. - Душанбе, 2018. – С. 47-52.

[3-А]. Кобилова М. П. К вопросу о типологическом разнообразии исторической одежды таджиков / М. П. Кобилова, А. Саидов // Историк. – № 4(20)2019. – Душанбе, 2019. – С. 143-147.

[4-А]. Кобилова М. П. Общие черты и региональные особенности традиционной мужской одежды таджиков / М. П. Кобилова // Муаррих. - №1 – Душанбе, 2020 – С. 168 – 173.

Статьи в других журналах, сборниках научных трудов и депонированные статьи

[5-А]. Кобилова М. П. Туграл и культура одежды жителей долины Зеравшана в конце XIX – начале XX века / М. П. Кобилова, М. Ф. Иброхимов, Ш. А. Юсупова // Материалы Международной научной конференции “Туграл и его литературная среда”, посвященной 150-летию Накибхон Туграла Ахрори (Технологический университет Таджикистана, 13.06.2015). – Душанбе, 2015. – С. 55-61.

[6-А]. Кобилова М. П. Традиции и перспективы развития в Таджикистане традиционных технологий орнаментации тканей красками / М. П. Кобилова, М. Ф. Иброхимов // Материалы Международной научно-практической конференции «Инновационное развитие Республики Таджикистан: Проблемы науки и образования» (Технологический университет Таджикистана, 18-19 декабря 2015 г.). – Душанбе, 2015 г. – с. 23-28.

[7-А]. Кобилова М. П. Вариант неестественного стиля в восточном мужском костюме: заправка традиционного халата в поясную одежду / М. П. Кобилова // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(26)2016. – Душанбе: Бахманруд, 2016. - С. 56-59.

[8-А]. Кобилова М. П. К вопросу о генезисе неестественного стиля в мужском народном костюме таджиков / М. П. Кобилова, М. Ф. Иброхимов // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 2(27). – Душанбе, 2016. - С. 135-137.

[9-А]. Кобилова М. П. Неестественный прием конструктивно-декоративного оформления женского халата у персоязычных народов в XV-XVI веках / М. П. Кобилова // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(28)2017. – Душанбе, 2017. – С. 132-134.

[10-А]. Об использовании платьев с открытым передом в средневековой одежде таджиков / М. П. Кобилова // Материалы Республиканской научно-теоретической конференции «Наследие предков, возрождение народных промыслов в период государственной независимости Республики Таджикистан» (Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, 27 апреля 2019 г.). – Душанбе, 2019 г. – С. 44 – 46.